

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

ГАДЖИЕВ МАГОМЕДЭМИН МАГОМЕДРАСУЛОВИЧ

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА:
БАЗОВЫЕ ПОДХОДЫ К МОДЕЛИРОВАНИЮ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ ИХ ОПТИМИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и
технологии (политические науки)

**Диссертация
на соискание ученой степени
доктора политических наук**

Научный консультант:
доктор политических наук, профессор
Старостин А.М.

Махачкала – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. КОНЦЕПЦИЯ БАЗОВЫХ ПОДХОДОВ В МОДЕЛИРОВАНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	34
1.1. Патронажная модель межнациональных отношений: основные характеристики..	38
1.2. Конкурентная модель межнациональных отношений: фактор этничности как ресурс политического противостояния.....	55
1.3. Партнерская модель межнациональных отношений: теоретические основания и характеристики.....	75
Глава 2. РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ.....	94
2.1. Особенности межнациональных отношений на Северном Кавказе в историческом ракурсе.....	95
2.2. Конфессиональный фактор в межнациональных отношениях на Северном Кавказе.....	115
2.3. Традиционализация и демодернизация политической культуры и межнациональные отношения на Северном Кавказе.....	132

Глава 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН: АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ БАЗОВЫХ МОДЕЛЕЙ.....149

3.1. Факторы развития межэтнических отношений в республике Дагестан по конкурентной модели.....153

3.2. Элементы патронажной модели в деятельности региональных элит как детерминанта характера межнациональных отношений.....174

3.3. Перспективы реализации партнерской модели в регулировании межнациональных и межэтнических отношений на Северном Кавказе.....194

Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОПТИМИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН.....214

4.1. Снижение межнациональной конкуренции в Республике Дагестан: основные факторы профилактики и сдерживания.....215

4.2. Основные пути и механизмы разрешения межнациональных противоречий в Республике Дагестан.....229

4.3. Роль органов власти в снижении межнациональной конкуренции в Республике Дагестан.....243

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....257

ЛИТЕРАТУРА.....263

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Для полиэтничной страны, каковой является на протяжении большей части истории своей государственности Россия, вопрос о характере и тенденциях развития межнациональных отношений, а, следовательно, о технологиях государственной национальной политики является вопросом ее самосохранения. И хотя по сравнению с 90-ми годами XX в. и началом 2000-х годов остроконфликтная форма межнациональных отношений в особенности на Северном Кавказе осталась позади, но на очереди встала проблема сохранения устойчивости в межнациональной сфере. Как подчеркнул в своем Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. Президент страны: «Мы обеспечили устойчивость и стабильность практически во всех сферах жизни, а это критически важно для нашей огромной многонациональной страны со сложным федеративным устройством, с многообразием культур, с памятью об исторических разломах и труднейших испытаниях, которые выпали на долю России»¹.

Если на уровне межсубъектных отношений в России указанная устойчивость наблюдается, то что касается внутрисубъектных отношений в ряде многонациональных республик, областей, краев не все благополучно. При этом нужно подчеркнуть, что все социальные, экономические и политические преобразования в такой стране неизбежно затрагивают межнациональные отношения и в своих результатах существенно зависят от динамики этих отношений, устойчивой или нет. Поэтому любое исследование в рамках указанной проблематики в условиях России всегда является остроактуальным вне зависимости от того, затрагивает ли оно национальные отношения в масштабе всей Российской Федерации или одной конкретной республики.

¹ Послание Президента России Федеральному Собранию // Российская газета. 2018. 2 марта. № 46. С. 1.

Тем более актуальна проблематика межнациональных отношений и государственной национальной политики применительно к современной действительности северо-кавказских республик, в частности, Республики Дагестан. Северный Кавказ представляет собой регион, за которым прочно закрепились репутация проблемного. Еще не так давно сепаратистские тенденции в этой части Российской Федерации были настолько сильны, что выступали в качестве серьезной угрозы, потенциально способной содержать опасности для целостности и суверенитета России. В Дагестане данные тенденции не были столь сильно выражены, как, например, в соседней Чечне, но, являясь органичной частью Северного Кавказа, он не мог не отражать и репродуцировать все те сложности и противоречия, в целом свойственные всему региону. В первую очередь, речь идет о неформальном влиянии традиционных групп элит, наличие политического напряжения между руководством республики и федеральным центром, исламизация региона (не в последнюю очередь разного рода радикалистскими религиозными движениями), трансформация быта и повседневных практик, массовый отток русскоязычного населения. Данный сложный фон обуславливает особое значение государственной национальной политики, цель которой организовывать не только взаимодействие национальностей региона, но и место в нем русскоязычного населения.

На незавершенность в разработке и решении указанных проблем ориентирует и основополагающий документ – «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденный Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666, где в п. 20 и ставится задача «Совершенствование взаимодействия государственных и муниципальных органов с институтами гражданского общества», а п. 21а ориентирует на «Совершенствование системы управления и координации

государственных и муниципальных органов при реализации государственной национальной политики Российской Федерации».

Актуальность проблемы повышения эффективности государственной национальной политики во многом определяется и современной геополитической ситуацией. В современном мире все более напряженными становятся междивизиационные отношения между западным и исламским мирами. Эти отношения превратились в ключевой фактор геополитики, и прежде всего в силу актуализации трансграничной исламской идентичности, роста ее протестного контрглобализационного потенциала, пропагандистской активности, распространению новых, особенно разрушительных форм религиозного экстремизма и терроризма. В этой ситуации возрастают глобальные риски, связанные с активизацией исламского фундаментализма и геополитизацией межнациональных отношений, межнациональные конфликты способны быстро приобретать этнополитические и геополитические компоненты и следствия, а также они могут преднамеренно разжигаться и стимулироваться в результате применения манипулятивных приемов и технологий различными участниками геополитического процесса.

Нельзя обойти вниманием и тот важнейший фактор в международных отношениях, как попытки использовать указанные выше угрозы и противоречия как инструмент давления на Россию со стороны США и ряда стран Запада, о чем говорил Президент РФ В.В. Путин в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г.

Нетрудно заметить, что в истории государственной политики в сфере межнациональных отношений можно выделить три идеально-типических модели, по структуре которых складываются эти отношения. На наш взгляд, это модели патронажа, конкуренции и партнерства. Вне всяких сомнений, существование данных моделей возможно лишь в качестве идеальных типов, т.к. в "чистом виде" реальная социально-политическая и

управленческая практика их не знает. Также необходимо отметить, что представленные модели могут быть представлены универсальными схемами отношений межсубъектного характера, не локализованными только в межэтническом взаимодействии. В самом деле, любые социальные коммуникации между субъектами общественных отношений строятся или согласно принципам иерархии, которые предполагают создание структуры по форме патронажа, или на равноправной основе (горизонтальные связи), что предполагает наличие формулы свободных и взаимовыгодных партнерств, – каждая из этих моделей, по сути, представляет собой вариант взаимодействия субъектов через сотрудничества на бесконфликтной основе, – либо взаимодействие конфликтное, которое допускает и даже предполагает между субъектами либо открытое, либо латентное протекание конфликта.

Межэтнические взаимодействия, как все другие виды социальных коммуникаций, основаны на элементах каждой из трех моделей, которые мы определили, но только в разном пропорциональном измерении. Из этого следует, что мы предлагаем подход, который определяет аналитическую модель национальной политики российского государства в области технологий улучшения межэтнических взаимодействий через анализ трех указанных моделей, представляя из себя действенную методологию исследования в рамках политологической предметности. Представленная методологическая конструкция содержит в себе признаки научно-теоретической актуальности в эпоху сложных и многогранных трансформаций традиционных форм политического взаимодействия этносов к модернистским принципам формирования, которые востребованы периодом модернизации. Указанный период перехода к модернизму проходит очень трудно в регионах, социокультурные отношения в которых представляют собой сложные переплетения из самых разных элементов, включающих этнокультурные, религиозные,

политико-управленческие традиции, обуславливающие определенные сложности при взаимодействии с федеральными властями. Именно такие регионы тяжелее всего переходят на стадию модернизации социально-политических отношений.

К таким регионам относится Северный Кавказ и в частности Республика Дагестан. Последние десятилетия в социально-политической жизни республики характеризуются сложными и динамичными, очень неоднозначными процессами, естественным образом затрагивающими сферу межнациональных отношений. Среди таких процессов необходимо в первую очередь назвать укрепление федеральной вертикали власти и формирование отношений между федеральным центром и республиканскими этническими элитами; выстраивание легитимной субординации общегражданской и локально-этнической идентичностей; возрождение исламской культурной ментальности и традиции ее бесконфликтного сосуществования с неисламской гражданской культурой и светской государственностью. Рост значимости конфессионального фактора, с одной стороны, способствует развитию процессов традиционализации и укрепления солидарных отношений. А, с другой, вовлекает в систему социально-конфессиональных отношений новые религиозные отношения (салафизм – ваххабизм), который создает определенные очаги напряженности¹.

Что касается последнего периода жизни Республики Дагестан, начавшегося в октябре 2017 г. с назначения и.о. Главы Республики В. Васильева, вице-спикера Госдумы, то он обусловлен необходимостью эффективного противодействия терроризму и экстремизму, который некоторые «кланы» использовали для прикрытия криминальных схем и

¹ *Мирзаханов Д.Г., Магомедов А.К.* Динамика и особенности политизации ислама в постсоветском Дагестане // *Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества.* – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2018. С. 383-387.

для давления на власть и конкурентов. А также значительным ухудшением социальной обстановки, чреватой социальным бунтом и связанной с потерей управления местными властями. В. Васильев охарактеризовал работу кабинета министров Республики Дагестан как безобразную¹.

Независимые эксперты считают, что местная экономика делится на легальную, которая платит налоги (30-40 %), теневую (неучитываемые работы и услуги – 20-25 %) и неофициальную, криминальную, фиктивную (свыше 50 %). Например, более полумиллиона жителей Республики Дагестан существуют только в сборниках Росстата и списках для распределения дотаций. Но отсутствуют в медицинской и избирательной отчетности, не согласуются с данными по доходам населения, инвестициям, числе безработных. Эти «мертвые души» дают пять – шесть миллиардов рублей, которые оседают в карманах местных чиновников².

Избыток трудовых ресурсов в Республике Дагестан неизбежно влечет за собой рост криминализации региона, тотальное распространение взяточничества при приеме в детский сад, в школу, на работу.

Власть в Дагестане традиционно строится на сложном балансе сил между этническими «кланами». Но это же выступает как инерционная сила, работающая ныне по-преимуществу по принципу «кормления» и тормозящая развитие региона. И эффективной альтернативы этой системе не найдено.

Следственные действия в ряде министерств и ведомств Республики Дагестан привели к улучшению управленческой ситуации. В последних кремлевских рейтингах губернаторов РФ деятельность и.о. главы В. Васильева оценивается на «отлично». В то время, как в 2016 и 1-ой половине 2017 г. качество управления (Р. Абдулатипов) оценивалось, соответственно, на «2» и «2-»³.

¹ См.: «Эксперт». 2018. № 7. С. 61.

² См.: «Эксперт». 2018. № 7. С. 63.

³ Кремлевский рейтинг губернаторов–2018 // Русский репортер. 2018. № 8–9. С. 30–31.

Указанными обстоятельствами определяется и социально-политическая актуальность темы настоящего исследования. Она связана с наличием острой потребности в осознании властью и широкими слоями общества реальных факторов развития потенциальных межнациональных конфликтов на территории республики Дагестан, так же как и возможностей их профилактики и предотвращения, необходимостью формирования более эффективной национальной политики государства в республике с точки зрения перспектив модернизации и развития межнациональных отношений.

Степень научной разработанности темы исследования. Изучение различных аспектов государственной политики в области межнациональных отношений неизменно привлекает внимание ученых разной предметной направленности, что является нормальным для нашей страны, имеющей самый разнообразный полиэтничный, социально-экономический и культурный состав населения.

В мировой политологической науке к рассмотрению национальной идентичности как политического конструкта обращался целый ряд зарубежных и отечественных исследователей. В первую очередь, следует назвать работы Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, из отечественных исследователей – В.А. Тишкова, рассматривающего этничность как одну из форм социальной организации, что предполагает ее социальное конструирование. Также необходимо упомянуть работы авторов, рассматривавших особенности межнациональных отношений в контексте политики ведущих мировых держав и процессов глобализации. Прежде всего, речь идет об исследованиях Э. Саида, С. Хантингтона, М. Хардта и А. Негри¹. По мнению С. Хантингтона, имеется глобальный кризис форм

¹ Саид Э. Культура и империализм. М., 2012; Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

национальной идентичности, переживаемый в практике функционирования практически всеми государствами¹.

Смысловым центром темы является проблема переформатирования конкурентности межнациональных отношений и уход от обстоятельств, генерирующих этнополитическую конкуренцию и конфликты.

Поскольку проблема носит междисциплинарный характер в качестве источников были выбраны не только работы представителей политологии, где следует назвать работы К.С. Гаджиева, Г.А. Бордюгова, А.А. Мацнева, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина², но также и этносоциологии, в частности, речь идет о работах Ю.В. Арутюняна, З.В. Сикевича, Г.Г. Силласте и др. В контексте конфликтологического изучения тема рассматривалась такими авторами, как В.Н. Шаленко, В.Н. Кудрявцев, М.И. Кодин, Семедов С.А. и др.

В аспекте анализа отраслевой государственной политики применительно к сфере национальных отношений значимы были исследования Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, где сделан важный вывод о «факторной значимости этнической комплементарности для укрепления российской государственности»³. Важен также принципиальный вывод о смене государственно-управленческой парадигмы в управлении развитием федеративных отношений в современной России, сделанный Я.А. Пляйсом, а именно: о переходе от политики децентрализации власти и управления Б.Н. Ельцина – к политике консолидации В.В. Путина⁴.

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 35-36.

² Понеделков А.В., Старостин А.М., Старостин А.А. Межнациональные отношения и национальная идентичность в современной России: проблемы и перспективы развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2015. № 3 (30). С. 21–35.

³ Качество и успешность государственных политик и управления. – М.: «Научный эксперт», 2012. С. 385.

⁴ Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. – М.: РОССПЭН, 2009. С. 179–188.

Еще один важный аспект темы исследования составляет феномен этнонационализма и его проявления в политике, прежде всего в качестве фактора, способствующего развитию политической конкуренции в конфликт. Этнонационализм и порождаемые им проблемы исследуются в работах Р.Г. Абдулатипова, Ю.В. Арутюняна, Ю.Г. Волкова, Л.М. Дробижевой, Г.С. Денисовой, В.Н. Иванова, Ю.Ю. Карпова, Г.В. Осипова, В.Н. Рябцева, Ж.Т. Тощенко, В.А. Тишкова, Л.Л. Хоперской, В.В. Черноуса и др. При этом позиции исследователей расходятся в понимании природы этнонационализма – от В.А. Тишкова и исследователей его школы, рассматривающих этнонационализм как сугубо политический феномен, до Л.М. Дробижевой и В.В. Черноуса, отмечающих наличие и других значимых корней этнонационализма.

Особенности межэтнического взаимодействия, которое сложилось на данный момент в Дагестане, анализируются через изучение специфики ментальных программ, формирующих традиции народов Дагестана, эволюции обретения ими этнического самосознания. Данным проблемам посвящены значительные массивы трудов, в первую очередь, ученых, живущих в самом Дагестане, и, соответственно, хорошо осведомленных в политических традициях региональной этнической среды: З.М. Абдулагатова, Р.Г. Абдулатипова, М.А. Абдуллаева, Л.Х. Авшалумовой, А.Г. Агаева, М.А. Агларова, А.К. Алиева, Д.Н. Батырева, М. В. Вагабова, Н.М. Вагабова, З.Т. Гасанова, К.Г. Гусаевой, М.Р. Курбанова, Р. М. Магомедова, С.И. Муртузалиева, С.И. Мусаевой, С.Ш. Муслимова, К.М. Ханбабаева, М.Я. Яхьяева. Особо необходимо отметить значимость работ Р.Г. Абдулатипова, исследовавшего специфику политических процессов в республике Дагестан и в Северо-Кавказском регионе, факторы риска развития этнополитических конфликтов в Дагестане и возможности профилактики таких конфликтов и взятия их под контроль. Среди исследований последних лет особое внимание следует обратить на работы

Р.И. Абакарова¹, О.Ю. Кузивановой, рассматривающей особенности национальной политики в Российской Федерации²; Б.А. Черкесова и О.Б. Лободы³.

Историко-политические аспекты межнациональных отношений на Северном Кавказе освещались, зачастую получая противоположные оценки, в работах Х.Г. Аджемьяна, М.М. Блиева, В.Б. Виноградова, В.В. Дегоева, Ш.В. Цагарейшвили и др. Влияние исламского фактора на политический процесс и формирование межнациональных отношений исследуются В.О. Бобровниковым, Г.М. Керимовым, А.Р. Сюкияйненом. Специфика этнополитических конфликтов, в том числе и на религиозной почве, исследована в работах Ю.Г. Запрудского, Е.Е. Несмеянова, Е.И. Степанова, Ю.Ю. Синелиной, В.Г. Федотовой, В.Ю. Шпака, И.П. Чернобровкина и др.

Влияние исламского фундаментализма и религиозного экстремизма на углубление скрытой и явной конфликтности в сфере межнациональных отношений рассматривается З.С. Аруховым, В.Х. Акаевым, В.О. Бобровниковым, И.П. Добаевым, А.В. Кудрявцевым, А.А. Игнатенко, А.В. Малашенко, Д.В. Макаровым, В.Н. Шевелевым, С.А. Семедовым, А.А. Ярлыкаповым. Региональные социокультурные факторы этнополитических конфликтов и распространения терроризма как формы их выражения исследуются И.М. Вакулой, В.В. Витюком, С.А. Воронцовым, И.П. Добаевым, Е.Г. Ляховым, И.В. Манацковым и др. В работах Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова, Г.В. Марченко, В.В. Попова, В.П. Пляскина и др. анализируются пути и формы административного

¹ *Абакаров Р.И.* Межэтнические отношения в Республике Дагестан (по материалам социологических исследований 2013 г.) – Вестник Дагестанского научного центра – 2013 - № 51 – С. 135-138.

² *Кузиванова О.Ю.* Политико-идеологические векторы национальной политики России // *Власть.* 2015. № 1. С. 39-43.

³ *Черкесов Б.А., Лобода О.Б.* Этнические конфликты как фактор нестабильности общества // *Международный журнал экспериментального образования.* – 2015. – № 11-5. – С. 721-726.

регулирования межнациональных отношений в республиках Северного Кавказа и Дагестане. Важное значение для настоящей работы имеют исследования, посвященные анализу миграционных процессов на Северном Кавказе и конкретно в Республике Дагестан. Среди них мы можем отметить работы Ю.Ю. Карпова и Е.Л. Капустиной¹, Ю.А. Будницкой², З. Балашова, Т. Балашовой, Ю. Голика и Ю. Дука³, ряда других авторов.

Необходимо отметить исследование А. Лейпхарта, имеющее большую значимость для исследования специфики управления межнациональными отношениями в полиэтничных государствах и регионах⁴. Модели партнерства, патронажа, подавления во взаимоотношениях власти и бизнеса в регионе рассматривает в своей работе В.И. Киселев⁵. Вопросы организации государственного управления в Республике Дагестан и других национальных регионах России рассматривают в своих работах М.А. Дадуев, Я. Залесны, Э.Ф. Кисриев, А.Р. Салгирева, Л.А. Тружениковой и др.⁶ Следует обратить внимание и на

¹ Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием. – Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016; *Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2011.

² *Будницкая Ю.А.* Демографические и миграционные процессы, их этнокультурные особенности в субъектах Северного Кавказа. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009.

³ *Балашов З., Балашова Т., Голик Ю., Дук Ю.* Нелегальная и криминальная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Уголовное право. 2008. № 2.

⁴ *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М., 1997.

⁵ *Киселев В.И.* Модели взаимодействия бизнеса и власти в субъектах Российской Федерации // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2013. №17. С 18-23

⁶ *Дадуев М.А.* Субъекты управления политическими процессами на субнациональном уровне в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития - № 3 – 2014. С. 227-232; *Залесны Я.* Особенности системы государственной власти в Республике Дагестан – Юридическая наука - № 2 – 2015 – С. 24-32; *Кисриев Э.Ф.* Национальность и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998, *Салгирев А.Р.* Политические элиты республик Северного Кавказа как субъект управления политическими процессами. – М.-Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2014; *Труженикова Л.А.* Республика Дагестан в конце XX – начале XXI в.: эволюция высшей

работы, посвященные анализу традиционных миротворческих практик народов Северного Кавказа, в том числе и Дагестана. Это исследования А.К. Алиева и Г.И. Юсуповой, Х.Г. Магомедсалихова, С.М. Микогазиевой, М.С. Мусаевой, М.-Э.Х. Шамсуева и др. исследователей¹.

Несмотря на обилие научной литературы, так или иначе затрагивающей или непосредственно анализирующей различные аспекты межнациональных отношений в республике Дагестан, малоисследованной остается проблема соотношения представленных там моделей межнациональных отношений, оптимизации их в контексте осуществления модернизации политической жизни в республике. Автор ставит перед собой в настоящем исследовании задачу восполнения этого пробела.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют теоретико-методологические разработки в области современной прикладной философии² и их инструментальная проекция в сферу межнациональных отношений³, современные концепции этноса и этничности, межнациональных и межэтнических отношений, а также базовые теоретические положения исследований клиентелизма, патронажа и конфликтологии, разработанные в трудах отечественных и зарубежных

государственной власти - Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки - № 4 – 2008. С. 74-78.

¹ *Алиев А.К., Юсупова Г.И.* Миротворчество и народная дипломатия на Северном Кавказе. – Махачкала, 2002; *Магомедсалихов Х.Г.* Традиционные формы разрешения конфликтов у аварцев в XIX - начале XX века. Дис. ... канд.ист.наук. Махачкала, 2003; *Микогазиева С.М.* Восстановительное правосудие: история и реальность Республики Дагестан – [Электронный ресурс] – Режим доступа: - // <http://www.scienceforum.ru/2015/1357/14665>; *Мусаева А.Г.* Примирительное правосудие у народов Дагестана – Современные проблемы науки и образования (электронный научный журнал) - № 1 – 2015. - № 1 – 2012 – [Электронный ресурс] – URL <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17095>; *Шамсуев М.-Э.Х.* Политическое обеспечение информационной безопасности на Северном Кавказе. – М.-Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2014.

² См.: *Старостин А.М.* Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

³ *Старостин А.М.* Межнациональные отношения в современной России: «точки кризиса» и «точки роста» // Вопросы гармонизации межкультурных, межнациональных и межконфессиональных отношений. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2016. С. 13-22.

этнологов, социологов и конфликтологов, таких как Д. Горовиц, М. Афанасьев, А. Гилев, Р. Дарендорф, Л. Козер, М. Фишер, Р. Росперс, Х. Майал, В. Тишков, А. Дмитриев, Ш. Эйзенштадт и др.

Важное место в методологии исследования заняли труды по моделированию в области политических процессов. В этом плане автор использовал опыт разработки социально-политических моделей в зарубежных исследованиях Дж. Форрестера¹, Т. Скокпола², С. Липсета³, Р. Стивенсона⁴, Д. Дзоло⁵ и других авторов.

Вместе с тем автор опирался на известную модель отношений властных элит и бизнес-элит Чириковой А.Е.-Лапиной Н.Ю., переработанной и адаптированной применительно к проблеме управления в сфере национальной политики⁶.

Еще одним важным компонентом теоретико-методологической основы является метод идеальной типизации, разработанный М. Вебером. Базовым концептуальным представлением послужило понимание межнациональных отношений как подвижного социального конструкта, параметры которого задаются характером окружающей социокультурной среды, развитостью гражданского общества, спецификой государственности, этнокультурными традициями и долговременной исторической памятью народов.

В соответствии с таким пониманием межнациональные отношения на уровне республик и регионов обладают определенной инертностью и в то же время определенной пластичностью. Инертность проистекает от

¹ *Форрестер Дж.* Динамика развития городов. М., 1974.

² *Skocpol T.* Social Revolution in the Modern World. N.Y., 1994.

³ *Lipset S.* Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // *Международный журнал социальных наук.* 1993. № 3. С. 5-34.

⁴ *Stivenson R.* The Economy and Policy Mood: A Fundamental Dynamic of Democratic Politics // *American Journal of Political Science.* Vol. 45. # 3 (Jul, 2001).

⁵ *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. – М.: ВШЭ, 2010.

⁶ *Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.* Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М., 1999. С. 85-93.

наличия долговременных исторических, культурно-ментальных и историко-политических факторов, существенно влияющих на межнациональные отношения в современную эпоху. Но, будучи конструктом, согласно принятому в качестве базового теоретическому представлению, межнациональные отношения обладают пластичностью потому, что определяются не стабильными биосоциальными детерминантами, такими как кровь и почва, а принципиально подвижными, несмотря на инертность, политическими и социокультурными факторами, влияющими, в свою очередь, на уровень и характер политической культуры.

Данное теоретическое представление позволяет рассматривать межнациональные отношения как допускающие возможность их моделирования в рамках направленной государственной национальной политики в соответствии с запросами общества и государства, требованиями эпохи и осуществляемого в обществе процесса социальной и политической модернизации. Такая государственная национальная политика предполагает оптимизацию модели, в соответствии с которой должно осуществляться социально-политическое конструирование межнациональных отношений, выстраиваться общая стратегия их развития и формироваться политические технологии сдерживания этнополитической конкуренции и конфликтов в республике.

Таким образом, принятая автором теоретико-методологическая основа исследования ориентирует на выбор наиболее адекватной задачам политической модернизации модели формирования межнациональных отношений как концепции государственной национальной политики. Таких моделей, являющихся идеально-типическими конструкциями, то есть не существующими в социально-политической практике в чистом виде, но только в различных комбинациях друг с другом, имеется три: конкурентная, патронажная и партнерская.

Являясь универсальными моделями социального и политического взаимодействия, эти три модели могут быть применены и к межнациональным отношениям, прежде всего в плане их анализа, а также для обоснования выбора модели конструирования межнациональных отношений посредством государственной национальной политики, оптимально соответствующей задачам политической модернизации.

Помимо указанных методологических принципов, в диссертации также использовались концептуальные положения теории конфликта: представления о явной и латентной конфликтности, фазах и стадиях развития конфликта, основных способах его разрешения и предупреждения.

Кроме того, на протяжении работы над диссертацией были неоднократно использованы общенаучные методы и принципы – системного подхода, исторического анализа, дескриптивный метод и др.

Эмпирическая база исследования: диссертант опирался на первичный анализ социологических опросов, проведенных на базе лаборатории проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС (руководитель – проф. А.В. Понеделков), проведенных в 2015–2018 гг.: «Проблемы национальной безопасности: региональный уровень» (2015 г.); «Власть, бизнес, гражданское общество: модели взаимодействия» (2016 г.); «Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества» (2018 г.) и «Проблемы противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе и пути их решения в современной России» (2018 г.), а также на анализ статистических данных о социально-экономическом развитии регионов и электоральной статистики.

В работе использованы также материалы социологических исследований, проведенных в Республике Дагестан по проблемам

межэтнических отношений, в которых имеется авторский вклад по привлекаемой выборке, ее обработке и обобщениям:

Исследование № 1 (руководитель к.ф.н., проф. Казиев Н.Э.) – «Осуществление мониторинга состояния этноконтактной ситуации в муниципальных образованиях, определение степени конфликтности и выработки рекомендаций для органов исполнительной власти РД (2016 г., выборка 3500 респондентов).

Исследование № 2 (руководитель Мамараев Р.М.) – «Социально-политические факторы недовольства в современном дагестанском обществе» (2017 г., выборка 600 респондентов).

Исследование № 3 (руководитель докт. социол. наук. Шахбанова М.М.) – «Ресурс межэтнического согласия в консолидации дагестанского общества: состояние и тенденции» (2018 г., выборка 745 респондентов).

Объектом диссертационного исследования является процесс формирования государственной национальной политики как фактора конструирования межнациональных отношений на территории республики Дагестан.

Предмет исследования составляет концептуальное обоснование государственной национальной политики, ориентированной на оптимальную с точки зрения задач политической модернизации модель межнациональных отношений, и теоретическая разработка политических технологий их оптимизации в республике Дагестан.

Цель исследования состоит в концептуализации практик государственной национальной политики, ориентированной на эффективную с точки зрения потенциала политической модернизации партнерскую модель межнациональных отношений, и разработке политических технологий их оптимизации, конкретизированной применительно к республике Дагестан.

Достижение данной цели предполагает пошаговое решение **задач**:

- на уровне теоретико-методологического обобщения проанализировать характеристики патронажной модели межнациональных отношений как концепции государственной национальной политики;
- очертить ключевые характеристики конкурентной модели межнациональных отношений в контексте формирования национальной политики государства;
- исследовать партнерскую модель как идеально-типический конструкт для формирования государственной политики в области межнациональных отношений;
- выявить факторную специфику исторического формирования межнациональных отношений на Северном Кавказе и в республике Дагестан;
- исследовать роль конфессионального фактора в межнациональных отношениях в республике Дагестан;
- выяснить определяющие тенденции в динамике политической культуры межнациональных отношений в республике Дагестан;
- выявить факторы, генерирующие конкурентность и конфликтогенность межнациональных отношений в республике Дагестан;
- оценить эффективность патронажной модели межнациональных отношений в процессе формирования государственной национальной политики применительно к республике Дагестан;
- выяснить эффективность государственной национальной политики, ориентированной на партнерскую модель межнациональных отношений, в перспективе модернизации политического процесса в республике;
- исследовать механизмы профилактики и сдерживания межнациональной конкуренции и конфликтов в Дагестане;

- проанализировать пути и способы сдерживания конкуренции и возникающих межнациональных конфликтов в рамках государственной национальной политики;

- очертить роли федеральных и региональных властных структур и гражданского общества в разрешении и профилактике межнациональных столкновений в республике Дагестан.

Гипотеза исследования. Политика современного российского государства в сфере межнациональных отношений в рамках методологии конструктивизма может быть представлена как их целенаправленное конструирование, границы возможностей которого заданы уровнем социально-экономического, социокультурного, политического развития регионов и территорий компактного проживания этнических групп, а цели определяются необходимостью модернизации социальных и политических взаимодействий между федеральными и региональными властными структурами. Концептуализация современной государственной национальной политики в республике Дагестан может основываться на переосмыслении теории трех базовых моделей межнациональных отношений, предполагающем комбинированное использование элементов патронажной и партнерской моделей в качестве основы для разработки конкретных политических технологий.

Присутствие патронажной модели в конструировании межнациональных отношений в республике определяется наличием уровнем политической культуры населения, высоким авторитетом традиции и неформальных клановых элит в разрешении и профилактике межнациональной конкуренции и конфликтов. Однако ориентация на ценности развития и политической модернизации предполагает расширение использования элементов партнерской модели как начал современной политической культуры межнациональных отношений. Если государственная политика, основанная на патронажной модели отношений

и опирающаяся на административные методы управления, ведет к укреплению приоритета общегражданской идентичности по отношению к этническим идентичностям, то политическое использование партнерской модели в контексте модернизации политического процесса обеспечивает гармоничное сосогласование общегражданской и этнической идентичности, что является преимуществом партнерской модели отношений.

В процессе работы над диссертацией были получены определенные результаты, содержащие следующую **научную новизну**:

- обосновано, что применение конструктивистской методологии к межнациональным отношениям предполагает понимание их пластичности и возможности их целенаправленного моделирования на основе выбора базовой концепции государственной национальной политики;

- показано, что основной характеристикой применения патронажной модели отношений в государственной национальной политике является вертикальная иерархическая структурированность с односторонним доминированием и контрольными полномочиями вышестоящей инстанции в отношении нижестоящей, допускающая органическое вплетение неформальных этнополитических элит в контролируемую деятельность формальных структур власти;

- установлено, что конкурентная модель межнациональных отношений характеризуется либо слабостью государственного институционального контроля, способствующей стихийному развитию этнополитического конфликта в отсутствие адекватного сдерживания, либо осознанным манипулированием межнациональными противоречиями со стороны региональных этнополитических элит в своих частногрупповых интересах;

- выяснено, что государственная национальная политика, использующая партнерскую модель межнациональных отношений,

характеризуется их «горизонтальным» структурированием на основе разделяемой аксиологии равенства и равноценности интересов сторон, что наиболее соответствует задачам создания оптимального политического ландшафта для осуществления модернизации;

- показано, что исторически становление межнациональных отношений на территории Северного Кавказа и Дагестана происходило под влиянием процессов взаимодействия с российской государственностью и трансформаций последней, исламского фактора, а также социально-экономических факторов, прежде всего остроты земельного вопроса;

- выяснено, что традиционализация политической культуры в северо-кавказском регионе и, в частности, в Республике Дагестан, стимулирует ослабление общегражданской идентичности, контроля федеральной власти и рост этнонационалистических настроений, что является конфликтогенным фактором в межнациональных отношениях;

- установлено, что существенность конфессионального фактора в развитии межнациональных отношений в республике Дагестан определяется широкими возможностями политизации ислама посредством формирования искусственного противостояния исламской конфессиональной и российской общегражданской идентичностей;

- показано, что современная геополитическая ситуация, сложность и динамизм современной общественной жизни Дагестана, как и других республик Северного Кавказа, на фоне социально-экономических проблем, политизации исламского фундаментализма и актуализации этноконфессиональной идентичности придают этнополитическое звучание любому формирующемуся конфликту, что увеличивает риск геополитизации межнационального конфликта;

- выяснено, что использование патронажной модели государственного регулирования межнациональных отношений в

республике Дагестан «извне и сверху» способствует поддержанию приоритета общегражданской политической идентичности и продуктивному вовлечению этнополитических элит в процесс сдерживания конфликтности;

- обосновано, что применение партнерской модели межнациональных отношений в государственной национальной политике является оптимальным с точки зрения перспектив модернизации политического процесса и укрепления начал современного гражданского общества в республике Дагестан, как и в других республиках Северного Кавказа;

- показано, что развитие межнационального партнерства и укрепление межэтнических связей посредством как государственных мер и программ, так и деятельности структур гражданского общества, образовательных учреждений и религиозных конфессий является необходимым условием предупреждения этнополитических конфликтов на территории республики Дагестан;

- установлено, что снижение конкурентности в межнациональных отношениях может осуществляться на основе применения в государственной национальной политике как патронажной, так и партнерской модели конструирования отношений, однако партнерская модель располагает более эффективными механизмами такого разрешения;

- выяснено, что в условиях республик Северного Кавказа ввиду сложности межнациональных отношений и переплетения различных факторов роль властных структур в снижении межэтнической конкуренции и предотвращении межэтнических конфликтов является определяющей в порядке компромиссного использования механизмов партнерской и патронажной моделей.

Новизна исследования конкретизирована в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Выступая объектом социокультурного и политико-технологического конструирования в условиях модернизации, межнациональные отношения детерминируются характером политической культуры, институциональной структурой общества и направленностью государственной национальной политики. При том, что воздействие долговременных исторических факторов приводит к высокой инертности изменений в области межнациональных отношений, с позиции социального конструктивизма они обладают достаточной пластичностью и поддаются целенаправленным преобразованиям посредством реализации политических стратегий.

Политико-управленческая стратегия современной России опирается в содержательном плане на концепт «государственная национальная политика», который в смысловом контексте трактуется как отраслевая государственная политика, ориентированная на путинскую консолидационную парадигму, основанную на приоритете общегосударственных целей и ценностей.

Моделирование государственной политики в области межнациональных отношений фундируется выбором базовой теоретической модели (идеального типа): патронажной, конкурентной, партнерской.

2. Патронажная модель отношений как основа государственной национальной политики предполагает «вертикаль» уровней власти и доминанту центральной государственной власти, иерархичность, контроль и регламент межнациональных отношений со стороны доминанты. Отсутствие обратной контролирующей связи («снизу вверх») ведет в системе межнациональных отношений к диспропорциональности реализации интересов сторон. Опираясь на традиционный менталитет и историческую укорененность патронажной модели в социально-политических практиках, старые этноплеменные элиты сохраняют позиции

неформальных структур местного и регионального управления и интегрируются в деятельность формальных структур власти, что позволяет эффективно использовать управленческий потенциал трайбальных связей в решении межнациональных проблем.

3. Конкурентная модель межнациональных отношений отражает ситуацию невозможности или нежелания достижения компромисса между интересами субъектов политического процесса. Конкурентная модель, положенная в основу конкретной политической стратегии межнациональных отношений, может целенаправленно использоваться как элемент политики региональных властных структур по принципу «разделяй и властвуй». Сложность и внутренняя противоречивость расклада сил влияния в такой ситуации дает возможность региональным властным структурам реализовывать свои цели в осуществлении политики в области межнациональных отношений, в том числе и посредством манипулирования имеющимися застарелыми противоречиями в отношениях этнических групп, конструирования управляемых межнациональных отношений. В этом смысле межнациональные отношения в северокавказских республиках, в республике Дагестан в частности, могут складываться по конкурентной модели не только стихийным образом, но и целенаправленно, в рамках реализации целей политических субъектов разного уровня.

4. Поскольку основанная на партнерской модели межнациональных отношений государственная национальная политика направлена на поддержание и конструирование «горизонтальных» взаимодействий и исходит из принципа равенства всех партнеров, она исключает односторонние преференции субъектов политического взаимодействия и осознанное нарушение их прав. Философская аксиология равенства, положенная в основание партнерской модели, обеспечивает реализацию принципов справедливости и взаимоуважения в отношениях субъектов.

Несмотря на то, что партнерский тип отношений востребован в процессах политической модернизации и социально-экономического развития, наиболее реалистична партнерская модель отношений в практике скорее социума, нежели политикума. В реальной социально политической практике в посткоммунистических и постсоветских государствах процессы модернизации не исключают ведущую роль государственной власти, свойственные патронажной модели авторитарные методы управления и администрирования. Соответственно партнерская модель неизбежно искажается и сближается с патронажной.

5. Эволюция протекания межнациональных взаимоотношений в северокавказском регионе и, непосредственно, в республике Дагестан основана на переплетении и взаимодействии ряда факторов. Среди наиболее важных: постоянный политический контакт с центральной властью России, который принимал в разные исторические эпохи как свойства положительного сотрудничества, так и ожесточенных войн; ошибки в административно-территориальном и национально-территориальном делении в советский и современный российский периоды, и, кроме того, ошибки при проведении в данном регионе национальной политики; повышение значимости идентичностей по этническому типу, а также сопряжение с ними вызовов этнорегионального сепаратизма, напряженности во взаимодействии между этносами; неразрешенность и отсутствие механизмов для разрешения земельного вопроса. Пересечение этих факторов исторически обусловило высокую конфликтогенность коммуникации в межнациональных отношениях, что не исключает возможность предупреждения и регулирования межнациональной конкуренции посредством традиционных и инновационных механизмов управления и власти.

6. В условиях усложнения современной геополитической ситуации, цивилизационного противостояния и распространения идей исламского

фундаментализма нарастающее влияние в республиках Северного Кавказа исламского фактора актуализирует противоречие между трансграничной исламской конфессиональной идентичностью и общегражданской российской идентичностью, возникает риск идеологизации, политизации ислама, отождествления конфессиональной и этнических идентичностей народов Дагестана, нарастания межнациональной конкуренции.

7. Важным конфликтогенным фактором в области межнациональных отношений является архаизация, традиционализация политической культуры республики Дагестан и Северного Кавказа в целом. Архаизация политической культуры усиливает влияние этноцентризма, неформальных механизмов власти этнорегиональных элит, ослабляет процессы консолидации этнических групп на основе общегражданской идентичности. Соответственно общая модернизация Северного Кавказа, включающая модернизацию политической культуры и моделей социально-политического управления с участием центральной российской власти, является необходимым условием регулирования и предупреждения межнациональных противоречий и конфликтов в республике Дагестан.

8. Исторический контекст развития Республики Дагестан, включающий фактор длительного компактного проживания на одной территории малочисленных народов и многочисленных этнических групп, накопивших ряд взаимных территориальных, социокультурных, религиозных, языковых противоречий и претензий, обусловил высокий конкурентный потенциал межнациональных отношений. Обозначенные факторы создают латентную напряженность межнациональных отношений, подпитывают тенденцию политизировать, интерпретировать любое социально-политическое противоречие как межнациональный конфликт.

9. Государство, которое организовано на федеральных принципах, делает неизбежным иерархическое соподчинение существующих элит региона федеральной власти. В этом видится важнейшее проявление

элементов патронажа, определяющего взаимодействие на уровне федерального центра и этнонациональных элит Дагестана. Основным затруднением выстраивания национальной политики государства по принципу патронажной модели является необходимость направленного конструирования в республике межнациональных отношений, исторически формировавшихся в сложноорганизованной среде, потенциально таящей в себе латентные конфликты. Ресурсы патронажной модели, регулирующей межнациональные отношения в Дагестане посредством государственных воздействий на всех возможных уровнях, дает возможность поддержать ясную приоритетность во взаимодействии разных групп этносов, которые ориентируются на целостность государства и общую для всех народов гражданскую идентичность, имеющую приоритет в отношении этнорегиональной. Тем не менее, необходимо согласиться, что патронажной модели свойственна опора на традиционалистские и консервативные социокультурные элементы, которые сложно совмещать с модернистскими ценностями политического характера. Важно отметить, что взаимоотношения между этносами невозможно всегда регулировать методом «ручного управления», что предполагает необходимость внедрять партнерские начала для развития новых гражданских, горизонтальных связей.

10. Содержательные и структурные особенности «вертикальной» патронажной модели политического управления межнациональными отношениями, включающие отсутствие обратной связи и контроля «снизу», непрозрачность механизмов политического регулирования, возможность теневого лоббирования интересов отдельных этноконфессиональных элит и т.д. актуализируют конфликтный и конкурентный потенциал межнациональных отношений в республике Дагестан. Соответственно развитие политического управления на основе партнерской модели: укрепления горизонтальных связей и организации

политических процессов в интересах всех субъектов создает возможности политической модернизации, снижения конфликтогенных факторов, интеграции этнической и общегражданской идентичностей в рамках единого социально-политического культурного пространства.

11. Эффективная государственная политика, направленная на модернизацию республики Дагестан и снижение межнациональной конкуренции в регионе, предполагает, используя преимущества партнерской модели, решение проблем «разделенных народов» (аварцы, лезгины, ногайцы, шахуры), вынужденных переселенцев, оттока русскоязычного населения; разработку целевых программ межнациональной интеграции и укрепления межнациональных связей, повышения межнациональной и межконфессиональной толерантности, обеспечения равноправного участия в политических процессах традиционных религиозных конфессий, представленных в республике, а также решение проблем безработицы и коррупции.

12. Эффективная государственная национальная политика, направленная на оптимизацию межнациональных отношений должна использовать технологии прогностического характера (постоянного мониторинга, отслеживания латентной напряженности с целью своевременного предотвращения развития конфликта, разработку и переоценку эффективности моделей управления и т.д.); обеспечивать решение проблем социально-экономического и правового характера, в том числе проблемы социально-экономического неравенства этносов, становления гражданского общества, создания среды, в том числе языковой на основе государственного языка для межнациональных коммуникаций, а также использовать традиционный для Дагестана институт посредничества, привлекая к разрешению конфликтов имеющих авторитет представителей неформальной этнической элиты, религиозных лидеров и т.д., опираясь на возможности и преимущества партнерской модели.

13. В рамках патронажной модели роль властных структур в управлении межнациональными отношениями, урегулировании и профилактике межнациональных конфликтов, в снижении межнациональной конкурентности, предотвращении их политизации главным образом сводится к администрированию, с опорой на властную вертикаль. Партнерская модель расширяет возможности политического управления за счёт использования горизонтальных структур и связей, вовлечения в процессы неформальных структур, института посредничества, гражданского общества, образования и т.д. Вместе с тем, специфика исторического развития Северного Кавказа и современная социально-политическая ситуация в республике Дагестан требует компромиссных решений, использования сильных сторон как партнерской, так и патронажной модели, что предполагает как развитие гражданского общества, так и сохранение определяющей стратегической роли государственных институтов.

Практическая значимость результатов исследования определяется необходимостью дальнейшего углубления имеющихся теоретических концепций формирования государственной национальной политики, научной оценки состояния межнациональных отношений в республике Дагестан, а также потребностью в оптимизации как межнациональных отношений, так и государственной национальной политики в республике в целях снижения конкурентности, предотвращения конфликтов в межнациональной среде. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в процессе разработки политических технологий и управленческих стратегий регионального и федерального уровня, направленных на оптимизацию государственной национальной политики и межнациональных отношений в республиках Северного Кавказа.

Материалы диссертации могут быть использованы в ходе разработки и чтения общих и специальных курсов по политологии, этнологии, этносоциологии, теории и социологии управления.

Соответствие паспорту научной специальности. В работе раскрываются характерные особенности и потенциал базовых моделей политического управления в области национальной политики и произведен дифференцированный анализ их эффективности на примере многонационального, с ярко выраженной и подчеркиваемой национальной идентичностью, субъекта Российской Федерации (Республики Дагестан).

Указанная область исследования соответствует паспорту специальности 23.00.02 – «Политические институты, процессы и технологии», а именно:

пункту 2 - ... «Государственная политика и управление. Виды государственной политики. Эволюция политической системы и государственной политики Российской Федерации в постсоветский период, ее основные характеристики»;

пункту 9 – «Статика и динамика в политической жизни: традиционные и модернизационные типы обществ... Политическая модернизация, ее взаимосвязь с модернизационными прорывами в других сферах общественной жизни... Противоречия и перспективы модернизационных процессов в современной России»;

пункту 11 – «... Структура и технология политического управления. Политическое управление в современной России: характер, основные направления, специфика».

Апробация работы.

По теме диссертационного исследования опубликованы: 4 научные монографии, общим объемом – 55 п.л., 33 статьи, опубликованные в научных журналах, входящих в перечень научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, общим объемом более 17

п.л., а также 16 статьи в сборниках и материалах научных конференций различного уровня общим объемом 10 п.л.

Материалы диссертационного исследования прошли апробацию на международных, всероссийских и республиканских конференциях в 2007-2018 гг. и нашли отражение в публикациях материалов этих конференций: Всероссийской конференции «Политические аспекты модернизации российского общества» (М.-Махачкала, 2010); международной конференции «Природа терроризма и психологии человека на историческом фоне» (СПб., 2007); Всероссийской конференции «Актуальные проблемы формирования и развития образования населения в области противодействия экстремизму и терроризму на Северном Кавказе» (Махачкала, 2011); Первом Северо-Кавказском политологическом форуме «Полиэтническое общество, власть и демократия в России» (М.-Махачкала, 2012); I Всероссийском элитологическом конгрессе (Ростов н/Д., 2013); II Всероссийском элитологическом конгрессе (Ростов н/Д., 2016); Всероссийской научно-практической конференции «Идеологические и психологические основы профилактики и предупреждения терроризма и экстремизма в современной России» (Махачкала, 2014); Круглом столе с международным участием «Власть, бизнес, гражданское общество: модели взаимодействия» (Ростов н/Д., 2016); Научно-практической конференции с международным участием «Гражданское общество, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества» (Ростов н/Д., 2018).

Диссертация обсуждена на кафедре философии и социально-политических наук Дагестанского Государственного Университета и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав (включающих двенадцать параграфов), заключения, списка литературы.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ БАЗОВЫХ ПОДХОДОВ В МОДЕЛИРОВАНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данное диссертационное исследование затрагивает вопросы, ориентированные на разработку специальной государственной политики в сфере национальных отношений на примере республики Дагестан. Когнитивной основой исследования является применение базовых моделей разных видов межсубъектного взаимодействия: патронажного, конкурентного и партнерского. Между тем, предметный анализ заявленной проблематики должен быть предварен определением его теоретико-методологических основ. Под последними мы подразумеваем определение общих контуров самих базовых моделей, которые применяются для изучения межнациональных отношений, а также государственной политики в национальной сфере. Решению указанной задачи подчинено содержание первой главы диссертации, где мы обосновываем концептуальные положения исследовательских моделей. Вместе с тем, данные положения вытекают из анализа определенной системы эмпирических данных. Релевантность выбора базовых моделей подтверждается, таким образом, и эмпирической доказательной базой.

Характеризуя общий запрос и предпочтения в выборе модели взаимоотношений власти и общества, эксперты отмечают постепенный сдвиг в сторону партнерства. Это показали экспертные опросы в 13 регионах страны¹ (число опрошенных – более 3000, см. табл. 1).

¹ См.: Власть, бизнес, гражданское общество: модели взаимодействия. Информационно-аналитические материалы Круглого стола с международным участием. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016. С. 24-25.

Таблица 1

«Как Вы можете охарактеризовать взаимодействие между властью и общественными организациями в Вашем регионе?»

	Варианты ответов	% ответов
1.	Партнерские	48,5
2.	Параллельное существование (отсутствие взаимодействия)	26,2
3.	Конкурентные	5,3
4.	Конфликтные	5,2
5.	Другое	3,5
6.	Затрудняюсь ответить	11,3

В то же время показательна оценка стиля взаимоотношений основных фракций элиты: политической и бизнес-элиты (табл. 2):

Таблица 2

Как бы Вы оценили стиль отношений политико-административной элиты и ее лидеров с представителями бизнеса своего региона?

	Варианты ответов	% ответов
1.	Как партнерский (вступают в диалог, вникают в интересы, способствуют развитию бизнеса)	35,6
2.	Как патронажный (покровительствуют или доминируют, контролируют)	24,1
3.	Как монопольно-олигархический, прибравший к рукам весь крупный бизнес	12,2
4.	Как коррупционный	11,1
5.	Как конфликтный (преследуют, устраивают судебные тяжбы, заставляют добиваться справедливости в вышестоящих инстанциях и т.п.)	6,4
6.	Другое	2,2
7.	Затрудняюсь ответить	11,8

Участвуя в организации экспертного опроса и подтверждая общие тенденции, в то же время мы не можем не отметить особенности характеристики его результатов в Республике Дагестан. Ответы отличительны значительной «зажатостью». Эксперты, как и в некоторых других республиках Северного Кавказа, не склонны были к открытости и отличительны уклончивостью в своих ответах. Эта абберация заметна по дифференцированным результатам другого экспертного опроса¹ (см. табл. 3).

Таблица 3

В какие органы за помощью люди обращаются в первую очередь в случае возникновения угрозы их безопасности? (Ранжируйте по степени влияния, 1 – самый важный эффективный)

	Ростов- ская обл.	Республика Дагестан	Чеченская Республика	Москва
1. МВД	1	1	1	13
2. Прокуратуру	2	5	6	11
3. Органы Следственного комитета	3	3	8	12
4. Суд	4	7	7	10
5. Адвокатуру	5	6	5	9
6. Авторитетным и влиятельным людям	6	2	2	4
7. СМИ	7	13	12	7
8. Уполномоченному по правам человека	8	9	10	6

¹ См.: Проблемы национальной безопасности: региональный уровень. Информационно-аналитические материалы круглого стола с международным участием. – Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 25-26, 92-93, 100-101.

9. Правозащитные общественные организации	9	12	11	8
10. Руководству своей организации	10	4	3	5
11. Фонды социальной помощи	11	10	4	3
12. Налоговые органы	12	8	9	2
13. Политические партии	13	11	13	1
14. Другое	14	14	14	14

В Республике Дагестан явно просматривается тренд на обращение к ближнему окружению и неформальным структурам, что характеризует повышенный фон их влияния.

Параграф 1.1. нашей диссертации содержит анализ общих характеристик модели межнациональных отношений, которую мы определили как патронажную. В параграфе 1.2. интерпретируется механизм конкурентной модели. И, наконец, параграф 1.3. содержит анализ основных принципов, на основе которых функционирует партнерская модель межнациональных отношений.

1.1. Патронажная модель межнациональных отношений и государственная национальная политика: основные характеристики

Проблематика межэтнических отношений для современного российского государства являются одной из наиболее актуальной. Подобное положение неизменно обуславливает интерес исследователей, как отечественных, так и зарубежных, специализирующихся на вопросах политологии, в отношении этносов¹.

У рассматриваемой проблематики сложная эволюции, непростая научная традиция, включающая в себя многочисленные исследовательские школы и подходы. Но, как мы полагаем, заслуживает внимания два основных направления, четко отражающих сложившийся научный потенциал. Внутри первого направления осуществляются разработки в рамках экстраполяции теоретических моделей компаративной политологии. Эта традиция изучения ориентирована методологически на анализ политических систем, существующих в национальных государствах².

Результатом данного анализа становится перенос разработанных технологий в контекст возникновения и развития таких форм социально-политической организма, которые образуются в структуре субнациональных компонентов и матриц. Мы исходим из того, что детальный анализ и выработка концептуальных конструктов представляют из себя важнейшее с точки зрения практики вопроса и имеющее хорошие перспективны с позиции теории и методологии основание фундаментального характера, дающее возможности на получение требуемых когнитивных предпосылок для систематического понимания

¹ Гельман В. Я. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории). – Полис. Политические исследования. 2001. № 1. С. 15.

² Almond G., et al. Comparative Politics Today. A World View. New York: Longman, 2000.

структурных компонентов национальной политики в Российской Федерации¹.

Выделяется нами также и второе направление, которое, с нашей точки зрения, следует интерпретировать в качестве одного из возможных вариантов компаративистского потенциала в политологии. Однако оно предполагает учет того принципиального аспекта, в соответствии с которым имеет место корреляция со сложившейся традицией изучения политических режимов, рассматриваемых в статусе важнейшего показателя, посредством которого можно выделить некоторые из особенностей субнациональных политических систем. С этой точки зрения политический режим понимается как совокупность всех факторов влияния и борьбы за власть. Специалисты в области политологии, работающие внутри представленного направления, постулируют приоритетную направленность на изучение динамики тех элементов политических процессов, которые составляют его внутреннюю сферу, с акцентом на структурную организацию действующих политических институтов, но, в первую очередь, особенности политического поведения различных групп элит.

С нашей точки зрения наибольшие перспективы имеет второе из выделенных направлений. Обоснование этому видим в наличии у него большего потенциала для эффективного исследования в рамках структуры и содержания политики государства в этнической сфере. Данное направление (подход) учитывает все необходимые нюансы, важные для исследования постсоветских политических отношений на субнациональном уровне. Кроме того, его значимость нам видится не только в контексте анализа проблем, но и предложений по их разрешению.

¹ *Snyder R.* Scaling down: the subnational comparative method – *Studies in Comparative International Development*, Spring 2001.

В тоже время указанное теоретическое направление (подход) содержит и свои ограничительные возможности. Так вне внимания ученых, работающих в его рамках, не учитывается или в не полной мере изучается природа факторов социокультурного характера. А ведь от них в значительной степени зависит развитие институционального процесса, через них проявляются многие из «массовых», а потому очень важных сторон структуры институтов. Всё это крайне важно учитывать для построения новых исследовательских моделей национальной политики. Поэтому важно обращать внимание на оба указанных подхода, имея в виду их комплементарность, необходимую для получения верифицированных и репрезентативных как в теоретическом, и так и в практическом плане результатов. Только учет их взаимных возможностей позволяет рассчитывать на социально приемлемое построение и организацию межнациональных отношений в России.

Однако перед тем, как мы перейдем к прямому анализу содержательных компонентов патронажной модели, сложившейся в области управления межнациональными и межэтническими отношениями, следует сделать ряд замечаний, касающихся методологии настоящего исследования.

Как говорилось выше во Введении, концептуализация государственной национальной политики предполагает и концептуальное осмысление природы этничности и межнациональных отношений. В зависимости от того, как трактуются эти феномены, различаются границы возможностей влияния на характер и содержание отношений между нациями и этническими группами, а следовательно, должно различаться и само понимание потенциала национальной политики государства. И выбор методологии для данного диссертационного исследования тоже зависит от такого осмысления. Сама же постановка вопроса не нова и предполагает выбор между примордиализмом и конструктивизмом.

В теории политики сформировались два структурообразующих подхода методологического характера на предмет понимания природы и особенностей происхождения этничности: примордиалистский и конструктивистский. Эти два подхода выступают в качестве теоретико-методологического основания, посредством которых концептуализируются воззрения тех или иных ученых на межэтнические отношения. Примордиалистская парадигма определяет этнос как реальную группу, для которой характерно различие от другой этнической группы по вполне конкретным характеристикам объективного плана¹. В соответствии с определением С.М. Широкогорова, «этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других»².

Парадигма, сложившаяся вокруг конструктивистских идей, в качестве основного базиса строится на том, что этнос представляет собой целиком и полностью искусственную категорию, созданную для решения определенных социально-политических задач, которые ставятся, в основном, национальными элитами³.

Наиболее видным представителем конструктивистской парадигмы в российской науке выступает, прежде всего, В.А. Тишков. По его мнению, этничность возникает только в ситуации, когда складывается четко определенные исторические, политические и культурные обстоятельства. В.А. Тишков утверждает, что этнос представляет собой одну из форм общественной организации, сконструированной под какую-то цель или

¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С.28.

² Цит. по: Махмудов Т.З. Понятие этноса и других категорий этнических групп // Аналитика культурологии. Электронное научное издание – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/1561>

³ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С.32.

группу целей¹. Из сказанного следует, что в основе парадигмы конструктивизма лежит установка на отрицание объективной сущности этноса. Подобного рода мнение выходит с точки зрения сущности на позиционирование искусственных признаков у этничности, а с позиции происхождения на вывод о том, что этнос создается интеллектуальной определенным народом, когда у него начинают использовать как некое средство для решения политических задач.

Между тем, в настоящее время проводимая в разных странах политика государств, которая реализуется в области межэтнических отношений, находится в прочной зависимости от данных, полученных в ходе этнографических и этнологических исследований. Более того, есть общепризнанные классификации этнических групп. Признание или непризнание того или иного народа этносом обуславливает особенности государственного внимания к его проблемам. Впрочем, не стоит исключать и того, выработанные наукой результаты заранее обусловлены, т.е. известны "заказчику". От "исполнителя" (ученого) требуется лишь их верификации исходя из потребностей государственной идеологии. Показательным примером в этом плане может быть этническая политика в Турции, где вплоть до 1990-х годов осуществлялось игнорирование такого многочисленного народа, как курдский. Сами курды определялись в качестве «горных турков, попавших под воздействие иранских языков». Такие же манипуляции с этническими идентификациями имеют место и в современном Дагестане, где проживает много народов и где, соответственно, крайне широки возможности для разного рода псевдонаучных спекуляций.

Конструктивистская парадигма при определении факторов этнической идентичности нередко рассматривается в науке в качестве

¹ Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. – 1997. – №3. – С.18.

«концепции нациестроительства»¹. Логически из данной идеи – о конструктивном происхождении параметрических характеристик "этноса", следует предположение, что сама область межэтнического взаимодействия также является объектом конструирования. Таким образом, политические акторы, обладающие ресурсным потенциалом, способным оказывать целенаправленное воздействие, также обладают способностью воздействовать на этнические процессы, выстраивая их в необходимом искусственном порядке. Столь существенными ресурсами может обладать только государство. Из этого следует, что и этнические взаимоотношения, и этнос, как реальность, есть продукты конструирования. Согласно данному тезису, есть основания писать о том, существуют определенные модели, выражающие устойчивый характер межнационального и межэтнического взаимодействия, реализующиеся в области национальной политики государственной власти. Подобная ситуация предполагает, что управляемость состояний межэтнических и межнациональных состояний невозможна без глубокого научно-теоретического анализа представленных моделей.

Есть определенные формы группового взаимодействия. В их структуре выделяются такие устойчивые конструкции, типичные авторитарным и этнократическим элитам, как «патронаж», «конкуренция», «партнерство», «подавление». В науке фактически бесспорным является мнение, в соответствии с которым классические формы, типичной для взаимодействия элит в демократическом социуме, выступает модель «конкуренции». Она регулируется в основном нормативно-правовыми актами. По мнению А.М. Старостина, самой подходящей, чтобы организовать межэлитное взаимодействие для любого социума, следует

¹ *Здравомыслов А.Г., Цуцнев А.А.* Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм // Социологический журнал. – 2003. – №3. – С.7.

считать "партнерскую модель"¹. Однако ее регулятивный потенциал в рамках нашего предмета исследования не велик, поскольку в силу особенностей северокавказских обществ более типичной, укорененной в ткань социокультурных отношений есть патронажная модель.

Началом "нациестроительства" для этносов Дагестана связано с распадом в 1991 году Советского Союза. Единственной реальностью независимого существования дагестанских этносов до потери ими независимости в процессе борьбы между Персией и Россией была феодально-монархическая система. Вот почему конструирование нового этнического пространства натолкнулось на ряд препятствий. В первую очередь, необходимо обратить внимание на такую острую и серьезную проблему, как отсутствие на национальных окраинах бывшего СССР устойчивой нормативно-институциональной системы. Крайне негативное влияние оказала тоталитарная практика, направленная на уничтожение существовавших особенностей нормативно-институционального многообразия на субнациональном уровне. Была создана централизованная модель общественного управления, породившая условия, априори исключающие любую возможность общественной самоорганизации, принятой в высокоорганизованных обществах. Были порождены разного рода заменители социально-политических институтов, действующих на местном уровне, сформировавшие клиентельские сети, образовавшихся в рамках структур политического патронажа. Собственно говоря, они были типичны для всей советской партийно-государственной бюрократия, поскольку способствовали ее поляризации, сплачивая и структурируя региональную бюрократическую верхушку.

Основным механизмом удовлетворения базовых потребностей социальных акторов в ходе коммуникации становятся неформальные

¹ *Старостин А.М.* Модернизация и ее альтернативы в развитии современной России // Модернизация как управляемый конфликт. М.: Изд.Дом «Ключ-С», 2012. – 360 С. С. 25.

персональные связи. В наше время эта практика только усиливается. Неформальные связи следует расценивать в качестве ключевого основания, на базе которого функционирует политический и экономический сектор социальных коммуникаций. Существует несколько разновидностей неформальных связей. Всего можно выделить три укрупненных группы, состоящие из связей 1)родственных, основанных на родственных узлах коммуникантов; 2)дружеских; 3)союзнических.

Следует отметить преобладание на Северном Кавказе неформальных связей. В основном они формируются либо по этническому признаку, либо, в более узком плане, клановому. С известными оговорками неформальные связи, сложившиеся на Северном Кавказе, можно идентифицировать как родственные. Такая идентификация обусловлена тем, что механизм взаимодействия социальных акторов в данном регионе определяется принадлежностью к определенному роду, который имеет важнейшее значение для его размещения в социальном пространстве. Все властные ресурсы находятся под контролем данных неформальных групп, в основе которых лежат этнические, родоплеменные, клановые связи и взаимоотношения.

Естественным результатом неформальной коммуникации по подобному типу выступает такое создание неформальных сетей, которое обладает признаками патронажно-клиентельного характера. Власть в такой коммуникации зависит от того, представитель какой клиентельной группы влияет на распределение ресурсов и должностей. Выдвижение на руководящие позиции обуславливает статус патрона у выдвиженца, формирующего под собой зависимую клиентельную группу. Следует согласиться с М.Н. Афанасьевым в том, что «клиентарные связи определяют реальное функционирование государственных и

общественных учреждений, они подрывают официальные публичные институты, лишая их гражданского правового содержания»¹.

Весомым катализатором указанных процессов стало то, что в 90-е годы в Российской Федерации имел место дефицит государственной власти. В этих условиях формировавшийся патронат сыграл огромную роль при организации политического пространства, даже в куда более развитых с социально-политической точки зрения регионах, чем Северный Кавказ. Такая практика была типична для всей страны. Однако ситуация стала меняться под воздействием модернизационных процессов. Во многих регионах механизм политического управления был рационализирован, что, впрочем, мало коснулось северокавказских республик, где процессы архаизации и традиционализации во многих отношениях только усилились, а в каких-то местах законсервировались.

Особую роль в этом процессе сыграли реформы политического управления в стране. Так, можно указать, что введение прямых выборов глав субъектов федерации непосредственно самими избирателями, проживающими в данном регионе, существенно повысило статус руководителей, если сравнивать их с назначенцами из центра, как это практиковалось в советское время. В основном речь идет о росте независимости глав регионов, появление возможности опираться на готовые клановые группы, как площадки для прихода к власти. Не в последнюю очередь этому способствовал договорной характер российской федерации, сформировавшийся при Б.Н. Ельцине. Вот почему с середины 1990-х годов на Северном Кавказе выборы становятся инструментом, организующим полуавторитарные режимы, основанные на этноконфессиональных и межнациональных связях.

Основным и эффективным инструментом реализации политического доминирования глав административно-исполнительной власти стала

¹ *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. М., 2000. С. 14.

региональная бюрократия. Бурный ренессанс системы бюрократического контроля над обществом произошел в специфических условиях и определяется целым рядом факторов. Успешности этого процесса в немалой степени способствовало то, что почти все новые демократические руководители российских регионов прошли советскую бюрократическую школу и происходили из рядов коммунистической номенклатуры. В их понимании эффективное решение задачи управляемости социально-политическими процессами в региональных сообществах было связано с реанимацией сущностных элементов старой советской административно-бюрократической модели, со многими атрибутивными ее характеристиками. Они не могли помыслить другие варианты форм административной деятельности, подбора управленческих кадров вне сложившейся в советские времена партийно-административной системы социального управления.

Избавление от партийной оболочки не изменило сути старого бюрократического управления. Важно отметить, что такого рода показная ребюрократизация часто носила не только узко «технический» характер. Уже в начале реформ новые региональные лидеры отлично видели направленность политических трендов, связанных с этим противоречивым процессом. Курс на бюрократизацию предполагал воспроизведение в разных условиях каждого отдельного региона уже не раз применявшуюся на протяжении многовековой российской истории испытанную стратегию – максимально полное предоставление бюрократии контроля над всем обществом, в том числе и возможности патронажа над осуществлением межнациональных и этноконфессиональных отношений при всецелом ее подчинении лидеру авторитарной пирамиды власти.

В целях успешной реализации авторитарного проекта такого рода была необходима сплоченность и предельная консолидация всех ресурсов административно-командной системы управления каждого региона в руках

главы исполнительной власти. Это по сути вело к подчинению личным интересам губернаторов и президентов не только всего корпуса региональной бюрократии в прямом смысле этого слова, но также и экспансию их власти и влияния на локально-территориальные подразделения и структуры федеральной администрации – главным образом, на так называемые «силовые» структуры и персоналии. В этом же контексте следует вести речь и о взятии под контроль межнациональных отношений. Весьма важным структурным компонентом в проекте построения новых бюрократических кланов было установление ими контроля и подчинение местного этнонационального бизнеса; под их власть подпали также экономические ресурсы регионов, эксплуатируемые в целях наращивания личного имущества региональных лидеров и создания надежного экономического фундамента их политической власти и доминирования; силовые структуры также работали в направлении лишения или ограничения доступа к ресурсам другим возможным конкурентам.

Завершился процесс подобного узкокланового строительства привлечением в сферу своего бюрократического влияния и контроля формирующихся структур гражданского общества – образовательных институтов, университетов, религиозных конфессий и организаций, объединений бизнес-сообществ и предпринимателей, национально-культурных ассоциаций, различных благотворительных фондов и т.д., а также разных политических партий, общественных движений и организаций. Работа в таком направлении предоставляла бюрократии контроль над социальными, религиозными и общественно-политическими движениями в регионах, обеспечивала нужными инструментами манипулирования реальным развитием межэтнических отношений.

Итогом такой политики, ее «достижением» стал высокий уровень полномочий и политического доминирования глав административно-

исполнительной власти. Эта политика имела и свою оборотную сторону, которая проявилась в полном комплексе различных негативных тенденций. Были созданы такие условия, когда бюрократия трансформировалась главным образом в инструмент консолидации и усиления власти региональных руководителей, а потому значительно снизилась ее управленческая и административная эффективность.

Причины, обусловившие выбор между различными моделями, скорее всего во многом связаны с генезисом властвующей региональной элиты, ее традициями, с привычными и знакомыми ей социальными, политическими и управленческими практиками. Очевидно, происходившая ротация элит в российских регионах осуществлялась практически очень медленно, значительно медленней, чем аналогичная ротация на федеральном уровне. Отсюда следует, что устойчивыми и сильными оказались позиции элит, имеющих еще советское происхождение, воспринимающих государственный капитализм и патронаж в сфере национальной политики как вполне естественное явление.

Что же характерно для патронажной модели регулирования межнациональных и межэтнических отношений в регионе? По мнению исследователей, модель такого «патронажа» предполагает административно-распорядительное отношение региональной власти в сфере межнациональных отношений¹.

Этот «патронаж» региональных властей по отношению к рядовым политическим акторам может реализовываться в более или менее жестких формах, но его сущность выражается в сохранении административно-командных методов управления. Что касается условий конституирования модели «конкуренции», которая направлена на утверждение подлинной

¹ Драганова Ю. К. Основные модели взаимодействия политической и бизнес-элит в России // Теория и практика общественного развития. 2011. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-modeli-vzaimodeystviya-politicheskoy-i-biznes-elit-v-rossii> (дата обращения: 12.12.2015).

демократии в многосоставном и сложном обществе, то они в своей основе очерчены (требуется наличие большой коалиции, предполагается автономия сегментов, соблюдение пропорциональности и право вето, а также требуется девять «вторичных» неосновных условий). И все же, мы еще очень далеко отстоим от их претворения в жизнь.

Если власть действует в рамках патронажной модели, то она стремится достигнуть контроля над политической активностью местной неформальной этнонациональной элиты, предотвращая ее возможное влияние на себя с ее стороны. Часто такой контроль выражается в различных формах административного и правового давления, так как очевидно, что субъекты и акторы межнациональных отношений могут различным образом реагировать на неуклонные попытки региональной власти подчинить их своему влиянию и своим интересам. Таким образом, с необходимостью порождается система различных преференций, обусловленная разделением субъектов и акторов на тех, кто «лоялен» и кто «нелоялен». И получается так, что региональные власти в нынешней России предпочитают и ориентируются на утверждение именно такой модели.

Здесь необходимо отметить, что важной специфической чертой модели патронажа внутри региона является то, что акторы поставлены в такие условия и им навязаны такие правила игры, что они вынуждены обращаться к представителям власти как к «объективным» судьям и защитникам своих интересов. Также следует упомянуть из числа важных особенностей высокую степень участия исполнительной власти в процессе налаживания и создания отношений.

Касаясь негативных черт патронажной системы, надо отметить, что очень трудно устранимы такие явления, как распространенная практика назначения на административные должности представителей рода или тейпа, диаспоры, знакомых, родственников, соседей и т. д. Не изжита

практика продажи доходных административных должностей и постов, существует даже негласный прайс тех или иных должностей. Для искоренения этого негативного явления практикуется плановая ротация руководителей, но, как свидетельствует жизнь, этого пока недостаточно. В качестве исторического примера здесь можно упомянуть закон Пенделтона в США (1883 г.), согласно которому патронажная система постепенно вытеснялась государственной службой со строгой системой учета заслуг, ориентированной на квалификацию, знания и опыт кандидата на соответствующую чиновническую должность в государственном аппарате.

Говоря о сложившейся ситуации на юге России, следует обратить внимание на то, что в краях и областях, где превалирует русскоязычное население, политические элиты консолидируются по лидерско-командному алгоритму. В национальных республиках Северного Кавказа господствуют этнократические элиты, генетически связанные главными этносами и формирующиеся на их основе, происходя из этнических групп, этнических кланов. Этнические элиты функционируют в рамках своих правил генезиса и воспроизводства. Этническая элита, обусловленная в своей жизнедеятельности этими правилами, задает границы своего элитного поля, определяет механизмы отбора новых членов (правила закрытия и открытия элитных границ), что обеспечивается в ходе строго регламентированного пропуска новых членов в пространство элиты.

Несмотря на получение возможности прямого влияния на поведение главных политических акторов в регионах, федеральная власть столкнулась с серьезными вызовами и проблемами. Первая проблема видится, прежде всего, в обеспечении для себя лояльности бюрократии, с необходимостью решения этой проблемы сталкивается любой режим «русской авторитарной власти», он должен быть уверен в готовности бюрократии подчиняться правилам, которые спускает сверху

федеральный центр. В нынешней политической действительности это предполагает заключение негласного договора с главенствующими региональными элитами и кланами. Президенту ничего не остается как участвовать в этом, идти на компромиссы, давать преференции; такая ситуация типична для этнических регионов (Северный Кавказ, Татарстан, Башкортостан).

Такие компромиссы нередко используют специфическую форму организации, так называемые «патронажные сети» – сообщество или большую группу людей, отношения которых базируются прежде всего на частногрупповом материальном интересе. Такие взаимоотношения характеризуются неформальным характером построения и реализации внутригрупповых коммуникаций. В плане управления государством акторы такого рода сетей предоставляют друг другу безопасность в процессе своих внеправовых политических, религиозных, финансовых действий. Особенность социальной ткани патронажных сетей заключается в ее неоднородности, скрытости определенных фрагментов, она часто выходит за рамки родственных и клановых связей.

Патронажные сети проявляют тенденцию экспансии, выходу за границы трайбальных структур и административно-территориальных образований, они проникают и охватывают другие части общества, которые с ними никак не связаны в аспекте клановой, этнической, региональной, религиозно-конфессиональной принадлежности. Важнейшей функциональной характеристикой этих патронажных сетей является доступ к различного рода ресурсам, осуществляющийся с помощью тесных личностных контактов и знакомств. Патронажные сети уходят своими генетическими корнями в советскую эпоху.

«Кумовство» еще в советский период отечественной истории подвергалось серьезной критике именно в контексте специфики организации социальных отношений в южных регионах СССР и РСФСР, в

том числе – в Казахстане, Средней Азии, Закавказье, на Северном Кавказе (включая и «русские» Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую область). Для современного Северного Кавказа неформальные социальные связи и взаимоотношения являются важнейшим фактором в организации политического управления, в том числе и в сфере межнациональных и межэтнических отношений.

Тогда патронажные сети интегрировали и связывали местную партийную номенклатуру на горизонтальном и вертикальном уровнях, предоставляли возможность неформального доступа к ресурсам, а также быстрое продвижение по карьерной лестнице. После распада СССР патронажные сети получили еще большее укрепление и развитие, чем было прежде, что находит объяснение в кризисных явлениях переходного периода, росте правового нигилизма, всплеске коррупции и преступности. Патронажной модели присущи следующие характерные черты:

1) в субъектном плане состоит из патрона и его клиентской группы: первый обладает реальной административной властью, вторые демонстрируют к нему лояльность;

2) в существующем политическом поле устанавливаются правила предполагающие использование наделенным административной властью субъектом некоторой степени усмотрения и произвола для вознаграждения, защиты, поддержки, а также назначение по должностям лиц, руководствуясь не их деловыми качествами, а лояльностью;

3) доступ к ресурсам обеспечивается латентной группой неформального характера;

4) произвольное использование властных полномочий, вплоть до применения коррупционных практик.

Племенные отношения в той или иной степени типичны для многих регионов России. Трайбализм, клановость, этническая замкнутость в политических отношениях – было изобретено не на Северном Кавказе.

Однако в данном регионе, где на небольшом участке территории проживает множество самых разных этнических и субэтнических групп, важную роль в политических отношениях играют не только национальные традиции. Идентичность во многом обуславливается устоявшейся моделью патронажных связей, которые регулируют вхождение во власть и распределение материальных ресурсов. Дагестан в данном ракурсе – наиболее показательная республика Северного Кавказа, так как является его наиболее многонациональной территорией. В современной политике Дагестана родоплеменные связи играют важнейшую роль. Но значение их не стоит преувеличивать в буквальном контексте, т.к. здесь важны детальные, более качественные управленческие трансформации в образовании социальных сетей.

С этой точки зрения, патронажная схема межнациональных связей может быть представлена на основе следующих тезисов:

1. Нижестоящие субъекты, воспитанные в условиях авторитарной модели отношений, обладая готовой ментальной программой традиционного социума, находясь в полиэтническом пространстве, унаследовали из советского прошлого патерналистскую схему взаимодействия с нижестоящими субъектами. Межнациональные отношения, развивающиеся в рамках патронажной модели, обуславливают практику отсутствия диалоговой модели, применяя прямое императивное администрирование, а также традиционные практики, выработанные этнократическими элитами, в условиях развития неформальных связей, проявляющихся на всех уровнях политических отношений.

2. Результатом применения патронажной модели в межнациональных отношениях, возникшей на основе неформальных связей, становится формирование четко выраженных «патронажных сетей». Они в значительной степени ориентированы на коррупционно-теневые составляющие, преследуя в качестве приоритетной цели частные

выгоды политических акторов данных сетей. Патронажная сеть состоит не только из клановых или трайболистских механизмов, объединяя в свою структуру самые разнообразные группы. В то же время, основой ее являются этнические, либо конфессиональные связи, а также отношения, направленные на получение личной выгоды.

1.2. Конкурентная модель межнациональных отношений: фактор этничности как ресурс политического противостояния

Межнациональные отношения крайне важны с точки зрения обеспечения стабильности государственной власти, они формируют платформу для обретения идентификационных маркеров. Особенности современного мира таковы, процессы транснациональной миграции и глобализации, которые сопровождаются совместным влиянием этнокультурного характера, существенным образом усложняют состояние межнациональных отношений. Следовательно, непростой становится и политика государства, направленная на регулирование этнических процессов. Подобная постановка вопроса объясняет, почему становится высокой, актуализируется потребность в научно-теоретическом осмыслении разных вопросов национальной политики, проводимой властью, в политологии. Политическая наука ориентирована как на осмысления всех проблем, образующихся в области межэтнических отношений, так и на продуцирование предложений, направленных на их решение.

В определенной степени этническая идентичность стала возрождаться под влиянием вызовов глобализации. Во всем мире протекают процессы, обуславливающие необходимость возвращения к традиционалистским, и, в какой-то степени, архаичным компонентам, проникающим в структуру политических отношений. Еще не так давно

желанные парадигмы модерна отвергаются, а вместо них региональные элиты обращаются к поискам альтернативных направлений социально-политического развития. Боязнь утраты самобытности из-за смешения культур делает такую эволюцию актуальной и для политических акторов, не наделенных властными полномочиями. В науке это получило название «этнический ренессанс». Его можно рассматривать в качестве ответа на глобалистские риски. Чем более периферийным является регион, тем более сильно ощущается влияние "этнического ренессанса". Без конфликта подобного рода процессы не протекают. Этничность, как правило, сохраняется в ходе борьбы за сохранение традиций, а эта борьба, в свою очередь, направлена на противостояние глобальным тенденциям культурной универсализации.

Бурное распространение религиозно-фундаменталистских движений на Ближнем Востоке, в Северной, Западной и Восточной Африке, в Центральной Азии и на Северном Кавказе, рост этнического национализма во всех странах мира, являются наглядным подтверждением рассматриваемых нами процессов. Этноконфессиональная идентичность понимается как единственная альтернатива унифицированному миру, строящемуся в результате экономической и культурной глобализации. С другой стороны, в возрождении этнической и конфессиональной идентичности заинтересованы политические элиты, которые стремятся сохранить и увеличить свое влияние.

В европейских странах в течение длительного времени основной моделью для регулирования межнациональных отношений была концепция мультикультурализма. В соответствии с ней предполагалось «соединение» многочисленных и дифференцированных национальных культур в рамках одного «мозаичного сообщества». В Западной Европе позиции мультикультурализма по-прежнему еще сильны. В то же время многими экспертами всё чаще ставится вопрос о неэффективности данной

модели, особенно в бывших социалистических странах. А именно к ним относится и Россия¹. По мнению Л.М. Дробижевой, «политика мультикультурализма, безусловно, смягчает межэтнические отношения, в основном применительно к дисперсно расселенным группам, но, как показывает исторический опыт, не решает всех проблем»².

Социальное бытие в современной реальности, формирующейся по законам глобализма, таково, что человек, группа, этнос постепенно «растворяется», от них не остается ничего национального, оно тонет в глобальном. При этом имеет место усугубление атомизации-индивидуализации, что, в конечном итоге, приводит к потере идентичности. Между тем, идеологами мультикультурализма была упущена из виду одна важная особенность: для людей крайне важно ощущать свою принадлежность к групповой идентификации. Это также выступает мощнейшим фактором, актуализирующим дискурс этничности.

Необходимо также указать, что транснациональная миграция, которая в наши дни резко увеличилась, приводит к боязни раствориться, что также акцентирует повышенное внимание на собственной этничности. Миграция и модернизация в совокупности привели к образованию огромных поликультурных и полиэтничных пространств, внутри которых состоялось снижение толерантности людей на предмет возможной ассимиляции³. В ответ на это растут новые вызовы, связанные с демонстрацией этничности. Они обусловлены неприятием ассимиляции большими надэтническими общностями.

¹ T. Western Multicultural Theory and Practice and its Applicability to the Post-Soviet. States // Journal of Contemporary European Studies. – 2005. - N 13(2). – P. 222.

² Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России – М., 2003.– С. 120.

³ Ананичева С.Р., Демьяник Н. Межэтнические конфликты на постсоветском пространстве // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета - 2014 - Том 5 - № 3, С. 53 – 56. С. 55.

В этом мы видим еще один потенциальный конфликт. Поскольку многонациональные государства, живущие сейчас в состоянии кризиса принятой некогда модели мультикультурализма, то идентичность по этническому признаку способна вступать и вступает в конфликты с общенациональной идентичностью. Это приводит к кризису национальных государств, в которых появляются силы, способные пользоваться противопоставлением обеих названных идентичностей ради разжигания настроений сепаратизма. Межэтнические конфликты способны дестабилизировать политическую ситуацию. В каждом обществе есть свои противоречия, но когда они искусственно начинают приобретать этническую окраску, силы деструктивной направленности получают сплоченный класс политических акторов для достижения своих целей.

Как отмечает Павел Смирнов, важной причиной этнополитических противоречий и конфликтов становятся территориальные споры, вызванные стремлением к установлению контроля над конкретными территориями со стороны этнических групп. При этом, как отмечает исследователь, очень часто стремление к установлению этнократического режима, присущее группам этнической элиты, маскируется под вывеской национально-освободительного движения, апеллирующего к праву наций на самоопределение¹.

После распада Советского Союза и отказа от господствовавшей в СССР интернационалистической парадигмы, возникла необходимость в научном объяснении природы тех политических конфликтов, которые в изобилии стали происходить на постсоветском пространстве – в Российской Федерации, республиках Закавказья и Средней Азии, Молдавии, на Украине, в Прибалтике. Очень часто в основе этих конфликтов лежали не столько этнические, сколько социальные факторы,

¹ Смирнов П. «Мерцающий» мир конфликтов самоопределения в Восточной Европе – [Электронный ресурс] – Режим доступа: - // <http://www.intertrends.ru/eleventh/002.htm>

хотя сами конфликты было принято рассматривать как этнополитические, вызванные противоречиями между отдельными этническими группами.

Во-вторых, возникла серьезная потребность в выработке такой стратегии управления в сфере межнациональных и межэтнических отношений, которая была бы ориентирована на снижение конкурентных и конфликтных ситуаций и разделение противоборствующих сторон конфликтов. Эта задача также потребовала обращения к выявлению глубинной природы существующих этнополитических конфликтов и отказа от поверхностных трактовок.

В частности, к поверхностным трактовкам можно отнести теорию цивилизационного противостояния, в соответствии с которой неизбежность конфликтов обусловлена различиями противостоящих друг другу цивилизационных систем. В рамках этой парадигмы сложно объяснить, почему цивилизационные противоречия между отдельными этносами стали проявляться лишь в определенной текущей политической и экономической ситуации. Не вполне понятно и как можно рассматривать в парадигме цивилизационного противостояния серьезные конфликты между практически тождественными в культурном отношении народами, относящимися к одной цивилизационной общности (скажем, конфликты между исповедующими ислам народами Дагестана, или между карачаевцами и черкесами, кабардинцами и балкарцами и т.д.).

Кстати, если обратить внимание на важность конфессионального фактора в развитии конфликтных ситуаций, то следует отметить, что до недавнего времени религия практически не играла важной роли в межэтнических и межнациональных взаимоотношениях. К примеру, в Боснии и Герцеговине мусульманское население актуализировало свою конфессиональную принадлежность лишь в 1990-е гг. в контексте спровоцированного внешними факторами этнополитического

противостояния, причем конфессиональная принадлежность сыграла роль важного фактора укрепления этнической идентичности¹.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению конкурентной модели организации межнациональных и межэтнических взаимоотношений, следует обратиться к выявлению основных особенностей конфликта как такового и прежде всего конфликтов низкой интенсивности, в которые легко перерастают конкурентные отношения². Как известно, в основе конфликта лежит противоположно направленное поведение его субъектов. К основным действиям конфликта относится непосредственное влияние на предмет конфликта, тогда как к вспомогательным действиям – весь остальной набор действий, играющий подчиненную роль по отношению к основным действиям конфликта. Выделяются наступательные и оборонительные действия. Если проецировать на ситуацию в сфере межэтнических отношений, то к наступательным действиям относятся действия по приобретению новой территории, завоеванию главенствующих позиций в политической и экономической жизни на определенной территории, а к оборонительным – защита уже имеющихся позиций от покушений со стороны внешних сил, оборона определенной территории от покушающихся на нее внешних сил.

Так, в земельных конфликтах, имеющих место в современном Дагестане, горные народы Дагестана, переселяющиеся на равнинные земли, предпринимают наступательные действия, а «аборигены» равнинных территорий – оборонительные действия. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что само разделение между этими типами действий в некоторой степени является условным. По крайней мере, не только оборона, но и наступление, предусматривают сохранение и защиту

¹ Лукина Н. Босния и Герцеговина после Дейтона // Свободная мысль. 2006. № 2. С. 133.

² См.: Старостин А.М. Философия конфликтологии: статус направления научного поиска и базовые проблемы // Конфликтология. 2014. № 5. С. 134-138.

уже имеющихся позиций. Вместе с тем, есть и третий вариант – сдача позиций и отказ от борьбы за свои интересы.

Отток русского и русскоязычного населения из северокавказских республик в некоторой степени может быть назван примером «уступления» своих позиций более активным в социально-политическом отношении этническим группам. Конфликт разрешается по завершению легшего в его основу инцидента, однако в определенных ситуациях исчерпанный конфликт может вспыхнуть вновь. Следует отметить, что на Кавказе практически все конфликты являются «долгоиграющими» и основаны на вековых исторических обидах и противоречиях. То есть, в любой момент, при благоприятной или провоцирующей политической, экономической, социально-демографической ситуации конфликт может вспыхнуть с новой силой.

Успех в разрешении конфликтной ситуации зависит от определенных условий. Среди них мы можем назвать, во-первых, наличие своевременной диагностики детерминирующих факторов конфликта. В процессе диагностики происходит выявление тех противоречий, которые привели к возникновению конфликтной ситуации, а также факторов, способствовавших ее обострению. Во-вторых, это заинтересованность обеих сторон конфликта в его разрешении. В противном случае конфликт погасить не представляется возможным, по крайней мере – полностью. Наконец, еще одно важнейшее условие – совместное участие сторон в процессе поиска путей решения проблемы. Без взаимного участия сторон в поиске путей примирения, конфликтную ситуацию также не удастся разрешить быстро и эффективно.

В процессе формирования этноса ключевую роль играет территориальный фактор. Для любого этноса территория его расселения представляет особую ценность. Она фигурирует в национальных мифах и преданиях, наделяется сакральным характером. Именно территориальным

фактором определяется специфика экономико-хозяйственной деятельности каждого конкретного этноса, то есть – закладываются и те компоненты, которые составляют основу национального менталитета, определяют специфику коммуникационных процессов. Символическая важность территориального фактора заключается в том, что именно на конкретной земле находятся захоронения предшествующих поколений. Территория – это «отчий дом» этноса. Естественно, что оспаривание несколькими этносами прав на определенную территорию становится неизбежным источником этнополитического конфликта.

Рассматривая специфику этнополитических конфликтов на основе территориальных споров, как правило, можно говорить о двух главных компонентах конфликтов – символическом и экономическом. Первый компонент связан с исторической памятью народа, его обычаями и традициями, конфессиональной принадлежностью. Второй компонент включает в себе экономические характеристики конкретной территории, то есть – наличие полезных ископаемых, сельскохозяйственное качество земельных ресурсов, расположение территории.

Таким образом, можно говорить о том, что территориальные конфликты имеют как рациональную подоплеку в виде экономических факторов, так и эмоциональную насыщенность, определяемую факторами символического характера¹. Обращаясь к рассмотрению природы конфликтов на территориальной почве, можно выявить две основные группы, включение в которые определяется особенностями самих сторон конфликта. Так, первая группа включает в себя этнотерриториальные конфликты, происходящие между отдельными этносами внутри одного государства или между двумя и более суверенными национальными государствами. То есть, в данном случае этнотерриториальный конфликт

¹ Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. Ростов н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР», 2000. - С.141.

приобретает характер спора между двумя сторонами, соперничающими за конкретную территорию. Во вторую группу мы включаем конфликты, основанные на отказе конкретной группы населения подчиняться определенному государству. То есть, речь идет о сепаратизме и национально-освободительных движениях.

Что касается конфликтов, относимых нами к первой группе и затрагивающей территорию государства, но не ставящих под сомнение его легитимность, то их начало способствует мобилизации населения для защиты занимаемой территории. Мобилизационные процессы способствуют повышению уровня поддержки власти среди населения, укрепляют социально-политическое единство общества. В случае возникновения территориальных конфликтов между отдельными этносами, проживающими в пределах одного государства, то центральные органы государственной власти и управления закономерно становятся тем институтом, который способен организовать примирение сторон. Таким образом, главной отличительной характеристикой территориальных конфликтов, относимых нами к первой группе, является то, что они не ставят под вопрос внутреннее единство и легитимность государства и не претендуют на его разрушение. Соответственно, территориальные конфликты выступают в качестве внешних по отношению к государству и лишь усиливают его внутреннюю сплоченность, что позволяет применять к сфере межнациональных и межэтнических отношений в данном случае патронажную модель.

Совершенно иную природу имеют этнотерриториальные конфликты, относимые нами ко второй группе конфликтов. К ним можно отнести практически все конфликты, вызванные сепаратизмом какой-либо этнической, этноконфессиональной или этносоциальной группы населения и претендующие на отделение определенного региона от конкретного государства. Как правило, конфликты второй группы являются развитием

целенаправленной деятельности этнической, этноконфессиональной, этносоциальной группы населения, выступающей за автономию или полное отделение от государства и использующего методы политической конфронтации. В данном случае, территориальный конфликт подвергает опасности само существование единого государства и легитимность государственной власти, которая рассматривается сепаратистскими движениями в качестве империалистической, колониальной, поработавшей и т.д. При этом сепаратистские движения могут ставить перед собой совершенно разные цели дальнейшего развития после достижения независимости от определенного государства.

Выделяется три основных формы сепаратистских движений: сецессия – отделение определенной территории с целью создания суверенного государства; ирредентизм – отделение определенной территории с целью присоединения к какому-либо другому государству; энозис – отделение определенной территории с целью присоединения к тому государству, в котором проживает основная часть представителей этнической группы, выступившей движущей силой отделения. Типичным примером энозиса является, в частности, движение за отделение Южного Азербайджана от Ирана и присоединение его к собственно Азербайджану, или движение за объединение Северной и Южной Осетии.

В двух последних случаях сепаратистские движения, как правило, находят поддержку со стороны государства, согласного принять их в свой состав. Однако суверенные государства не часто соглашаются идти на конфронтацию с соседними странами и, соответственно, становятся на грань начала боевых действий. Поэтому, чаще всего, официально сепаратистские движения предпочитают не заявлять о своих стремлениях к вхождению в состав соседних, родственных в этноконфессиональном

отношении государств, а последние, тем более, стараются скрывать свою поддержку сепаратистских движений в соседних государствах¹.

Этнотерриториальные конфликты второй группы, относимые нами к сепаратистским конфликтам, получили широкое распространение лишь в течение последних двух столетий, что было связано с формированием национальных государств. Именно современный тип государственности дал начало сепаратистским движениям, действующим сегодня практически во всех странах мира. Даже в самых моноэтнических странах находятся недовольные своим положением субэтнические меньшинства, которые провозглашают автономистские или сепаратистские лозунги. Наиболее ярко сепаратизм стал проявляться после Первой мировой войны, когда произошел распад крупнейших империй Европы и Ближнего Востока – Российской империи, Австро-Венгерской империи, Османской империи.

Следующим периодом расцвета сепаратистских движений стала эпоха деколонизации Азии и Африки в 1940-е – 1980-е гг. Именно в этот период формировались новые национальные государства вместо бывших колоний западных держав, однако искусственность колониальных границ давала основания для недовольства внушительных групп населения в постколониальных странах. Часто в рамках одних государств оказывались совершенно разные группы населения (арабы-мусульмане и негроиды-христиане и анимисты в Нигерии, Чаде, Судане, Мали, Буркина-Фасо, Камеруне и многих других государствах).

На территории России сепаратистские движения получали наибольшее распространение в кризисные периоды истории – в период 1917-1922 гг., когда была разрушена имперская российская государственность и происходило формирование новой советской государственности, и в период после 1991 г., когда была разрушена

¹ *Крылов А. Б.* Сепаратизм. М.: Знание (Серия «У политической карты мира», № 8), 1990 - С.22.

советская государственность и происходило формирование постсоветской суверенной российской государственности.

В основе сепаратистских конфликтов часто лежит концепция понимания полиэтничных государств как колониальных, в которых национальные меньшинства подавляются посредством отказа им в создании автономий или предоставлении условий для самоопределения. В то же время, сепаратистские движения можно рассматривать и как производные политических амбиций этнических элит, стремящихся к установлению собственного контроля над определенными территориями. Также сепаратизм рассматривается и как ответ этнокультурных меньшинств на попытки их интеграции в глобализационные процессы, неизбежно сопровождающиеся экономической и культурной унификацией, утратой национального своеобразия, часто – подрывом традиционных устоев жизни, в том числе и в экономической области. В этом случае отделение от государства рассматривается как естественное противоядие рискам глобализации.

Как правило, сепаратистские конфликты характеризуются наличием двух сторон – одной из них является государство с аппаратом управления, включая его правоохранные органы, спецслужбы, вооруженные силы, другой стороной – политические партии или движения этнокультурных меньшинств, выступающие за самоопределение конкретных территорий и использующие для достижения своих целей методы политической или вооруженной борьбы. Соответственно, речь идет и о разном институциональном уровне конфликтующих сторон – государство, со всеми подчиненными ему ресурсами, и политическое движение или партия, данными ресурсами не обладающие. Различия в статусе субъектов конфликта обуславливают доминирование государства, которое, в большинстве случаев, обладает возможностью подавления

сепаратистских движений, особенно если за последними не стоят какие-либо внешние акторы.¹

Этническая идентичность может быть фактором, политизирующим социальные отношения, в условиях неразрешенности конфликтов внеэтнического характера. Как считает британский исследователь Х. Майала, в наше время наиболее значимо выявить контекстуальный сегмент конфликта, т.к. любой из современных конфликтов, и этнополитический здесь не исключение, обуславливается социальным, политическим, культурным, экономическим контекстом².

Любопытна позиция А.З. Адиева, говорящего о как минимум двух из возможных вариантов протекания этнополитического конфликта. Первый вариант обуславливает, что этнический фактор берется на вооружение политическими элитами, чтобы достичь значимых для них политических целей. Однако управляемость таким фактором не может быть абсолютной, что нередко на практике приводит к выходу его из-под контроля, следствием чего актуализированные претензии между этносами начинают жить по своей внутренней логике. Второй вариант предполагает, что в основе этнического конфликта лежат реальные социально-экономические причины, и конфликт продолжается пока не будут сняты наиболее острые противоречия³. Но поскольку решить их не так-то просто, то такого рода конфликты крайне редко остаются локальными, постепенно выходят за очерченные первоначальные рамки и охватывают, в конечном итоге, всё надэтническое сообщество, становясь одной из наиболее проблемных точек для государства.

¹ Ляпунов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 2000. - С.198.

² Майал Х. Трансформация конфликтов: комплексная задача // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. – М., 2007. – С. 76.

³ Адиев А. З. Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. – Ростов-на-Дону, 2010. - С. 25.

Э. Геллнер полагает, что в качестве важнейшей причины межэтнических противоречий следует рассматривать несовпадение этнической и национальной идентичности. Разные этнические группы могут проживать в одном государстве. Через категорию гражданственности предпринимаются попытки создать общую для всех национальную идентичность. Однако какая-то из этнических всё равно начинает доминировать, что, в конечном итоге, становится конфликтогенным фактором¹. Решение конфликта произвести так, чтобы учитывались интересы всех этнических групп, крайне сложно. Очень часто конфликт разрешается с преференциями в пользу кого-то, чаще всего этноса титульного. Это неизбежно порождает конфликт интересов, который трансформируется в фазу межэтнической напряженности, будучи способным принимать разные формы и проявления, не исключая прямое вооруженное противостояние.

Практически всегда основой конфликтной модели межнациональных и межэтнических отношений становится отказ какой-либо группы осуществлять равномерный раздел преференциями и возможностями, что ущемляет интересы другой группы. Подобное противоречие используется политическими элитами, которые стремятся закрепить свое положение тем, что ради обретения власти или отдельных привилегий, осуществляют трансформацию социальных и экономических противоречий в межэтнические. После этого этнический фактор используется как основной инструмент оказания политического влияния на другие этнические группы и власть.

Надо заметить, что в Российской Федерации межнациональная напряженность выросла из-за политических и экономических последствий, вызванных распадом СССР. На всём постсоветском политическом пространстве возникли, приняв острейшие формы, самые многочисленные

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М : Прогресс, 1991. - С. 23-24.

из противоречий и конфликтов, которые в течение длительного времени в СССР минимизировались, когда применялись репрессивные, социально-конструктивные и пропагандистские меры. Советская политическая система была выстроена на основе интернационалистической идеологии коммунизма. Ее распад с неизбежностью повлек за собой дезинтеграцию всего современного российского сообщества, что вызвало моментальный рост и распространение этнического национализма, свойственного как русскому населению, так и многим национальным меньшинствам России¹.

Возрастание национализма, вызванного процессами обретения этнической идентичности, выразилось как в появлении и повышении роли определенных политических организаций, так и в росте сепаратистских настроений на национальных окраинах, что привело к ухудшению межнациональной ситуации практически во всех регионах современной России. Это был единый дезинтеграционный процесс, который охватил всю территорию бывшего Советского Союза. В 90-е годы фактически всё десятилетие ушло на выстраивание новых связей, которые, в целом, достаточно успешно оформились в отношениях с Татарстаном, Башкирией, Калмыкией, Якутией. Однако, если перечисленные регионы удовлетворились особым статусом, преференциями и т.п., то на Северном Кавказе конфликт до сих пор находится в острой форме.

Так, в Северной Осетии – Алании произошел вооруженный конфликт между осетинским и ингушским населением, фактически закончившийся изгнанием ингушского населения с территории республики.

Прекращение вооруженного противостояния осетин и ингушей стало возможным лишь благодаря вмешательству федеральной власти и федеральных силовых структур, но конфликт, безусловно, не удалось

¹ *Ананичева С.Р., Демьяник Н.* Межэтнические конфликты на постсоветском пространстве // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета - 2014 - Том 5 - № 3, С. 53 – 56. С. 55.

исчерпать и в настоящее время он существует, в той или иной степени, в скрытых формах. В Чечне началась война за отделение от Российской Федерации, продолжавшаяся до начала 2000-х гг. и сопровождавшаяся большими жертвами среди российских военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и местного мирного населения. Результатом конфликта стало кардинальное изменение этноконфессионального состава населения Чеченской республики, в которой в настоящее время практически отсутствует русское и христианское население. Большая часть русских и русскоязычных жителей Чеченской республики еще в 1990-е годы была вынуждена покинуть этот регион, фактически превратившись во «внутренних беженцев». Многие из тех, кто не хотел уезжать из Чеченской республики, погибли во время боевых действий или были убиты вооруженными преступниками и террористами.

Эскалация конфликта в Чечне стала причиной роста террористической активности радикальных группировок исламистского толка на территории Российской Федерации, в первую очередь – на Северном Кавказе. Кроме того, чеченское сепаратистское движение, которое во второй половине 1990-х гг. стало неуклонно трансформироваться в религиозно-экстремистское движение, оказало влияние на развитие радикальных тенденций в соседних республиках, прежде всего – в Ингушетии и Дагестане, а также в Кабардино-Балкарии и Ставропольском крае. Изменившаяся этнополитическая ситуация в регионе способствовала возобновлению прежде забытых конфликтов, которые получили новое дыхание именно благодаря вооруженной борьбе на территории Чеченской республики.

Нестабильность региона, имеющая социально-политический характер, была сформирована уже в начале 90-х годов. При этом, необходимо заметить, что дестабилизация имела место не просто под воздействием кризиса и распада советской идентичности и,

соответственно, возникновением собственной этнической идентичности у большинства народов Северного Кавказа, а из-за многочисленных проблем в области экономики, социальных отношений, в области демографии. Уже с самого начала 90-х годов федеральная власть должна была решать проблему сепаратизма на Северном Кавказе, которая актуальна и до сего момента.

Сепаратизм породил многочисленные этнические конфликты, на Северном Кавказе особенно острые, т.к. именно здесь этнический ренессанс оказался наиболее ярким. Не все конфликты приобрели статус вооруженного, подобно тому, как случилось во взаимоотношениях между осетинами и ингушами, или в Чечне между чеченцами и федеральным центром. Но ситуация такова, что каждая из северокавказских республик имеет свою линию противостояния, разделяющую интересы противоречащих этнических групп. Острые конфликты во все постсоветские годы проявлялись в республиках Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. Менее глобальные, но конфликты были даже в таких относительно стабильных регионах Северного Кавказа, как Адыгея и Ставропольский край.

Конфликты в Дагестане и Ставропольском крае, особенно в последние годы, перестают в область социально-экономических отношений. Наиболее главная проблема в этих субъектах федерации – земельная. Она, по мнению Е.А. Варшавера, детерминирована следующими причинами: 1) неурегулированность земельных отношений; 2) насильственные и вынужденные миграции, имевшие место в течение всего XX столетия¹. Это противоречия, обусловленные конфликтами за земли пастбищного назначения.

В Дагестане миграция обуславливалась демографическими причинами. В горах всегда был высокий уровень рождаемости, что

¹ *Варшавер Е.А.* Тарки-Караман: механизм одного земельного конфликта в Дагестане // Мониторинг общественного мнения - № 5 (123) – сентябрь - октябрь 2014 – С. 133-150. С. 134.

приводило к появлению избыточной массы социально активной молодежи. В итоге это вело к безработице, отсутствию развитой социальной и экономической инфраструктуры в горных районах и другим факторам, порождающим внутреннюю миграцию¹. Региональные органы власти до сих пор не имеют сколько-нибудь четкой стратегии работы с представленной проблемой, которая с каждым годом становится всё острее.

Не в последнюю очередь конфликтная модель, формирующая облик межнациональных взаимодействий в северокавказском регионе, утверждается из-за кланового характера организации политической власти. Клановые структуры представляют собой настоящее ядро всей социальной системы, формируя и поддерживая звенья политической системы. Это свидетельствует об отказе от институтов модернизации на Северном Кавказе при регулировании социально-политических механизмов. Это делает практически невозможным, во всяком случае, быстрое преодоление современных противоречий. Их клубок таков, что сейчас конфликтные нити не распутываются, а совершаются новые стежки, увеличивая объем клубка проблем.

Поэтому решение проблем межнациональных отношений необходимо начинать с преодоления зависимости социально-политических институтов от клановых структур. В противном случае сложившиеся этнополитические конфликты не только не будут разрешаться, но, напротив, будут только усугубляться под воздействием региональных элит кланового типа². Противостояние кланов выступает важнейшим фактором, влияющим на дальнейшее развитие этнополитических конфликтов. Достаточно указать на то, что нарушается нормальная работа каналов

¹ Адиев А. З. Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. – Ростов-на-Дону, 2010. С. 51-52.

² Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: экспертное мнение. – М., 2007. – С.66-67

вертикальной мобильности. Для многих этносов они оказываются реально закрытыми, что приводит к возникновению и усугублению реального этнического неравенства, которое проявляется в наличии неравных возможностей при доступе к экономическим ресурсам. Этим не могут не пользоваться определенные политические круги, привлекающие в круг своих сторонников многочисленные обиженные и обделенные этнические группы.

Не следует исключать и столь немалозначимый фактор в развитии этнополитических конфликтов как влияние внешнеполитических акторов, заинтересованных в дестабилизации политической ситуации на территории современной России. Оппоненты Российской Федерации, в первую очередь – США, Евросоюз, Турция, страны Персидского залива, - заинтересованы в ослаблении российского государства и, соответственно, стремятся поддерживать сепаратистские и религиозно-экстремистские движения и организации на территории страны. Между тем, политическое и экономическое влияние США и Евросоюза препятствуют определенным шагам со стороны российского руководства, которые могли бы положить конец этнополитическим конфликтам не только собственно в России, но и на постсоветском пространстве. К примеру, позиция США и Евросоюза препятствует признанию Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха, Донецкой и Луганской республик в качестве независимых государств, что оставляет связанные с данными политическими образованиями конфликты в тлеющем состоянии, которое в любой момент грозит перерасти в новую фазу вооруженного конфликта и эскалации насилия.

В этой связи преодолеть существующие и организовать профилактику возникновения потенциальных межнациональных конфликтов на Северном Кавказе возможно только с развитием процессов модернизации, с отказом от архаизации и традиционализации региона. По

совершенно справедливому замечанию политолога А. Санглибаева, «модернизация предполагает в первую очередь изменение институциональной среды, трансформацию элиты, установление единых для всех субъектов экономических отношений ясных и относительно честных правил игры»¹.

Исходя из сказанного, мы заключаем, что конкурентная модель является одной из базовых в организации межэтнических отношений, широко распространяемая в полиэтничных государствах в связи с отсутствием возможностей у одного или нескольких этносов добиваться политического доминирования. В Российской Федерации данная модель межэтнических отношений в той или иной мере характерна и северокавказским сообществам, где во многом сохранены элементы традиционной клановой структуры, которые усугубили уже давно существующие противоречия между этносами, препятствуя эффективному урегулированию сложившихся конфликтов.

Сложность и внутренняя противоречивость расклада сил влияния в такой ситуации дает возможность региональным властным структурам реализовывать свои цели в осуществлении политики в области межнациональных отношений, в том числе и посредством манипулирования имеющимися застарелыми противоречиями в отношениях этнических групп, конструирования управляемых межнациональных конфликтов. В этом смысле межнациональные отношения в северокавказских республиках, в республике Дагестан в частности, могут складываться по конкурентной модели не только стихийным образом, но и целенаправленно, в рамках реализации целей политических субъектов разного уровня.

¹ Цит. по: *Михайлова О.* Современный политический процесс: кланы и власть – [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <http://onkavkaz.com/articles/1329-sovremennyi-politicheskii-process-klany-i-vlast.html> - [Дата обращения: 11.11.2015].

1.3. Партнерская модель межнациональных отношений: теоретические основания и характеристики

Проблемы социального и политического партнерства стали объектом интереса со стороны представителей российской политической науки не так давно. Возникновение данного интереса было обусловлено тем, что после распада Советского Союза в жизни современного российского социума произошли социальные трансформации, которые привели к девальвации принципов коллективизма, бывших в свое время стержневой основой всей советской официальной идеологии. Ценности, определявшие порядок коллективной взаимопомощи, товарищества, под влиянием рыночных отношений отошли на второй план, не выдержав конкуренции с ценностями материального благополучия, коммерческой выгоды, обладания властью и доминирования с позиции силы. Однако бесконечно так продолжаться не могло. Государство, столь сложное, как Россия, не может жить на основании принципов отрицательного характера. Поэтому очень быстро возникла потребность в инструментализации новых ценностных координат, обусловивших потребность в новой общенациональной идеологии, необходимой для выработки стратегического направления для развития страны. Это привело к необходимости конструирования ценностей, направленных на социальное взаимодействие в уже сформировавшихся экономических и политических условиях. Между тем, рыночное общество – это не только жестокая конкуренция и борьба, но и социальное взаимодействие в виде партнерства, которое предполагает приложение совместных усилий от различных социальных акторов, ориентированных на достижение определенных единых для них целей.

Возникновение партнерских отношений наблюдается в процессе осознания участниками социального взаимодействия необходимости в

объединении усилий для достижения конкретного результата. От уровня развития взаимодействия зависит и его результативность. В то же время, партнерство имеет четко выраженные отличия от других способов социального взаимодействия. В первую очередь, партнерство отличается от взаимодействия, основанного на вертикальном принципе и осуществляющегося посредством иерархической субординации, подчинения и господства. Разумеется, и в контексте партнерского взаимодействия отношения доминирования и субординации также могут присутствовать, но лишь по причине согласия партнеров с данной моделью отношений. В случае несогласия партнерские отношения прекращаются.

Положительная направленность партнерских отношений состоит, прежде всего, в том, что появляется чувство взаимозависимости, развивается взаимная ответственность за действия, совершаемые партнерами¹. По мнению А. Сунгурова существуют три возможные модели, обеспечивающие взаимодействие властных органов и структур гражданского общества – сотрудничество, отсутствие сотрудничества и конфликт². Российскому обществу, как оно есть сейчас, с точки зрения специалистов, партнерская модель наиболее оптимальна, чтобы обеспечить эффективное и долговременное (устойчивое) взаимоотношение власти и социума³.

Рассмотрение существующей специфики, в рамках которой применяется партнерская модель для регулирования сферы

¹ *Медведев Н.П.* Проект партнерство ради мира: геополитическое измерение и политические перспективы. - [Электронный ресурс] Режим доступа: - // http://www.rusnauka.com/30_NNM_2010/Politologia/73029.doc.htm

² *Сунгуров А.* Взаимодействие власти и структур гражданского общества: возможные модели // *Гражданский диалог.* 2008. № 3. С. 37.

³ *Сунгуров А.Ю., Захарова О.С., Петрова Л.А., Распопов Н.П.* Институты – медиаторы и их развитие в современной России. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт // *Полис. Политические исследования.* 2012. № 1. С. 165-178

межнациональных и межэтнических отношений, предполагает, что прежде всего нужно актуализировать возможности политологического анализа с позиции развития процессов глобализации, культурной унификации и, обратных этому состояний в форме так называемого "этнического ренессанса". Прежде всего, необходимо обратиться к рассмотрению самого понятия «межнациональные отношения». Диалектическая методология определяет категорию «отношения» посредством формирующей отношения связи, а также опосредующих эту связь звеньев. Что касается методологии и теории познания как теории репрезентации, то в данном аспекте категория «отношение» обозначает отношение к субъекту. Теория познания как теория отражения предполагает рассмотрение категории «отношения» в качестве образа действительности. В рамках теории познания как теории репрезентации, категория «отношение» может рассматриваться как некая идеальная сущность. Номиналистская методология рассматривает отношение как компонент языка описания репрезентанта – материальной сущности, то есть и данные описания можно рассматривать в качестве репрезентаций конкретных репрезентантов.

В данной методологической традиции сферу межнациональных отношений можно рассматривать как отношения между гражданскими общностями, регулирование которых осуществляется посредством нормативно-правовых актов и соответствующих государственных институтов, ответственных за исполнение норм права. В реалистской методологии сфера межэтнических отношений рассматривается, напротив, как регулируемая внеправовыми социальными нормами, за исполнение которых также отвечают определенные социальные институты, которые не обязательно являются государственными. Если упростить реалистскую и номиналистскую методологические традиции, то очевидно, что в первой приоритет отдается духовному доминированию, характерному для

религиозной власти, а во второй – юридическому доминированию, характерному для светской власти.

Что касается диалектической методологии, то она предусматривает рассмотрение мира в единстве всеобщей связи явлений. Соответственно, в рамках диалектической методологии предполагается необходимость единства духовной и светской власти. Межнациональные отношения регулируются посредством правовых норм, реализуемых светской властью, а межэтнические отношения – через социальные нормы, утверждаемые духовной властью.

Какой одной идеальной доктрины управления национальными отношениями не существует. У каждой из наличных можно выделить свои плюсы и минусы. Начнем с последних, формирующих в силу своих недостатков следствия в виде этнической напряженности. Либеральной модели управления межэтническими и межнациональными отношениями свойственно умаление значения этнического фактора; консервативной модели типично нивелирование значения межнациональных отношений. Подобное положение объясняется специфическими особенностями каждой из двух моделей. Либеральной традиции свойственно установление приоритета за светской властью (духовная занимает подчиненное положение). Кроме того, ведущее значение придается нормативистским регуляторам, законам в сравнении с внеправовыми механизмами. Консервативному типу управления свойственно оставлять приоритет за духовной властью и внеправовыми нормами над нормами правового характера.

В то же время можно выделить и срединный вариант, который мог бы учитывать некоторые нюансы современного российского общества, где необходима некоторая гармония между духовной и светской властями. В исторической российской практике подобный механизм некогда существовал в форме соборности. Его можно постараться применить в

политическом управления и сейчас. Полагаем, что благодаря преимуществам соборного управления сложившиеся в современном российском социуме межнациональные и межэтнические взаимодействия вполне можно вывести на принципиально новый уровень, если продумать и учесть преимущества исторической практики для современной реальности. Общеизвестно, что либеральные механизмы, свойственные для управления межнациональными и межэтническими отношениями, направлены на обеспечение всех законных способов самореализации независимых социальных акторов. Ведущая роль в данном процессе принадлежит артикуляции ценностей и потребностей свободных акторов. Поэтому сами межэтнические отношения подчиняются более общей потребности согласовать их на началах гармонии и взаимной выгоды участников социальных процессов¹.

Оценивая специфику управления межнациональными и межэтническими отношениями, наиболее актуальным становится вопрос о том, возможна ли модель партнерского типа для применения ее к социальным акторам, которые обладают значительными отличиями социокультурного характера. Также актуальным является вопрос, связанный с концептуализацией в форме постановки таких элементов проблемы, как цель, объект и предмет отношений партнерского характера, в том числе и в первую очередь партнерства, проявляющегося в политических отношениях.²

По мнению Э. Дюркгейма, в основе сохранения стабильного существования сложноорганизованного общества находится разделение видов социальной деятельности и социальных функций, способствующее повышению эффективности действий и взаимодействий социальных

¹ *Лысенко И.С.* Межэтнические и межнациональные отношения и основные типы управления ими. \ \ Автореферат дис. ... канд.полит.наук. Красноярск. 2011.

² *Медведев.* Там же.

акторов. Наличие дифференциации социальных функций способствует укреплению социальной коммуникации и формированию социальных сетей, объединяющих индивидов, выполняющих различные социальные функции. Для регулирования социального взаимодействия формируются соответствующие социальные институты, право и мораль. Таким образом, обеспечивается поддержание и единство социального порядка – солидарности субъектов социальных отношений.

Модель, основанная на партнерских отношениях в области регулирования социальных процессов, становится всё более популярной и востребованной. Это проявляется практики в каждой сфере жизнедеятельности социума, в политической, культурной и экономической. Между тем, научное сообщество до сих пор не пришло к общему пониманию основных принципов данной модели. Это объясняется ее сложностью и многоаспектностью, но мешает урегулированию социальных состояний. Мы можем выделить, как минимум, три базовых подхода на предмет рассмотрения партнерской модели, направленной на организацию социальных взаимодействий:

- 1) предметно-локализованный подход. В его рамках партнерские отношения рассматриваются в применении к определенной сфере, как к урегулированию политических либо социальных конфликтов, иных проблем;
- 2) межсекторный подход. С точки зрения данного подхода партнерские отношения рассматриваются как механизм взаимодействия акторов социальной деятельности, которые выступают в роли «субъектов» социально-политических коммуникаций в диалоговой форме. Здесь предполагается, что обозначенные субъекты обладают присущими только им и, соответственно, находящимися в фазе противоречий относительно друг друга интересами. Таковыми субъектами могут

быть власть, предпринимательские круги, религиозные институты, различные группы гражданского общества¹;

- 3) универсальный подход. С позиции универсалистского подхода партнерская модель позиционируется через многоаспектность, многомерность данного термина, предполагая отсутствие явно выраженных противоречий конфликтного характера, акцентируя внимание на необходимость достижения согласия при в ходе совместной деятельности политических акторов².

Партнерство в социальных отношениях следует оценивать в качестве взаимодействия между общественными акторами, который имеет добровольный характер, основанный на рациональном понимании выгоды от сотрудничества. Рациональность взаимодействия на партнерских началах следует определять исходя из наличия цели, достижение которой предполагает объединение усилий со стороны субъектов партнерства. Реально существующие партнерские отношения возникают в ходе определения единой для всех цели или, хотя бы, демонстрации намерений по ее обнаружения с равноценной пользой для всех участников. Методологические данный механизм был определен М. Вебером, описавшим два типа социального действия: ценностно-рациональный и целерациональный, определяющиеся либо морально-этическими ценностями, либо поиском взаимной выгоды.

Социальное партнерство строится посредством добровольных начал. Они имеют симметричный характер. Но такие характерные особенности взаимоотношений просто не могут сложиться, если будет нарушаться принцип добровольности вступления в коммуникацию самих сторон

¹ Плотников А.И. Межсекторное партнерство как социальная инновация для муниципальной власти России // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/05/404> (дата обращения: 03.03.2016).

² Ховрин, А.Ю. Функции социального партнерства и особенности их проявления в сфере молодежной политики // Социально-гуманитарные знания. - 2010. - № 2 - С. 201-219.

партнерства. В самом деле, наличие принуждения фактора для вступления в какую-либо деятельность исключает саму возможность партнерских отношений. В ходе партнерских отношений общественные акторы могут устанавливать равные для всех права с обязанностями. Без этого партнерство немыслимо. Отсутствие равноправия в модели отношений, которая считается партнерской, существенным образом затрудняет ход поиска, направленного на приискание средств и инструментов для достижения единой всем цели.

В теории эта модель выглядит очень привлекательной, однако на практике она сталкивается с целым рядом трудностей, самая главная из которых – ценностная дифференциация основных участников социального взаимодействия. Эти различия можно вывести в следующие оценочные сегменты, крайне важные для организации партнерской модели: отсутствие совпадения в ценностных ориентациях, наличие мировоззренческих отличий, расхождение во взглядах на саму процедуру взаимодействия, несовпадение в деятельности, направленной на подготовку принятия решений. Обычно данные противоречия преодолеваются с помощью поиска диалога и консенсуса, что на практике сделать очень сложно¹.

Условия формирования социального партнерства создаются при наличии нескольких важнейших факторов социально-политического порядка. Наиболее значимым из них можно считать роль политической власти, государства. Во-первых, государство – это важный социально-политический институт, позиция которого определяет сами возможности осуществлять реализацию партнерских принципов для выстраивания социально-политических коммуникаций. Во-вторых, огромной является роль для создания условий формирования социального партнерства

¹ Ховрин А. Ю. Социальное партнерство в сфере реализации общественной (негосударственной) молодежной политики // Социально-гуманитарные знания. - 2007. - N 5. - С. . 179-201.

целенаправленной политики государственной власти, направленной на внедрение методов партнерства на самые различные сферы социальной реальности. Кроме того, нельзя пройти мимо Нормативно-правового аспекта, без которого партнерство немислимо, т.к. от него зависит прозрачность договаривающихся и действующих совместно сторон.

Особое значение имеют ситуационные факторы, то есть те, которые появляются при выстраивании отношений спонтанно. Чтобы они не имели деструктивного характера, очень важно выработать механизмы реагирования на них. В этом плане следует указать на механизмы информационного обеспечения, уяснение специфики задач, решаемых посредством отношений партнерского характера и т.д.

Близки по своей сути к ситуационным так называемые субъектные факторы, также очень важные для выстраивания партнерских отношений. К ним следует отнести тип и статус, как важнейшие социальные характеристики субъектов взаимодействия. Здесь же надо указать на значимость субъективно осознаваемой готовности признавать за партнерами равных у них прав и обязанностей относительно друг друга. Это неизбежно будет оказывать положительное влияние и на сам процесс протекания партнерских взаимоотношений, и будет способствовать повышению их результативности. Еще очень важно указать на общность социальных интересов партнеров по коммуникации, поскольку от этой общности зависит достигнут ли партнеры поставленную цель или нет.

Далее отметим те социальные сферы, где применение партнерской модели, с точки зрения регулирования межнациональных и межэтнических отношений, было бы наиболее продуктивным. Таковой она может быть, прежде всего, при взаимодействии с автономными образованиями территориального типа, а, кроме того, при строительстве и развитии регионального самоуправления, куда, безусловно, можно отнести и национальные автономии. Мы исходим из того, что партнерская модель

при регулировании межнациональных и межэтнических взаимоотношений обладает куда большим позитивным потенциалом, чем две рассмотренных выше, т.к. направлена именно на решение межнациональных и межэтнических проблем, а не замалчивание или усугубление их. Поэтому очень важно было бы определить ключевые принципы партнерской модели. По нашему мнению, в форме тезисов их можно представить следующим образом:

- 1) наличие взаимного уважения всех субъектов социального партнерства;
- 2) наличие взаимной заинтересованности при решении возникших проблем в виде партнерского действия;
- 3) процесс выстраивания социального партнерства основан на последовательном соблюдении и уважении действующих норм как федерального, так и регионального законодательства России;
- 4) наличие соответствующих полномочий у субъектов социального партнерства, которые бы позволяли реализовывать партнерскую деятельность, направленную на решение конкретных проблем;
- 5) наличие взаимного доверия и равноправия у субъектов социального партнерства;
- 6) наличие внутренней независимости у субъектов социального партнерства, а также отказ от невмешательства во внутренние дела иных субъектов социального партнерства;
- 7) наличие свободы в ходе обсуждения трудностей, которые принадлежат компетенции социальных партнеров;
- 8) обсуждение субъектами социального партнерства на регулярной основе наиболее главных вопросов, которые относятся к компетенции участников;
- 9) добровольность в принятии со стороны субъектов социального партнерства вмененных им обязанностей и прав.

Субъектами социального партнерства, прежде всего, являются органы политического управления и общественные структуры. В первую очередь, ими могут быть региональные, либо муниципальные структуры, а в отношении федерального центра – соответствующие институциональные компоненты исполнительной власти. Управленческое мышление и закономерности его реализации должны стать основанием для социального участия всех властных подразделений. Что касается современной политологии, то здесь подобное мышление имеет название партнерское. Оно должно быть основано на уважении к иным позициям, стремлении к достижению компромисса и обеспечению гармоничного взаимоотношения. Партнерство строится на взаимопомощи, взаимной поддержке, лояльности по отношению ко взглядам контрагентов, участию в общей деятельности, выполнению принятых обязательств, помощи партнерам в обязательственных отношениях, если они испытывают в этом потребность. В ходе реализации партнерства особое значение получает принцип взаимодополняемости, который предполагает, что выполняемые всеми субъектами партнерства их функциональных обязанностей распространяются на тех, кто способен лучше всего с ними справиться. Таким образом, здесь работает принцип комплементарности, успешность которого обуславливает эффективность социальной деятельности. Формы социального партнерства становятся, развиваются, видоизменяются в силу воздействия конкретных условий. В связи с этим особая значимость связывается с готовностью отказа от стандартизированных схем взаимодействия, осознания возможного плюрализма во мнениях и подходах к решению проблем.

Партнерские отношения ставят своей целью обеспечение повышения качества жизни людей, в том числе и улучшение межнациональных и межэтнических отношений, поскольку в прямой зависимости от него находится поддержание социальной и политической стабильности

государства. А.В. Михеев выделяет несколько основных блоков, объединяющих принципы социального и политического партнерства. Первый блок включает демократичность, законность, равноправие сторон. В состав второго блока А.В. Михеев включает гуманизм, социальную справедливость и социальную солидарность, политические и экономические свободы, взаимоуважение субъектов партнерских отношений, согласование и полномочность представителей сторон партнерских отношений. Третий блок включает социальное взаимодействие и сотрудничество, свободу выбора в обсуждении и принятии решений, обязательность выполнения договорных обязательств, наличие определенной ответственности за неисполнение принятых договоров и соглашений. Четвертый блок включает в свой состав конкуренцию, конфронтацию и борьбу. Пятый блок включает компромисс, консенсус, нейтралитет и толерантность¹.

Органы власти априори не могут быть единственными участниками партнерских соглашений. Это лишь одна из двух сторон политического сотрудничества. Другая сторона представляет собой разного рода неправительственные общественные организации, коммерческие организации, индивидуализированные субъекты, имеющие заинтересованность в партнерстве. Наибольшей степенью эффективности обладает диалог в системе гражданских отношений, протекающий на местном уровне, с чем соглашаются отечественные политологи². Безусловно, эффективность такого диалога может строиться только и исключительно на началах равенства. Это касается и неправительственных организаций, и коммерческих структур, и отдельных граждан. Иначе партнерская модель окажется не реализуемой утопией.

¹ Михеев В.А. Основы социального партнерства. М., 2001.

² Шинелева Л.Т. Общественные неправительственные организации и власть. М., 2002.

На основании всего сказанного, мы можем заключить следующее. Партнерская модель, регулирующая сферу межнациональных и межэтнических взаимоотношений, выступает в качестве формы социального взаимодействия, участниками которого являются: 1) органы государства и политического управления; 2) институциональные элементы гражданского общества; 3) субъекты из системы коммерческого сектора. Коммуникация перечисленных субъектов партнерской модели может позволить поставить и достичь цели, которые направлены на приведение в состояние гармонии межнациональных и межэтнических взаимоотношений.

Рассматривая основные принципы социального партнерства, нельзя не упомянуть и о принципе субсидиарности. Под субсидиарностью мы понимаем автономию низовых структур в выполнении тех видов задач, которые они способны решать самостоятельно. Благодаря реализации принципа субсидиарности, функциональные обязанности государственных структур переводятся на региональный и местный уровень. Также в процесс партнерских отношений включаются институты гражданского общества, включая общественные организации и движения, гражданские инициативы, крупные и малые «группы интересов». Значительный сегмент задач они способны решать самостоятельно, не прибегая к помощи органов государственной власти и управления. Однако последние, не перекрывая возможность самостоятельного действия для низовых структур самоуправления, в то же время должны оказывать последним содействие и помощь в тех вопросах, с которыми они не могут справиться самостоятельно.

Благодаря социальному партнерству многочисленные этнические группы, составляющие население Российской Федерации, могут добиться реализации собственных интересов. В политической сфере социальное партнерство призвано легитимизировать институты политической власти в

обществе и предотвратить потенциальные конфликты и противоречия. В политическом партнерстве принимают непосредственное участие органы государственной власти и управления, а целью политического партнерства становится политическая модернизация. К основным проявлениям политической модернизации мы можем отнести: политическую демократию, равноправие граждан, функциональное разделение институтов государства, участие граждан в принятии политических решений, сменяемость политических элит, меритократический принцип комплектования политических элит, информированность масс граждан о политической ситуации посредством масс-медиа.

Залогом политической модернизации являются необходимые экономические преобразования, связанные, в первую очередь, с развитием рыночной конкуренции, повышением социальной мобильности, увеличением доходов населения и укреплением его социальной защищенности. К духовным аспектам политической модернизации относятся секуляризация общества, утверждение рациональных мировоззренческих принципов, развитие коммуникационной сферы. Политическая модернизация осуществляется в неразрывной связи с модернизацией экономической и социокультурной. В то же время, характер модернизационных преобразований зависит от особенностей институциональной структуры, социокультурного развития, экономических и социальных условий конкретного общества в текущей ситуации. Можно классифицировать модернизационные преобразования по нескольким критериям. Во-первых, это уровень соотношения ресурсов влияния государства и общественных институтов, во-вторых, - уровень развития внутригосударственных условий проведения преобразований, в-третьих, - специфика политического режима, также влияющая на характер модернизации.

Для государств «второй» и «третьей» волн модернизационных преобразований характерна несогласованность участия различных институтов власти и общества в процессе модернизации. Не исключено, что в таких государствах модернизационные преобразования будут осуществляться исключительно «сверху», посредством проведения соответствующей политики государством и крупнейшими корпорациями. В свою очередь, партнерская модель будет способствовать минимизации вероятных противоречий и несогласованности между различными субъектами политической коммуникации, что повлечет за собой удовлетворение интересов различных социальных и этнических групп населения страны.

Коммуникативные аспекты между властью и обществом, протекающие в эпоху социальных перемен, можно определить как переходную модель социальных отношений. Область межнациональных и межэтнических коммуникаций имеет в этом плане свои особенности и нюансы. В первую очередь, следует обратить внимание на наличие асимметрии во взаимодействии, т.к. многие этнические группы имеют собственные отношения с государственной властью. Кроме того, сам процесс взаимодействия с институтами власти имеет свои особенности исходя из того, какая этническая группа вступает в диалог¹. Сами этнические группы могут "раскачивать лодку", дестабилизируя порядок в государстве, что нередко происходило в 90-е годы, когда имел место так называемый "парад суверенитетов". Российская Федерация находилась под воздействием сильных центробежных тенденций².

¹ *Халилов Т.А.* Межсекторное взаимодействие как условие политической модернизации современной России: институциональный аспект. Дис. ... канд.полит.наук. Краснодар, 2012.

² *Венков А.А.* Процесс становления и развития модели современного российского федерализма (1980-х - начало 2000-х гг.): исторический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Ростов -на-Дону, 2010. - С. 21.

Не только в силу указанного примера, но и по многим другим причинам на современном этапе в Российской Федерации социальное партнерство развито недостаточно основательно, чтобы стать ведущей моделью. Причин тому много. Например, недостаточное развитие гражданского общества. Государство не может и не желает вести равноправный диалог с социумом. Оно по-прежнему реализует патерналистские модели, которые, конечно же, ничего общего с социальным партнерством не имеют. Обязательно нужно также указать на неразвитость нормативно-правового потенциала для регулирования социальных отношений. Право не стало основным регулятором, а значит, субъектам социального взаимодействия не всегда ясны и понятны правила ведения диалога.

С учетом сказанного, есть настоятельная потребность осуществить совершенствование всей существующей системы механизмов реализации партнерской модели. Для этого следует широко внедрять договорную и консенсусную практику в социально-политическое пространство российского социума. Мы предполагаем необходимость создания согласительных комиссий для осуществления договорных практик, структур аналитического и консультационного плана, систему информационного обеспечения партнерских отношений. Это должно делаться для снижения масштаба межэтнических и социальных конфликтов в государстве.

При реализации данных мер партнерская модель может стать ведущим механизмом, действующим в Российской Федерации для укрепления и формирования институциональной основы для гражданского общества, а в более широком смысле – укреплять социетальное единство российского социума.

Таким образом, партнерская модель межнациональных отношений является, прежде всего, частным случаем модели социального партнерства,

ассоциируемой с либерализмом в экономике и в политике. В силу сказанного партнерский тип отношений отвечает современным социально-политическим запросам модернизации, ориентации на равностороннее взаимодействие всех субъектов, поиск компромиссных решений. Вместе с тем, следует отметить неизбежные деформации, которые претерпевает партнерская модель в политических практиках постсоветских государств. Межнациональный диалог здесь организуется с опорой на сильную государственную власть и администрирование, что ведет к искажениям партнерских отношений.

Поскольку в основе партнерской модели лежит аксиология равенства и исключая односторонние предпочтения ориентация на создание горизонтальных связей (прямых и обратных), она требует для эффективной реализации определенный уровень развития гражданского общества и неформальных структур власти. Партнерская модель более применима в атмосфере устойчивого приоритета общегражданской идентичности над локальными этническими и этноконфессиональными идентичностями, а смещение акцента на последние приводит к доминированию потребностей групповой этнокультурной идентификации над потребностями взаимовыгодного сотрудничества.

В заключение главы необходимо сформулировать итоговые выводы.

1. В теории и практике межнациональных отношений можно выделить три модели, идеальных типа, реализация которых в силу их идеально-типической природы невозможна в чистом виде. Это патронажная, конкурентная и партнерская модель межнациональных отношений.

2. Патронажная модель основана на реализации принципа иерархичности управления, наличия политической доминанты, проводящей свою политическую волю, отсутствии горизонтальных и обратных связей «снизу», что приводит к авторитарности управления и

ущемлению интересов субъектов нижестоящего уровня. В целом ее можно назвать вертикальной.

В силу исторической укорененности патронажной модели в социально-политических практиках Северо-Кавказского региона, она содержит возможность эффективного управления с использованием влияния старых этноплеменных элит, трайбальных связей. Однако в целом использование в решении межнациональных противоречий патронажной модели приводит к росту бюрократизации и коррупции, развитию теневого лоббирования частногрупповых интересов, торможению процессов модернизации.

3. Конкурентная модель отражает ситуацию конфликта клановых, этногрупповых интересов (прежде всего политико-экономических), при которой стороны не способны на эффективное взаимодействие и компромисс. В указанной ситуации имеет место политизация этничности на фоне отсутствия общегражданских объединяющих приоритетов и общегосударственной политической стратегии.

4. Отличием партнерской модели является главенство философии и практики равенства и равноценности субъектов межнациональных отношений. Идеология социального партнерства как таковая возникла на основе либерально-демократической концепции социального взаимодействия и политического устройства общества, хотя партнерские по характеру отношения субъектов/союзников имели место в политике на протяжении всей мировой истории. Однако осознанное стремление к построению государственной политики в национальной сфере, принципиально основанной на партнерских межнациональных отношений связано с идеей политической модернизации и создания множества взаимовыгодных и долговременных хозяйственно-экономических и социальных связей.

Социальное партнерство в системе межнациональных отношений является способом организации горизонтальных связей, обусловленных упрочением общественного и политического строя, который основан на развитом гражданском обществе с присущим ему типом социальных связей. Преобладание партнерской модели в стране с большим количеством национальностей и этнических групп обуславливает необходимость создания предпосылок, необходимых чтобы сформировать приоритет за единой общегражданской идентичностью, модернизацию политических и экономических отношений, ослабить значение этнонациональных элит (кланов, трайбов, тэйпов) и преодолеть рудименты родоплеменных отношений, развить установки, необходимые для формирования этнической толерантности и конфессиональной терпимости.

Глава 2. РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ

Государственная политика в области межнациональных отношений не может находиться в отрыве от реальных практик решения возникающих проблем и наличного состояния политической культуры на региональном уровне. Поэтому следующим шагом в нашем исследовании является изучение общего территориального и историко-культурного контекста, в котором разворачиваются межнациональные отношения в республиках Северного Кавказа и, в частности, в республике Дагестан. Необходимо, как нам представляется, рассмотреть следующие «контекстные» факторные группы, влияющие на формирование межнациональных отношений на Северном Кавказе: исторические факторы, религиозный (исламский) фактор и социально-экономический фактор, связанный с общей архаизацией социальной организации и экономики в севернокавказских республиках. Именно эти факторы оказывают важнейшее, формирующее влияние на специфику межнациональных отношений в республиках Северного Кавказа.

Многие межнациональные конфликты и противоречия имеют за собой «исторические обиды», вызванные ошибочной политикой центральных и региональных властей и связанные с несправедливым распределением территорий в недавнем прошлом. С другой стороны, процессы ренессанса этнической идентичности, принимающие иногда формы архаизации социальных отношений, также оказывают существенное влияние на характер взаимоотношений между проживающими в регионе этническими группами. Наконец, не стоит упускать и религиозный фактор в его влиянии на межнациональные отношения в регионе. Соответственно этому плану, параграф 2.1. посвящен исторической специфике формирования межнациональных

отношений на Северном Кавказе и в республике Дагестан. В параграфе 2.2. анализируется влияние на межнациональные отношения исламского фактора. В параграфе 2.3. мы исследуем причины и следствия архаизации социальных отношений и экономики на Северном Кавказе и в республике Дагестан.

2.1. Особенности межнациональных отношений на Северном Кавказе в историческом ракурсе

Межнациональные отношения были в течение всей российской истории важнейшей проблемой, оказывающей существенное воздействие на организацию как государственного, так и общественного устройства в системе социальных отношений. Иначе и быть не могло. Ведь Россия – государство многонациональное, поэтому ни сами народы, ни центральная власть не могли оставаться равнодушными к этническому фактору. Поэтому успешное разрешение межнациональных проблем определяло, будет ли политическая система страны стабильной. На современном же этапе всё сказанное имеет еще большую степень значимости, так как мы живем в условиях глобализации и массовой диффузии в этнических и культурных процессах, сказывающихся на поиске народами своей идентичности. Между тем, на данном этапе Россия не может быть государством иного типа, как многонациональным, следовательно, от успешности решения этнических конфликтов зависит будущее нашей страны.

Северный Кавказ остается до сих пор самым сложным регионом в Российской Федерации из ее субъектов с точки зрения протекания межнациональных отношений. Здесь сплелся целый клубок противоречий, обусловленный спецификой географического положения, историческим и культурным развитием, экономическими трудностями,

пограничным характером этих территорий, которые все вместе дают ситуацию в регионе по настоящему взрывоопасной.

Положение на Северном Кавказе было отнюдь непростым ещё в советский период нашей истории. А после того, как распался СССР и ослабла российская государственность, ситуация во многих местах вышла из-под контроля. Особенно тяжелым стали первые десять лет реформ (90-е годы), когда состоялся всплеск масштабного вооруженного насилия в некоторых республиках региона. Из наиболее глобальных можно назвать осетино-ингушский конфликт, две чеченские войны, террористические акции в Дагестане и Кабардино-Балкарии, совершенные усилиями многочисленного террористического подполья. С учетом этих сложностей, решить проблемы в области межнациональных отношений, которые сейчас сложились на Северном Кавказе, не получится без глубокой научной проработки специфических особенностей межнациональных отношений, завязанных в данном регионе в рамках исторического ракурса. В этой связи настоящий параграф будет подчинен задаче выявления основных факторов, вызвавших формирование межнациональных проблем в регионе Северного Кавказа с учетом особенностей политико-культурных аспектов развития.

Межнациональные отношения в регионе Северного Кавказа в качестве своих особенностей обусловлены спецификой этнополитического характера. Базовыми характеристиками Северного Кавказа являются:

1) многонациональность региона (на данной территории находятся семь субъектов федерации, где живут представители не одного десятка автохтонного населения);

2) поликонфессиональность региона (на данной территории находятся верующие, которые исповедуют практически все конфессии, существующие на территории России, но, главным образом, – православие и ислам);

3) чересполосица в расселении этносов и народов, которая предполагает наличие смешанности разных этнических групп и анклавность их расположения на территории ряда субъектов Северного Кавказа¹. Присоединение данного региона к российскому государству не было единовременным моментом и не протекало безболезненно. В течение всего XIX столетия многие из народов северокавказского региона ожесточенно боролись с оружием в руках против проникновения России на Кавказ. Сейчас эти события принято называть первой "Кавказской войной".

Включение региона в состав России вызвало существенные социальные изменения, которые произошли в образе жизни северокавказских народов. Эти изменения состоялись уже в дореволюционный период, но, главным образом, в советскую эпоху российской истории. Вместе со всей страной Северный Кавказ пережил период индустриализации, что обусловило массовую миграцию в данный регион большого количества русскоязычного населения, а также представителей других национальностей, принесших в замкнутый мир Кавказа свои обычаи и порядки. граждан из других регионов страны. В первую очередь, произошли изменения в социальной структуре населения северокавказского региона, возникли новые точки соприкосновения для межкультурной коммуникации, что если и не сразу, то потенциально заложило определенный комплекс проблем, ждавший создания необходимых условий для их актуализации.

Как мы уже указали, присоединение региона к Российской империи фактически имело признаки завоевания, продолжалось почти столетие, характеризовалось применением разнообразных и очень изобретательных практик в ходе военных действий. С другой стороны, некоторые из этносов

¹ *Валяровский Ф.И.* Актуальные проблемы правового регулирования межнациональных отношений в Российской Федерации / *Ф.И. Валяровский, Н.Л. Диденко, Л.А. Сугрей* ; *Пятигор. гос. лингвист. ун-т. Пятигорск, 2011. — 113 с. С. 3.*

Кавказа изъявили намерение присоединиться к России по собственной инициативе, что соответствовало на тот момент их социально-политическим интересам. И всё же основная масса населения избрала путь оказания вооруженного сопротивления, выступив против проникновения России на Кавказ. Противостояние российскому государству во многом было возможно из-за поддержки, оказываемой Османской Турцией, а, кроме того, Великобританией, т.к. оба эти государства проявляли большую заинтересованность в том, чтобы ослабить позиции Российской империи на Северном Кавказе.

Практически сразу сложилось два основных очага сопротивления: первый был связан с противоборством адыгских народов (особенно на участке Черноморского побережья), второй, нахско-дагестанских народов северо-восточной части Кавказа, среди которых особой непримиримостью отличались Чечня и Дагестан. России пришлось заплатить большую цену из многих человеческих жизней: как среди солдат своей регулярной армии, так и мирного населения. Только после этого Российская империя смогла преодолеть возникшее среди горных народов сопротивление, включив данные территории в состав своего государства. Не все местные жители смирились с такой судьбой. Значительная часть населения, не менее нескольких сотен тысяч, не захотели становиться подданными Российской империи, бежав в Османскую Турцию, где их расселили по территории всего османского государства: в Анатолии, на Балканах, в Передней Азии и Северной Африке. Даже сейчас в Иордании, Турции, Ливии, Ираке, Сирии, Израиле, Ливане, Египте, имеются многочисленные общины абхазских, адыгских, вайнахских народов¹.

После того, как Северный Кавказ оказался в составе России, межнациональные отношения вышли на новый уровень, существенно

¹ Магомеддадаев А. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. – Махачкала, 2001. – С. 69.

трансформировавшись. Появляющийся русский этнос, а также казачество, которое по многим причинам с ним отождествлялось, столкнулись с отношением к себе, как к оккупантам, захватившим чужие земли. Именно отсюда проистекают причины русофобии на Кавказе. Начало было положено Кавказской войной, о которой многие помнят до сих пор, и эти воспоминания имеют исключительно отрицательные коннотации.

Кроме того, результатом войны на Кавказе стали внутренние миграционные процессы, связанные с оттоком коренного населения в горы вследствие занятия равнинных земель русскими и казаками. После прихода в регион советской власти началось обратное движение. Горские народы многие поддержали большевиком, а казаки, наоборот, почти поголовно служили в "белых" армиях. Поэтому после окончания гражданской войны в благодарность за поддержку советская администрация стала проводить политику поощрения переселения горных районов на равнины для последующего выдавливания оттуда казаков. Однако эта идиллия между советской властью и горными районами длилась только до Великой отечественной войны, в ходе которой многие горцы запятнали себя сотрудничеством с Германией и, как результат, были депортированы в Среднюю Азию и Казахстан.

Эта последняя, третья миграционная волна, особенно значима сейчас для тиражирования у целой группы этносов исторических обид и претензий, обильно подпитывающих русофобские настроения на Северном Кавказе. Подавляющее большинство чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев были депортированы. На их территории расселилось русское население, занявшее их дома, пастбища, земельные участки. Кроме того, до сих пор помнят свои обиды еще со времен гражданской войны потомки терских казаков, пострадавшие от большевиков. Из сказанного нетрудно заключить, что историческая память практически всех народов Северного Кавказа содержит в себе потенциалы социального недовольства

центральной российской властью. Всё это перемешивается на самом Северном Кавказе своими межгрупповыми претензиями: казачества с горцами; русских и горских народов; между самим горцами, которые имеют друг к другу взаимные претензии.

Административно-территориальная политика советской власти также существенно осложнила ситуацию, породив объективные основания для недовольства и конфликтов. Практически все территории Северного Кавказа были разделены так, что в одной административно-территориальной единице стали проживать представители разных этнических групп. Следствием стало разделение многих народов Северного Кавказа. Нельзя не сказать о том, какое влияние на установление территориальных границ оказали внутренние миграции. Ряд народов переселились с мест своего привычного обитания и заняли территории других этносов. Потом это нашло отражение в новом районировании границ. В итоге было выработано два принципа: административно-территориальный и национально-территориальный.

В качестве примера применения административно-территориального принципа можем назвать создание Горской АССР, которая существовала в течение 1921-1924 годов, включая в себя прежнюю Терскую область и некоторую часть Кубанской области. Однако затем из структуры Горской АССР, которая прекратила свое существование, выделили новые субъекты, которые были созданы исключительно в соответствии с национальным принципом. Речь идет о Северо-Осетинской, Ингушской, Чеченской автономных областях, объединенных в состав нового Северо-Кавказского края¹. В последующие годы на территории Северного Кавказа применялись оба принципа: и административно-территориальный, и

¹ Дидигова И.Б. Анализ административно-территориального устройства народов Северного Кавказа в российской историографии с учетом новых реалий и современности // Историческая и социально-образовательная мысль - № 4 – Т. 7. – 2015. – С. 22-30. С. 23.

национально-территориальный. В качестве современного примера применения административно-территориального принципа можем назвать многонациональный Дагестан, а национально-территориального принципа – Республику Чечня, Республику Ингушетию, Северную Осетию.

Из этих территориальных трансформаций можно вынести вывод о том, что ряд «титულных» наций Северного Кавказа приобрели много возможностей, чтобы реализовать свои стремления к национальной автономности. Как минимум – собственную территорию. В то же время, обойденным в прошлые годы, да и сейчас тоже оказался вопрос о защите прав национальных меньшинств, которые населяют республики Северного Кавказа и не имеют собственной территории, очерченной в рамках территориальных границ субъекта федерации¹. Карачаево-Черкессия, помимо карачаевцев и черкесов, включает такие народы, как абазини и ногайцы. Между тем, их права на участие в управлении территорией не защищены. Еще более сложной складывается ситуация в Дагестане, в котором политической властью владеют лишь несколько крупных народов, формирующих из себя группы национальной элиты. Неслучайно, что по мнению 76,9% дагестанцев, участвовавших в опросе, клановость выступает ведущим принципом, определяющим отбор в структуру правящей политической элиты².

Для Северного Кавказа административно-территориальный механизм структурирования территорий выступает в известном смысле неизбежностью. Однако он не учитывает этнический фактор и подразумевает возможности добрососедского существования многих

¹ Хлопкова В.М. Этнополитические и этнодемографические трансформации на Северном Кавказе в 1920-е годы в условиях реализации советской национальной политики // Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности. Всероссийская научно-практическая конференция. - Армавир, 2014. - С. 91-101. С. 95.

² Алигаджиева М.А. Национально-политическая элита Дагестана: специфика формирования и функционирования // Власть - № 10 – 2013 – С. 146-147.

этнических групп в пределах единого территориального образования, что на практике проявляется далеко не всегда. Этот принцип порождает большой конфликтотенный потенциал. Надо учитывать различия по языку, культуре, традициям, религии и т.п. Эти различия нередко порождают конфликтные взаимодействия. Наглядным примером выступают Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия и Республика Дагестан – три наиболее многонациональные республики Северного Кавказа.

Можно считать, что именно в советский период сформировался основной блок межэтнических противоречий в северокавказском регионе. Те проблемы в сфере межэтнических отношений, которые мы видим в настоящее время, формировались в промежуток между 1950-ми и 1980-ми годами. В процессе десталинизации советского государства на Северный Кавказ вернулись представители депортированных в 1940-е годы народов региона – карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, кумыки. Было восстановлено прежнее административно-территориальное деление северокавказского региона. В СССР в послесталинскую эпоху многое сделали для решения возникших проблем. Однако возникли проблемы и принципиально новые. Так, после возвращения народов из зон депортации сформировались сложности, которые власть в полной мере так и не смогла разрешить.

Во-первых, все возвращенцы должны были получить новое жилье, работу, размещены в готовую инфраструктуру, что, на самом деле, сделано не было.

Во-вторых, начался новый этап территориального передела Северного Кавказа, завершившийся созданием очередных по счету административно-территориальных образований. Достаточно сказать, за годы советской власти на Северном Кавказе было реализовано более 30 административно-территориальных реформ. Так, когда вернули из ссылки карачаевцев, область Карачай оказалась выведенной из структуры Грузии

и включенной в Ставропольский край с добавлением к ней Черкесской области. В итоге администрация вернулась к тому, административно-территориальному устройству, что уже было в 20-е годы, когда существовала Карачаево-Черкесская автономная область. Та же ситуация произошла после возврата из зон депортации балкарцев, то которых расселили в Кабардинскую АССР, изменив ее наименование на «Кабардино-Балкарскую АССР». Столица данной республики была определена городом Нальчик.

И, на что следует обратить особое внимание, новый клубок противоречий завязался после возвращения чеченцев и ингушей из депортации. Прежде всего, это было связано с их значительной численностью. Затем, – чересполосицей земель их расселения, отданной разным территориальным субъектам. Дело в том, что после депортации земли вайнахов получили Дагестан, Северная Осетия и Ставропольский край. Естественно, они были заселены разными народами. Русские, например, получили созданную на месте Чечено-Ингушской АССР Грозненскую область. Поэтому вернуть вайнахам обратно все разбитые на кусочки мозаики их земли в полном объеме не удалось. Например, природа осетино-ингушского конфликта роется в том, что некоторая часть земель, ранее принадлежащих ингушам, когда их выслали в Казахстан передали в Пригородный район Северо-Осетинской АССР. Вернувшись, ингуши попытались расселиться на прежних местах, но столкнулись с сопротивлением уже осевших здесь осетин, у которых выросло уже целое поколение, считающее данные земли своей родиной. Та же история приключилась с чеченцами, только в соперничестве с народами Дагестана. Так, населенный чеченцами Ауховский район вплоть до 1944 года был частью Дагестанской АССР. Однако после депортации чеченцев он был переименован в Новолакский район и заселен лакцами и аварцами.

Другим народам, пострадавшим от переделов границ между республиками и краями на Северном Кавказе, следует считать ногайцев. Их также депортировали, а территорию, условно именуемую как «Ногайская степь», разделили между несколькими субъектами бывшего РСФСР. Ее получили в разных долях Дагестан, Ставропольский край и Чечено-Ингушская АССР. Ногайцы и сейчас являются этносом не имеющим собственных административно-территориальных границ.

Важнейшей проблемой, тесно связанной с принудительным переселением северокавказских народов, следует считать конфликты между населением, возвратившимся после депортации и новоселами, которые прежде никогда на Северном Кавказе не жили, или жили совсем в других частях данного региона. Так, когда чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев депортировали, то принадлежащие им земли и дома оказались занятыми представителями других северокавказских народов или русскими, расселенными в четко определенных районах по принятой в те годы «разнарядке», установленной партийно-государственными органами. Чтобы исключить конфликтные ситуации, партийное руководство взяло у представителей возвращаемых из депортации народов отказ от претензий к тем, кто проживает на их землях. Однако конфликты всё равно стали возникать, так как многие из давших указанный отказ посчитали его недействительным, поскольку он противоречил их нравственным установкам. Особенно острой стал конфликт между новоселами и вернувшимися после прекращения существования Советского Союза, ибо исчезла та власть, которая взяла отказ от претензий, а новая Российская Федерация не имела необходимой легитимной силы для препятствия силовому решению проблемы, острейшей из которых стало противоборство между ингушами и осетинами.

Таким образом, к моменту крушения советской государственности и провозглашения независимости Российской Федерации, республики

Северного Кавказа имели перед собой целый ряд нерешенных в советское время социально-экономических, социокультурных и политических проблем, наиболее четко проявлявшихся в сфере межнациональных и межэтнических отношений. Прежде всего, отсутствовала грамотная политика федерального центра в сфере межнациональных и межэтнических отношений. Длительное время северокавказские республики и области возглавлялись русскими партийными и государственными чиновниками, что свидетельствовало о высокой степени недоверия советского руководства к представителям коренных народов Северного Кавказа, особенно – к мусульманам. В свою очередь, на местах засилье русских чиновников в органах республиканской власти провоцировало недовольство со стороны представителей титульных этнических групп, считавших себя обделенными. Распад СССР еще в большей степени актуализировал проблемы депортированных народов. Помимо карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей, на Северном Кавказе появились также переселяющиеся из Средней Азии турки-месхетинцы, курды, крымские татары. Отношения с ними складывались весьма неоднозначно и у власти, и у других этнических групп, населяющих северокавказский регион. Естественно, отразились на Северном Кавказе и общие социальные проблемы, с которыми столкнулась постсоветская Россия в процессе рыночных реформ – безработица, пьянство и алкоголизм, наркомания и токсикомания, беспризорность, бездомность, рост преступности и правонарушений.

Одной из главных бед Северного Кавказа, как сейчас, так и в советское время (в скрытом, латентном виде) была безработица, которая в наши дни с учетом падения жизненного уровня населения и отсутствия роста новых рабочих мест приняла еще более острые формы. Частично она решалась и решается за счет массового отходничества и спекуляции. Чеченцы, ингуши, дагестанцы в массовом порядке в качестве

«отходников» или «шабашников» отправлялись в те или иные регионы РСФСР, а сейчас и в Россию, ради поиска работы. В советское эта практика преследовалась, так как власть оценивала их как тунеядцев, которые путешествуют с целью поиска наиболее лучших условий труда. Но, на самом деле, феномен отходничества скрывал в себе не изжитую в республиках Северного Кавказа безработицу. Намерения отходников не выходили далее желаний обеспечить, прокормить свою семью посредством сезонных заработков в РСФСР или среднеазиатских республиках. Нередко выезд на заработки осуществлялся всей семьей, в том числе с несовершеннолетними детьми. Распад Советского Союза крайне негативно сказался на практике отходничества, т.к. привел к разделению отходников по разным государственным границам. В итоге, это привело к тому, что с 90-х годов северокавказские отходники стали возвращаться из среднеазиатских республик, а также из Казахстана, т.к. уровень жизни в них стремительно понизился и стал даже хуже, чем жизненные стандарты в России. Итогом стало возвращение людей, которые в течение длительного времени жили в иных регионах. Это еще более обострило ситуацию, усугубив социально-экономические и демографические проблемы республик Северного Кавказа¹.

Надо сказать, что в течение 60-80-х годов, так называемую позднесоветскую эпоху, социальные и политические процессы в республиках Северного Кавказа можно было охарактеризовать как относительно стабильные. Об этом, как минимум, свидетельствует отсутствие острых общественных конфликтов, постоянство персонального состава управленческих партийно-государственных кадров. В то же время, в данное время были заложены основания для этнократической политической системы, которая в своих окончательных формах сложилась

¹ Дзидзоев В.Д. Национальная политика на Северном Кавказе: вызовы и ответы XXI века – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.darial-online.ru/2005_4/dzidzoev.shtml

в республиках Северного Кавказа уже в период, когда распался Советский Союз. Этнократическая политическая модель определила механизм движения по карьерной лестнице, в основе которого ведущим элементом была этническая принадлежность. Особенно четко этнократизм власти проявляется в республике Дагестан, и, что особенно важно, формирование данной модели состоялось в основном в советский период. По сложившейся традиции первым секретарем обкома КПСС, председателем Верховного Совета республики, председателем Совета министров республики могли назначаться кандидаты только из представителей самых многочисленных дагестанских народов: даргинцев, аварцев и лезгин. Указанная модель, формирующая принципы распределения высших должностей, осталась, с небольшими модификациями, и в современном Дагестане, т.к. зарекомендовала себя в качестве гаранта относительной политической стабильности данного региона.

Описанная система этнократического типа была отнюдь не бесполезна с точки зрения эффективности управления республиками Северного Кавказа, поспособствовав в определенной степени тому, чтобы укрепить реальную политическую и социальную стабильность Дагестана. Однако данный характер этнократии Дагестана не мог удовлетворять интересам всего этнического сообщества данной республики в силу их многочисленности и невозможности имплементации всех этнических групп в систему распределения властных прерогатив. Объясняется это концентрацией основных рычагов управления посредством рассмотренной этнократической системы в руках аварского и даргинского этносов. Между тем, иные народности Дагестана ощущали себя лишенными возможности влиять на управленческий процесс. Наибольшие претензии в последние годы выражаются со стороны кумыков. Сложившееся положение усложнено тем, что кумыкский этнос в дореволюционный период играл самую важную роль в современном Дагестане, а язык кумыков

использовался для межнационального общения среди дагестанских народов.

Данная проблема, выраженная в неравномерном доступе к властным ресурсам, стала еще более острой с конца 1980-х годов. Постепенно она трансформировалась с начала 90-х годов в один из главных факторов, формирующих межэтническую и социальную напряженность северокавказском регионе. Надо сказать, что именно проблема неотрегулированности межэтнических взаимодействий способствовала далее постепенному возрастанию политической нестабильности во всех республиках Северного Кавказа. Данное положение стало усугубляться из-за клановости характера северокавказских сообществ. Если в советские времена, когда это не было широко распространено, фиксации квот властных должностей по этническому принципу не вело за собой серьезных последствий, то в настоящее время указанная практика обуславливает вытеснение многих этносов на периферию распределяемых возможностей. Утверждается клановая монополизация на пользование ресурсами. Фактически сейчас принцип клановости становится самым главным фактором, который ведет к поляризации этносов республики Дагестан на властные и зависимые. Более того, в известной степени клановая система в данном регионе выступает в качестве фактора, который способствует уходу определенной части молодежи в экстремистские и даже террористические сообщества.

Для полноты картины мы не можем проигнорировать и положительные аспекты разделения северокавказских обществ на кланы, в том числе присутствие этого фактора в политической системе северокавказских республик. Конечно, клановый фактор существенно нейтрализует течение этнических процессов на Северном Кавказе, укрепляя в конечном итоге этнократические режимы. Но, не стоит забывать, что утверждение представителя определенного клана в высших

структурах власти обуславливало рост социального статуса целых этнических групп, во всяком случае, ближайших родственников. Это повышало престиж государства в глазах определенного слоя и создавало четко определенный канал социальной мобильности вертикального типа.

Можно сейчас по-разному относиться к советскому периоду, в течение которого и сформировались общие принципы этнократической системы, но нельзя пройти мимо того факта, что в то время состоялась серьезная стабилизация межэтнических взаимоотношений на Северном Кавказе. Неслучайно, что Конституцией СССР, принятой в октябре 1977 г., нормативно были закреплены принципы национально-территориального устройства всего северокавказского региона, поставившего точку в этнической организации региона по итогам возвращения народов после депортации.

После возвращения депортированных народов состоялась реорганизация структуры административно-территориального устройства северокавказского региона. В то же время, постдепартационный период обнажил существующие недостатки, присущие ей. По меньшей мере странным оказалось включение двух национальных автономий: Адыгейской автономной области и Карачаево-Черкесской автономной области, соответственно в состав Краснодарского края и в состав Ставропольского края. Принятая в 1977 году Конституция СССР никак не поменяла сложившуюся систему административно-территориального устройства северокавказского региона. Этим были созданы существенные проблемы, которые актуализировались чуть позже, уже когда распался Советский Союз и начался парад суверенитетов, состоявшийся, как явление, в 1991-1993 годах. Отличительным свойством Конституции 1977 года была ориентация на простое фиксирование сложившейся системы административно-территориального устройства, без учета уже накопленных в реальной практики проблем. Поэтому игнорирование

латентно накапливающихся сложностей и проблем, нежелание строить вектор социально-политического развития на будущие перспективы, превращало ситуацию на Северном Кавказе в «мину замедленного действия», готовую в любой момент взорвать стабильность процессов этнического взаимодействия в регионе.

Административно-территориальное устройство СССР было сформировано уже в самом начале существования социалистического государства. Основной вклад в его формирования был внесен Иосифом Сталиным, который был первым советском правительстве наркомом по дела национальностей. Именно Сталину принадлежат три базовых принципа, положивших основу разделения территории СССР на союзные и автономные республики. Союзной республикой могла быть только территория, 1) включающая в себя население численностью не менее одного млн человек, 2) обладающая титульным народом, то есть большинством населения одного этноса, 3) имеющая внешние границы. На первых этапах определенная логика в этих принципах была. Но в дальнейшем многое в демографических показателях изменилось, и потребовались серьезные корректировки. И потом, автономные республики имели национальные меньшинства, являющиеся коренным населением, но не подходящими под категорию титульного этноса. Так, Адыгейская АО в своем составе содержало большинство населения русскоязычных и казаков, но при этом была территорией, выделенной как национальная автономия. Еще более запутанная ситуация сложилась на территории Карачаево-Черкесской автономной области, где проживали не только карачаевцы и черкесы, но также абазины, ногайцы и казаки, рассматривавшие ее в качестве своей этнической родины. Эти скрытые противоречия, которые были заложены еще в советские времена, не могли не повлечь возникновение скрытых, а в будущем и вполне явных межэтнических конфликтов.

Созданная на таких началах административно-территориальное деление Северного Кавказа, которое играло положительную роль в годы советской власти, уже в конце 80-х годов стало проявлять свойственные ей недостатки. Результатом данных недостатков стало порождение большого количества конфликтов, иногда вооруженного характера, на всей территории Северного Кавказа после распада СССР.

Распад СССР стал новым рубежом в развитии Северного Кавказа. С этого момента этнический фактор превращается в данном регионе в ведущий. Результатом сказанного стало распространение националистических настроений, жестко привязанное к этничности. Примером может служить национальное движение адыгов, которое активизировалось с распадом Советского Союза. Ими выдвигается ряд требований, в числе которых далеко не последнее место обязывание признать со стороны России факт «геноцида черкесов» в период первой Кавказской войны. Кроме того, важное место занимает требование предоставить российское гражданство всем желающим, кто является потомками переселившихся в Турцию и Северную Африку представителей адыгских племен. Также часто поднимается вопрос о создании нового субъекта Российской Федерации, который включал бы Адыгею, часть Кабардино-Балкарии и часть Карачаево-Черкессии¹. То есть речь идет об объединении всех адыгоговорящих народов.

Важнейшую роль в развитии среди широких слоев населения этнонационалистических идей сыграла на рубеже 80-х – начала 90-х годов национальная интеллигенция, которая стояла у начала национально-политических движений. По мнению А.А. Эбзеева, даже сформированная в это время национальная предпринимательская прослойка оказалась далеко

¹ Тхатель С.А. Социокультурные особенности развития гражданского общества на Северном Кавказе // Теория и практика общественного развития - № 9 – 2013 – С. 95-96.

на задворках национальных движений республик Северного Кавказа¹. Дальше ситуация пошла по еще более радикальному сценарию, поскольку вторая половина 90-х годов характеризуется заменой этнического национализма на религиозный фундаментализм. Этому не в последнюю очередь способствовала архаизация социума Северного Кавказа, включая в сферу своего влияния прежде всего северокавказскую молодежь. Для региона это оказалось огромной проблемой, которая потребовала оперативного вмешательства властей самых высших инстанций – федерального центра.

Наиболее основательную традиционализацию и архаизацию в постсоветский период пережили чеченские и дагестанские общества. Неслучайно, что именно северо-восточный Кавказ превратился в эпицентр по распространению идей религиозного фундаментализма². Идеи радикального ислама привлекательны тем, что помогают сближению этносов Северного Кавказа, формируют общую идентичность посредством религиозных практик. Однако последствием такой интеграции становится противопоставление мусульманского Кавказа немусульманской России, что объективно ведет к росту сепаратистских настроений. Усугубляется это тем, что не все население Северного Кавказа является мусульманским, и не каждый исламский народ готов принимать фундаменталистские ценности. Это с неизбежностью ведет к росту межэтнической напряженности в самом регионе посредством поиска противоречий между немусульманским (христиане, иудеи) населением республик Северного Кавказа и мусульманским.

¹ *Эбзеев А.А.* Западный Кавказ: проблемы политической реинтеграции // Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 39 / Отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону, 2006. - С. 53.

² *Дзуцев Х.* Латентные конфликты на Северном Кавказе: этносоциологический анализ – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.geopolitica.ru/article/latentnye-konflikty-na-severnom-kavkaze-etnosociologicheskij-analiz> (Дата обращения: 20.11.2015).

В течение первых пятнадцати лет постсоветской эпохи ситуация на Северном Кавказе перманентно ухудшалась, что было связано со слабостью политических ресурсов федерального центра в связи с общими проблемами социально-экономического типа во всей стране. Только с середины "нулевых" годов были нейтрализованы незаконные вооруженные формирования, что было достигнуто по итогам Второй Чеченской войны. После этого общее положение области межнациональных взаимоотношений на Северном Кавказе стало приходить в состояние стабильности. Взвешенная политика федеральной власти поспособствовала тому, что произошли изменения в самом характере руководства северокавказских республик. Они стали отказываться от принципов этнического национализма. В соответствии с мнением Б.В. Туаевой, «сегодня регион демонстрирует тенденцию к стабилизации общественно-политической ситуации, динамично развиваются культурные межрегиональные научные, спортивные, общественные, образовательные и др. мероприятия»¹. В самом деле, наметившиеся элементы позитивной межкультурной коммуникации, ведущие к культурной диффузии, выступают в качестве важнейшего залогов продуктивности в социально-политическом развитии Российской Федерации².

Следует отметить возрастающую готовность северокавказских республик к межкультурному взаимодействию. Это проявляется в расширении контактов между республиками, проведении общих мероприятий по разного рода культурной тематике. И, тем не менее, многие проблемы сохраняются, и если их не решать, то высокий уровень напряженности в данном регионе останется таким же высоким.

¹ Туаева Б.В. Этнокультурный опыт выстраивания межнациональных отношений на Северном Кавказе // Международный научно-исследовательский журнал - № 8-4 (39) – 2015 – С. 80-82. С. 80.

² Богатырева О.В. Проблемы межкультурной коммуникации народов Северного Кавказа // Культура и образование. – Сентябрь 2014. - № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/09/2416> (дата обращения: 20.11.2015).

По-прежнему не преодолена проблема оттока русских из республик Северного Кавказа, что не может не сказываться негативно на диалоге между русскими и кавказцами. Нельзя, невозможно в одночасье решить споры территориального характера, которых между республиками чрезвычайно много. И, о чем мы уже писали, клановость и связанная с ней коррупция, до сих пор выступают важнейшим фактором организации социально-политического пространства Северного Кавказа.

Всё сказанное позволяет нам сделать вывод, в соответствии с которым отношения между национальностями на Северном Кавказе исторически формировались на основе многих факторов. Во-первых, необходимо указать на политическое взаимодействие обществ Северного Кавказа с Россией (СССР), принимавшей в самые разные периоды истории черты как позитивного сотрудничества, так и характера военных действий.

Во-вторых, необходимо сказать о факторах административно-территориального и национально-территориального устройства северокавказских республик, которые обусловили особенности межнациональных взаимоотношений в данном регионе как в советский, так и в постсоветский периоды развития. В-третьих, нужно сказать о факторах, связанных с распространением религиозного фундаментализма и этнического национализма уже в современную эпоху, которые оказали воздействием на возрастание межнациональной напряженности и других противоречий в северокавказском регионе. В-четвертых, нельзя пройти мимо земельного вопроса, который особенно актуален во взаимоотношениях между равнинными и горскими народами.

2.2. Конфессиональный фактор в межнациональных отношениях на Северном Кавказе

Религиозный фактор в политических отношениях северокавказского региона, прежде всего, с точки зрения взаимодействия этносов, неизменно имел большую степень значимости. Именно религия на этой территории еще с самых давних времен определяла основной характер межнациональных взаимоотношений. Религия обладала качеством инструмента, который направлял активность основных политических акторов региона. Именно она, если речь вести о мусульманских сообществах, способствовала образованию надэтнической идентичности. Особенно значение религиозного фактора возросло с конца XVIII в. после того, как четко обозначились экспансионистские намерения России. Поэтому сейчас религия оценивается в роли ведущего механизма, направленного на консолидацию народов Северного Кавказа, который используется разными социальными группами, чтобы выработать цельную идеологию, направленную на сопротивление проникновению и утверждению России в регионе.

Радикальные течения в исламе получили распространение на Северном Кавказе еще в дореволюционный период отечественной истории, а в советское время северокавказские мусульмане получали возможность ознакомления с радикально-фундаменталистскими идеями вследствие контактов с арабскими и турецкими мусульманами, в первую очередь имевших место во время паломничества советских мусульман в Мекку и Медину, либо вследствие целенаправленного проникновения арабских и турецких эмиссаров-проповедников на территорию Советского Союза. Но существовавшая в СССР жесткая политическая система была естественным препятствием на пути к распространению радикального фундаментализма, поэтому основная масса советских мусульман

оставалась изолированной от общемировых радикальных тенденций. Свою роль играла и социально-экономическая и культурная специфика советского общества, стабильность которого выступала в качестве основного противоядия не только против фундаменталистских, но и в целом радикальных и экстремистских идеологий любой направленности. Во второй половине 80-х годов XX века произошло изменение ситуации, когда вследствие целого ряда политических перемен в жизни Советского Союза, в страну стали проникать религиозные проповедники – не только мусульманские, но и протестантские, католические, а также – последователи новых религиозных культов и сект. Большую роль в радикализации российских мусульман сыграла война в Афганистане и последующее проникновение фундаменталистских организаций в соседний Таджикистан.

Распад советского государства и последовавшая за этим событием «десоветизация» постсоветских обществ способствовали возникновению идейного и духовно-нравственного вакуума, который закономерно стал заполняться самыми разными доктринами и учениями, в том числе – и радикальным исламом. Именно в первой половине 1990-х гг. началось распространение религиозного фундаментализма в регионах постсоветской России со значительным мусульманским населением. Появились религиозно-политические объединения, фонды, учебные заведения. Вследствие отмены «железного занавеса» российские граждане получили возможность беспрепятственного выезда за пределы страны, что сразу же повлекло за собой установление контактов с иностранными религиозно-политическими организациями из Турции, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Египта и т.д. Свою роль в распространении религиозного фундаментализма сыграло и начало Чеченской войны, во время которой на территорию Северного Кавказа прибыло большое количество иностранных военных специалистов и

проповедников радикального ислама из азиатских и африканских государств – Афганистана, Пакистана, Турции, Саудовской Аравии, Иордании, Йемена, Египта и т.д. Начался процесс формирования религиозно-экстремистских организаций, основным ареалом деятельности которых стал Северный Кавказ, в первую очередь – Чечня и Дагестан, Ингушетия. Затем деятельность религиозных экстремистов распространилась на часть районов Ставропольского края со значительным мусульманским населением, в Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкессию, в меньшей степени – в Адыгею. Произошла дифференциация местного ислама, связанная с его размежеванием на радикальные течения, проникшие из-за рубежа, и традиционный ислам, в целом лояльный к российскому государству и имеющий богатый опыт существования в рамках российского цивилизационного пространства.

В постсоветский период, когда распалась советская государственность и стали распространяться националистические настроения в северокавказских республиках, религиозный фактор начал использоваться практически всеми социальными движениями. Его фундировали сторонники политической независимости республик Северного Кавказа; к нему апеллировали и продолжают апеллировать представители радикального ислама, из которых наиболее активную роль развивают в наши дни сторонники салафизма.

Религиозные радикалы успешно обращались к опыту национально-освободительного движения народов Северного Кавказа, который особенно в XIX веке мог предоставить самые ярчайшие образцы такой борьбы. Поэтому не стоит удивляться, что салафитам удалось вовлечь в орбиту своего влияния самые широкие слои народов Северного Кавказа, особенно молодежь.

Первоначально кавказская молодежь боролась с оружием в руках за политическую независимость против федеральной власти, а затем стала

социальным резервом для пополнения большого количества террористических группировок Северного Кавказа.

Терроризма в данном регионе вне религиозного фактора не существует. Он выступает интегративным стержнем. Касается это не всех регионов Северного Кавказа, а по преимуществу таких, как Чечня, Ингушетия, Дагестан. Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию, Ставропольский край, Северную Осетию-Аланию и Адыгею это касается в значительно меньшей степени. Однако, чтобы не превращать мусульманство в эдакий жупел, необходимо до того, как мы будем рассматривать влияние религиозного фактора на межнациональные взаимоотношения в данных регионах, рассмотреть специфику северокавказского ислама. Общеизвестно, что в Северо-Западном Кавказе получил распространение суннизм ханафитского мазхаба. К нему относятся адыги, тюркоговорящие карачаевцы и балкарцы, а также осетины, исповедующие мусульманство. Между тем, Северо-Восточный Кавказ (Чечня, Ингушетия и Дагестан) стал ареалом суннизма шафиитского мазхаба. Его исповедуют чеченцы, ингуши, а также представители большей части народов Дагестана. Еще одним важнейшим аспектом, который необходимо затронуть при характеристике северокавказского ислама, является оценка тарикатов, то есть суфийских религиозных орденов, которые здесь распространились. Это кадирия, накшбандия и шазилия. Данные религиозные ордена представляют из себя корпорации, состоящие из учеников (мюридов), возглавляемых шейхами, которые призывают к абсолютному повиновению. Среди народов Дагестана и чеченцев влияние шейхов существенно усилилось из-за тесного переплетения суфийских орденов с клановыми (тэйповыми) структурами¹.

¹ *Савенко Г.П.* Религиозный фактор и его роль в обосновании террористической деятельности на Северном Кавказе: исторический опыт и современная практика //

Когда началась многолетняя Кавказская война, то суфийские тарикаты превратились в эпицентры, объединившие народы Кавказа против российского проникновения. В этом контексте нельзя не упомянуть об особой роли Турции, проводившей политику соответствующего религиозного манипулирования населением. Османская империя была геополитическим противником России, и отстаивала в регионе свои национальные интересы, ничего общего с религией не имевших. Используя рычаги своего влияния, турки даже преследовали те группы или особенно авторитетных индивидуумов, проводивших лояльную политику в отношении России. Турция, интересы которой были чужды интересам горцев, формально использовала религиозный фактор, как единственно возможный рычаг влияния на массы в данной ситуации. Тем более, что процесс национального самосознания у чеченцев, ингушей, многих этносов Дагестана еще не сформировался. А поскольку у перечисленных народов не было государственности, то религиозный фактор был безальтернативным механизмом, направленным на формирование общекавказской идентичности.

В течение времени ситуация стала существенным образом меняться. Сейчас суфийские тарикаты являются уже союзниками России по сохранению стабильности в регионе, т.к. в наши дни резко усилилось влияние разного рода исламских радикалов, появляющихся вследствие влияния салафитов из Саудовской Аравии. Лидерами суфийских тарикатов хорошо осознается тот факт, что распространяющийся салафизм, если ему не противодействовать, обусловит в конечном итоге вытеснение суфизма. Именно здесь обнаружилась возможная линия по организации сотрудничества: федеральная власть находит поддержку в борьбе с терроризмом, а традиционно существующие религиозные лидеры не

теряют своего влияния на массовое сознание, особенно среди кавказской молодежи.

Салафиты и ваххабиты выступают в качестве основных противников традиционного ислама, распространенного в Российской Федерации. Основой идеологии салафитов и ваххабитов является возврат к социально-политическим и социокультурным практикам раннего халифата, то есть – времени жизни и политической деятельности первых четырех халифов. Практическая составляющая идеологии салафизма и ваххабизма заключается в создании государства на основе шариата и теократического управления – Халифата. Северокавказские религиозные экстремисты выступают за создание Имарата Кавказ как составной части Халифата. Для салафитов и ваххабитов характерно отрицание многочисленных наслоений традиционного суннитского ислама, в первую очередь – суфизма. Негативное отношение салафитов и ваххабитов к суфизму обуславливается наличием в суфийских орденах института шейхов, являющихся посредниками между Аллахом и человеком. С точки зрения радикальных фундаменталистов, этот принцип противоречит основам мусульманского вероучения, равным образом, как и практика поклонения святым местам, характерная для суфийского ислама. Также салафиты выступают за формирование единого мазхаба и отрицают различия четырех основных мазхабов современного суннитского ислама¹.

В основе идеологии салафизма лежит два основных и неизменных положения – о такфире и о джихаде, отличающих салафитов от представителей других течений в современном исламе. Такфир подразумевает отнесение всех, кто не согласен с доктриной салафитов, к числу неверных. Причем неверными провозглашаются не только представители других религий, но и те мусульмане, которые не следуют

¹ *Рамазанов, Курамухаммад-хаджи. Заблуждение ваххабизма в шариатских вопросах. Перевод Магомедова У.Г. 2-е издание. Махачкала, 2008.*

идеологии салафизма. Разумеется, принцип такфира распространяется также на всех представителей власти, спецслужб, армии и полиции мусульманских государств и автономных национальных образований. Что касается принципа джихада, то он трактуется в идеологии салафизма как вооруженная борьба против неверных, являющаяся священной обязанностью каждого правоверного мусульманина. Однако, поскольку главным противником салафитов на данном этапе провозглашаются мусульмане, не согласные с салафитской доктриной, джихад ведется, прежде всего, против мусульманского же населения.

Начиная с 1970-х гг., пропорционально росту финансово-экономической мощи государства, Саудовская Аравия поставила своей основной задачей распространение ваххабитской идеологии во всем мире, в первую очередь – в исламских государствах. Были созданы тысячи саудовских фондов и общественных организаций, занятых распространением ислама в других государствах – именно в его ваххабитской трактовке. Одним из основных объектов ваххабитской пропаганды стали республики Северного Кавказа. Саудовские проповедники умело играли на социально-экономических проблемах, политической нестабильности, межэтнических противоречиях в северокавказском регионе. Но главным «помощником» ваххабитов в деле распространения идеологии ваххабизма в северокавказском регионе стал идейный и духовный кризис постсоветского общества. Представители традиционного исламского духовенства не смогли дать адекватный ответ ваххабитской пропаганде, что привело к оттоку части мусульман в ряды ваххабитских организаций. В настоящее время пропаганда ваххабизма осуществляется посредством обширных возможностей современных информационно-коммуникационных технологий, в том числе – сети Интернет. Социальные сети превратились в надежный ресурс вербовки новых сочувствующих среди мусульманской молодежи.

Что касается организационного оформления ваххабизма, то первые фундаменталистские группировки на Северном Кавказе создавались как группы единоверцев, объединяющихся в сети. Ваххабитские джамааты появились в целом ряде городов и населенных пунктах Северного Кавказа. Естественно, что в процессе укрепления своего влияния в регионе, ваххабиты вступили в конфликт с последователями традиционного ислама, в первую очередь – с суфийскими тарикатами, обладавшими большим влиянием в Чечне и Дагестане. Начиная с середины 1990-х гг. северокавказские ваххабиты вступили на путь вооруженного противостояния с последователями традиционного ислама. Другим серьезным противником ваххабитов стал, как ни странно, северокавказский криминальный мир, поскольку ваххабитские джамааты создавали препятствия для криминальной деятельности – производства и торговли нелегальной алкогольной продукцией, наркотиками, организации проституции.

Возрастание количества последователей салафизма было обусловлено, прежде всего, существенным ухудшением в северокавказском регионе общего социально-экономического ситуация, что вело к разочарованию кавказской молодежи политикой руководителей республик. Еще более серьезные последствия для функционирования традиционного ислама стала активизация деятельности салафитов. Эта угроза стала очевидной уже сразу после распада СССР. Так, уже в 1992 году представители Чрезвычайного объединительного съезда духовенства республики Чечня объявили о том, что существует серьезная угроза в виде распространяющегося религиозного экстремизма¹.

Следует отметить, что, несмотря на требования со стороны традиционного духовенства запретить деятельность салафитов, светская власть Чечни этого тогда не сделала.

¹ Музаев Т. Этнический сепаратизм в России. М., 1999.

В настоящее время рост числа сторонников ваххабизма и салафизма определяется их протестной сущностью, выражающей общее недовольство северокавказской молодежи социально-экономическим и политическим положением северокавказских республик. Наркомания, преступность, проституция, пьянство, безработица и коррупция являются теми социальными проблемами современного Северного Кавказа, с которыми обещают покончить радикальные фундаменталистские организации. Между тем, именно от этих проблем, в наибольшей степени, страдает северокавказская молодежь, составляющая основную базу сторонников ваххабитской и салафитской идеологии.

Таким образом, в основе деятельности салафитов и ваххабитов на Северном Кавказе лежат не только религиозные и политические (в том числе, влияние иностранных агентов), но и социальные факторы. Окончательное оформление и укрепление ваххабитские структуры на Северном Кавказе получили во время двух чеченских войн. Ваххабитам удалось оттеснить сепаратистов – националистов от руководства незаконными вооруженными формированиями, после чего борьба за освобождение Чечни трансформировалась в «джихад» радикальных группировок, принявший характер террористической деятельности на территории всего Северного Кавказа и даже за его пределами.

Современная северокавказская молодежь – это «дети войны». Их детство и юность пришлись на годы двух чеченских войн, волны терроризма и насилия в северокавказском обществе. В отличие от старших поколений, молодые северокавказцы воспитывались в антироссийских и сепаратистских настроениях, некоторые из них, получая образование в арабских странах, прониклись идеями ваххабизма. Традиционный ислам, в свою очередь, более не является привлекательным для значительной части северокавказской молодежи, что является крайне тревожным фактором для

уровня развития межнациональных и межконфессиональных отношений в регионе.

Опасность ситуации обозначилась в том, что когда имела место Первая чеченская кампания, то именно отряды салафитов были наиболее непримиримыми, воинственными и жестокими как по отношению к федеральным структурам, так и примирительно к населению, не вовлеченному в конфликт. Имея в виду эту непримиримость, а также, в не меньшей степени, наличие зависимости от проведения финансирования международными террористическими фондами и средствами Саудовской Аравии, сепаратистское руководство сепаратистов пошло на союз с салафитами. Не случайно, что со временем салафиты стали лидерами чеченского сепаратистского движения, трансформировав его этносепаратистского движения в религиозно-экстремистское. Экстремисты выступали за то, чтобы вести религиозную войну с «неверными» в России и за ее пределами. В последние годы это успешно реализуется в деятельности так называемого исламского государства в Сирии.

Вот почему со временем салафиты появились и в других регионах Северного Кавказа, не встречая себе сопротивления еще и потому, что препоны радикальному исламу не смогли поставить из-за неимения нужного числа образованных богословов из рядов традиционного ислама, способного читать проповеди и влиять на местную молодежь. Данной ситуацией пользуются проповедники салафизма, развивая большую активность среди молодежи, вербуя новых последователей, куда входят и не «этнические» мусульмане, но также новообращенные мусульмане из числа русских и других славянских народов. И.П. Добаев специально обращает внимание на то, что «анализ материалов, связанных с деятельностью «молодежных джамаатов», позволяет сделать прогноз на перспективу: эти сетевые структуры доказали свою жизнеспособность, автономность и самовосстанавливаемость. Сегодня группировки боевиков-

ваххабитов объединяются на новейшей идеологической основе, разработанной в зарубежных исламистских центрах и уже дополненной собственными идеологическими наработками. Неизбежной политической практикой носителей идеологии религиозно-политического экстремизма всегда был, есть и будет терроризм»¹.

В течение длительного времени, вплоть до 2013 года фактически единственной весомой организацией террористического характера в северокавказском регионе был «Имарат Кавказ», который сформировался в рамках сепаратистского движения чеченцев, а также возникших чуть позже «джамаатов молодежи», что действовали в других республиках Северного Кавказа. Но сейчас «Имарат Кавказ» получил нового активного соперника в виде «Исламского государства», которое призывает всех мусульман участвовать в джихаде на территории Ближнего Востока. «Исламское государство» объективно поспособствовало сокращению численности террористов в регионе Северного Кавказа, т.к. повлекло отток самых активных и воинственных участников на территорию Сирии и Ирака. Там они сражаются в «Исламском государстве»². В результате оказались ослабленными возможности «Имарат Кавказ» в республиках Северного Кавказа. «Исламское государство» для мусульманских радикалов выглядит более привлекательно, чем «Имарат Кавказ», т.к. у первого имеется реально существующая территория со своей исламской юрисдикцией, выстроенной в соответствии с законами шариата, собственная армия, значительно более широкие возможности по привлечению внимания к себе со стороны мировой общественности.

¹ *Добаев И.П.* Современный терроризм: региональное измерение / Отв. ред. Ю.Г. Волков. - Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. -С. 5-7.

² *Ярлыкапов А.* Современный ислам на Кавказе: глобальное и региональное – [Электронный ресурс]: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document268592.phtml> – [Дата обращения: 5.11.2015]

И все-таки в регионе мало что изменилось. Радикальные исламистские организации по-прежнему представляют из себя прямую угрозу межнациональным взаимоотношениям на Кавказе. Важным индикатором наличия угрозы является продолжающийся отток русскоязычного населения из Чечни, Ингушетии и Дагестана. Причем уезжают даже представители коренных этносов, которые не желают жить в радикализирующемся регионе. И совсем уже тревожным симптомом следует считать продолжения падения числа русскоговорящих и казаков во многих районах Ставрополья.

По мнению российского социолога Михаила Романова, падение количества русских в северокавказском регионе объективно ведет к тому, что данный регион отдалается от Российской Федерации. Между тем, текст Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» содержит фразу, подчеркивающую факт «ограничения в некоторых субъектах Российской Федерации прав нетитульного, в том числе русского, населения»¹. Это указывает на четкое понимание, знание федеральными властями характера миграционных процессов. И даже с учетом данного знания мероприятия, которые предлагаются в указанной программе, имеют в большей степени культурно-просветительский подтекст, что, по нашему мнению, в неотдаленной перспективе может вскрыть в ходе практической реализации процитированной программы ее низкую эффективность, затронув интересы не экстремистского населения национальных северокавказских республик, а также ряда пограничных регионов: Ставропольский край, Краснодарский край, Астраханскую и Ростовскую области.

¹ Романов М. Почему мы теряем Северный Кавказ? – [Электронный ресурс] - <http://expert.ru/expert/2013/48/pochemu-myi-teryaem-severnyij-kavkaz/> - [Дата обращения: 6.11.2015]

С учетом сказанного, важнейшей причиной, способствующей сохранению напряженности в области межнациональных взаимоотношений в северокавказском регионе следует считать присутствие здесь большого числа радикальных организаций религиозного толка, которые рассматриваются немусульманским населением региона как потенциальную угрозу стабильности и общественного порядка. Но не стоит сбрасывать со счетов официальную политику властей некоторых республик региона, которая направлена на фактическое утверждение в этом регионе доминирования всего лишь одной конфессии, что объективно ущемляет интерес лиц иного вероисповедания. Особенно актуальным это станет, если в Чечню и Ингушетию начнет возвращаться русское население.

В соответствии с позицией Ю.А. Будницкой, «в качестве основной задачи миграционной политики для национальных республик необходимо сократить процесс миграционного оттока русского населения из них и стимулировать возвращение русского населения в республики. Это позволит затормозить процесс этноизоляции национальных республик и будет способствовать восстановлению и в дальнейшем развитию тех сфер экономики (промышленность, образование, здравоохранение, крупное сельскохозяйственное производство), в которых было занято русское население»¹.

Не может не вызывать тревогу фактор невысокой эффективности проводимой политики, направленной на профилактику распространения радикальной идеологии исламского содержания среди молодежи. Последний аспект проблемы, по нашему мнению, во многом обуславливается невысоким уровнем социально-экономического развития республик Северного Кавказа, а также сформировавшихся моделей

¹ Будницкая Ю.А. Демографические и миграционные процессы, их этнокультурные особенности в субъектах Северного Кавказа. Автореферат дис. ... канд.экон.наук. М., 2009. С. 12.

социально-политического устройства. Возможности молодежи ограничены многочисленными проявлениями коррупции, кумовством, социальной поляризацией социума, что и приводит ее в сферу влияния религиозных радикалов.

В соответствии с нашим мнением, требуется нормализовать взаимоотношения представителей традиционного ислама с «невоинственным» салафизмом, с чем согласен также российский кавказовед А. Ярлыкапов. Такая практика значительно сократит численность молодежи, готовой встать в ряды радикальных исламистов. Опыт такого рода сотрудничества уже имеется в Дагестане, когда в 2010 году прекратили преследовать «мирных» салафитов, которые предпочитали проповедническую деятельность осуществлению экстремизма, что привело к налаживанию тесного сотрудничества между представителями традиционного духовенства и салафитами¹. Подобная практика может, с условием соответствия конкретике отдельных национальных республик, быть использована и в других регионах Северного Кавказа.

Можно отметить, что конфессиональный фактор в северокавказских республиках представляет собой одну из важнейших детерминант распространения сепаратистских настроений. Происходит политизация северокавказского ислама, характеризующаяся, одновременно, и ужесточением борьбы различных течений внутри ислама. Действующие на Северном Кавказе муфтияты в целом склонны проявлять лояльность к существующей российской государственности, однако в последние годы отмечается и тенденция к «этнизации» муфтиятов. Для верующих мусульман большое значение приобретает национальная принадлежность

¹ Ярлыкапов А. «Традиционного ислама на Северном Кавказе нет». Ученый-кавказовед Ахмет Ярлыкапов о религиозных проблемах самого беспокойного региона России – [Электронный ресурс] - <http://lenta.ru/articles/2015/03/04/salafism/> - [Дата обращения: 6.11.2015]

муфтия. С другой стороны, влияние традиционного духовенства на северокавказских мусульман постепенно ослабляется. Фактически традиционный ислам уже не занимает лидирующих позиций в северокавказском регионе, а является одним из течений ислама, наряду с салафизмом, конкурирующим за умонастроения мусульманского населения региона¹.

Конфликтные ситуации в северокавказском регионе, во многом, являются следствием радикализации местного ислама. Ответной реакцией на распространение фундаменталистских тенденций в исламе становится возникновение исламофобии у представителей других религиозных общин, усматривающих в распространении фундаментализма прямую угрозу своей безопасности. Таким образом, распространение фундаментализма способствует общей дестабилизации обстановки в северокавказских республиках. Религиозная дифференциация Северного Кавказа привела к формированию целого ряда социальных общностей, однородных по конфессиональному и, чаще всего, этническому составу. Для этих общностей характерно негативное отношение к попыткам федеральной власти укрепить существующие межнациональные и межэтнические отношения в северокавказских республиках.

Дестабилизация политической ситуации на Северном Кавказе происходит и вследствие ухудшения социально-экономического положения в северокавказских республиках. Экономическое положение, в свою очередь, оказывает влияние на распространение радикального фундаментализма в регионе и способствует притоку новых членов в радикальные организации. Соответственно, ухудшаются и межэтнические отношения в национальных республиках Северного Кавказа.

¹ *Корецкий А.В.* Конфессиональные факторы межэтнических конфликтов в Северокавказском регионе. Дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2009. С. 14.

За столетия соседства и взаимоотношений самых разных этносов и конфессиональных общностей, на Северном Кавказе развилась система взаимовосприятия, для которой долгое время было характерно отсутствие сугубо негативных трактовок иноэтничных и иноконфессиональных групп. Народы Северного Кавказа находились в тесной экономической взаимосвязи друг с другом, что препятствовало развитию этнической неприязни и способствовало росту культурных и социальных контактов. Сохранялся своеобразный иммунитет против шовинизма и расизма, присущего в той или иной степени большинству европейских обществ. Представители разных национальных и конфессиональных групп северокавказского населения взаимодействовали с друг другом в экономической, культурной, социальной сферах.

Однако в 1990-2000-е гг. ситуация изменилась, причем важнейшую роль в росте межнациональной и межэтнической напряженности в регионе сыграл именно конфессиональный фактор. Посредством обращения к религиозным ценностям северокавказские общества реагировали на кризисный период в развитии России в постсоветские десятилетия. К тому же, религиозное возрождение стало составным компонентом «ренессанса этнической идентичности», происходящего в условиях экономической и культурной глобализации. В настоящее время конкретная религия ассоциируется с определенными этническими общностями.

Так, с чеченцами или ингушами ассоциируется ислам, и он же играет важнейшую роль в процессе укрепления их этнической идентичности. Национальная и конфессиональная принадлежность фактически воспринимаются как тождественные характеристики, то есть чеченец практически всегда олицетворяется с мусульманином, русский с православным, еврей с иудеем. В то же время, несмотря на то, что в 1990-е – 2000-е гг. межнациональные и межэтнические противоречия на Северном Кавказе достигли своего апогея, трансформировавшись в

конфликты, в том числе и вооруженные, религиозная составляющая все же играла в них второстепенную роль по сравнению с политическими и социально-экономическими факторами. Как правило, обращение к религиозному фактору происходило в контексте необходимости мобилизовать значительное количество представителей какой-либо этнической группы¹.

Таким образом, завершая параграф, заключаем, что наличие конфессионального фактора объективно обуславливает возрастание напряженности в межнациональных отношениях республик Северного Кавказа. Как бы там ни было, опыт анализа религиозных процессов на Северном Кавказе ведет к выводу о том, что региону требуется проведение основательной модернизации как социально-политической, так и социально-экономической систем.

В заключение параграфа сделаем вывод, что исламский фактор традиционно имеет определяющее значение в развитии межнациональных и межконфессиональных противоречий. Политизация ислама, возрождение исламских традиций в связке с идеями исламского фундаментализма, сепаратизма и терроризма выступает фактором разрушения общегражданской российской идентичности и провоцирует конфликты в межнациональных отношениях.

¹ Религия и конфликт. М., 2007. С. 109.

2.3. Традиционализация и демодернизация политической культуры и межнациональные отношения на Северном Кавказе

Северному Кавказу принадлежит совершенно особенное место в России среди ее регионов. Он обладает исключительными и ни с кем не сравнимыми географическими, социокультурными, социально-экономическими особенностями, которые предопределили характерные черты политической культуры северокавказских республиках. Северокавказский федеральный округ России состоит из национальных республик: Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия–Алания, Чечня, а также Ставропольского края, где проживает множество самых разных национальностей.

Большинство субъектов Северокавказского федерального округа (СКФО) в структуре населения имеют представителей титульных наций, которые преимущественно исповедуют мусульманство. Когда распался Советский Союз в северокавказском регионе, подобно тому, как это происходило в иных регионах Российской Федерации, возобладали тенденции, направленные на возрождение этно-конфессиональной идентичности. Результатом данного процесса, параллельно с которым усугублялись социально-экономические проблемы, образовавшиеся в связи с распадом Советского Союза, стало развитие традиционализации и, в определенной степени, архаизации политических отношений на Северном Кавказе. Эти тенденции, вызванные возрождением конфессиональной и этнической идентичностей проявлялись в чрезмерном увлечении историческим прошлым, его идеализацией. Историческим и этнографическим особенностям обществ Северного Кавказа стало уделяться колоссальное внимание, что на практике обернулось намерением сохранять и в дальнейшем распространять традиционалистские настроения. Всё это свидетельствует об

обращенности в прошлое интеллигенции Северного Кавказа, которая выполняет идеологические функции в отрыве от запросов объективной реальности¹. Такое развитие событий обществ Северного Кавказа оказало важнейшее воздействие на формирование политической культуры региона. В ней преобладают этно-националистические и религиозные элементы.

Особенности политической культуры народов Северного Кавказа предопределяются не одними процессами этнического и конфессионального характера, но также социально-демографическим развитием. Общеизвестно, что в начале XXI столетия степень урбанизированности республик Северного Кавказа составляла от 35% до 45%. С точки зрения российских мерок данный показатель следует считать низким, поскольку в большинстве российских регионов указанные цифры были достигнуты уже в 50-х гг.² Кроме того, само население городов республик Северного Кавказа в известном смысле обладает менталитетом сельских жителей. Многие из городских жителей не порвали окончательно связи со своими селениями, возвращаясь туда периодически для проведения свадеб, похорон и других ритуально-коллективистских мероприятий. Кроме того, особенности профессиональной занятости жителей городов, а также их образ жизни и быта едва ли как-то существенно отличается от сельского.

Например, Е.А. Варшавер использует примирительно к населению "спальных" районов города Махачкала понятие «субпролетариат», введенное П. Бурдые, в рамках которого понимаются маргинальные слои

¹ *Авксентьев, В. А.* Экономические и социокультурные детерминанты региональных конфликтов на Юге России // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17–18 мая 2012 г. Т. 1. Доклады. СПб. : СПбГУП, 2012. С. 370–372.

² *Суцкий, С. Я.* Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М. : Ленанд, 2013. 432 с. С. 75.

населения еще не ставшего городским, но уже не являющимся сельским¹. Установки субпролетариата по-прежнему остаются сельскими, однако существенная часть процедур неформального социального контроля, применяемая на селе, в городских условиях уже теряется. Такая маргинальность только усиливает стремление городского субпролетариата вырабатывать элементы групповой идентичности, заменяя идентичность сельской общины на земляческие кланы, либо религиозные джамааты.

Неоднократно мы уже говорили о том, на Северном Кавказе не прекращается отток русского и русскоязычного населения. Однако мы должны указать, что северокавказский регион, войдя в состав российского государства и превратившись в составную часть российского цивилизационного пространства, обрел и некую общую региональную идентичность, которая прежде отсутствовала. В то же время, произошло укрепление межэтнических и межнациональных связей народов Северного Кавказа, в частности – горских кавказских и равнинных тюркских и славянских народов. К примеру, донские, кубанские и терские казаки участвовали в многочисленных военных походах Российской империи, в которых принимали участие и подразделения, укомплектованные представителями горских народов. Связи между народами укреплялись в процессе интеграции северокавказских обществ в российское и советское общество.

Большое влияние на усиление интеграционных процессов в регионе оказало русское присутствие на Северном Кавказе. Однако в конце 1980-х гг. на Северном Кавказе началась активизация националистических и сепаратистских сил, для которых была характерна антироссийская и антирусская линия. Русское население получило негласный статус некоренного, пришлого населения, права которого нарушались и

¹ *Варшавер Е.А.* Тарки-Караман: механизм одного земельного конфликта в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены - № 5 (123) – 2014 – С. 104-114.

ущемлялись. Дальнейшие события на Северном Кавказе, в первую очередь – вооруженные конфликты в Чечне, Северной Осетии и Ингушетии, способствовали значительному сокращению численности русского и русскоязычного населения в регионе.

В целом ряде национальных республик русское население практически исчезло, чему способствовала массовая миграция русских и русскоязычных граждан в другие регионы Российской Федерации. В первую очередь, речь идет о Чечне и Ингушетии, однако отток русского населения наблюдается и в других регионах Северного Кавказа – в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии, даже в ряде районов Ставропольского края.

К числу основных причин сокращения численности русского населения в республиках Северного Кавказа относятся: 1) экономические факторы – отсутствие нормальной работы, невыплаты заработной платы, проигрывание в экономической конкуренции с представителями кавказских народов; 2) политические факторы – политическая нестабильность, рост националистических настроений среди титульных народов, распространение радикального ислама; 3) культурные факторы – снижение качества образования, общий кризис русской культуры в регионе; 4) социальные факторы – неудовлетворительный уровень развития медицинских учреждений, социальной инфраструктуры; 5) криминогенные факторы – терроризм, рост преступности и коррупции.

В силу отсутствия клановых связей, поддержки со стороны общины, русские и русскоязычные жители северокавказских республик оказываются наиболее уязвимой частью населения региона, которая первой страдает от негативных явлений в жизни Северного Кавказа. Следует отметить, что для каждой из республик Северного Кавказа характерен собственный набор факторов, способствующих оттоку русского и русскоязычного населения. Что касается основных направлений

миграции русского населения из северокавказских республик, то основная масса русских жителей региона уезжает в соседние Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, а также в Москву и Санкт-Петербург, Московскую область.

Резкое снижение численности русскоязычного населения, которое проживает в республиках Северного Кавказа, трансформирует структуру и жизненные стратегии городского населения данного региона¹. Уезжающее в центральные или иные регионы России русскоязычное население заменяется в кавказских городах переселенцами из сел. Данные миграционные процессы объективно влияют на воспроизводство архаики в этнокультурных интеракциях. Многонациональная среда городов Кавказа представляла собой единый организм, благодаря скрепам универсалистской и более модернизованной русской культуры, что заметно облегчало межэтническое социокультурное взаимодействие. Однако в связи с оттоком русскоязычного населения и формировании моноэтнической, либо сугубо «кавказской» социокультурной среды в кавказских городах, данное взаимодействия стало существенно осложнено.

Необходимо отметить, что сокращение численности русского населения в регионе способствовало к нарушению интеграционных процессов на Северном Кавказе, которые прежде осуществлялись благодаря постепенному росту численности русского и русскоязычного населения. Русское население Северного Кавказа играло важную роль в культурной и экономической жизни региона, но главной его функцией было содействие ускоренной интеграции северокавказских республик в российское социокультурное пространство. Естественно, что отток русского населения привел к дезинтеграционным процессам и

¹ Поляков Е.М. Политика органов государственной власти России на Северном Кавказе (1990-е – 2000-е гг.). Автореферат дис. ... канд.полит.наук. Воронеж, 2009. С. 14.

способствовал архаизации северокавказских обществ, возобновлению старых межэтнических конфликтов в регионе¹. Следствием оттока русского населения стало и закрепление этнического неравенства в северокавказских республиках, поскольку русские играли скрепляющую роль в межэтнических отношениях региона.

В течение полутора столетий проживания в среде северокавказских народов, русское население активно способствовало социокультурным изменениям в жизни региона. Однако в настоящее время, вследствие оттока русского населения, происходит постепенная архаизация северокавказских обществ, с возрождением трайбализма и актуализацией старых родоплеменных противоречий. Следует также отметить, что отток русского населения крайне негативно отразился на экономической инфраструктуре региона, которая была построена и функционировала во многом именно благодаря русским и русскоязычным специалистам. Изменившиеся социально-политические условия наполняют этническую и клановую принадлежность архаичным содержанием, становящимся основанием важнейших механизмов политических отношений региона Северного Кавказа. Состоялся возврат традиционных адатов как совокупности социальных норм, выступающих основным механизмом регуляции общественных отношений еще в досоветский период исторического развития Северного Кавказа².

Степень ускорения процессов архаизации политической культуры обществ Северного Кавказа прямо пропорционально степени их разобщения с "русским миром": чем больше разрыв, тем сильнее становится архаичность. Не случайно, что в северокавказском регионе

¹ Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. С.242

² Гозгешева, С. М. Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011 - Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 3. С. 293–300.

самыми архаичными стали общества в Дагестане, Чечне и Ингушетии. Особенно это заметно в Чечне, разделившейся сейчас на 165-170 тейпов, отражающих так называемые большие семьи.

Архаизация в какой-то степени даже препятствует исламизации. Так, например, шариат даже в фундаменталистской Чечне так и не смог полностью вытеснить родовое чеченское право. Результатом сочетания этнических и религиозных элементов в Чеченской республике стало формирование двух параллельных систем: этносоциальной и этнорелигиозной¹. Каждая из них регулируется либо адатом, либо шариатом, отражая определенную иерархию, основания которой строятся или на архаичных кровнородственных отношениях, или на религиозных нормах.

Мы можем охарактеризовать архаизацию северокавказских обществ как настоящий вызов российской цивилизации, не сумевшей интегрировать в полном объеме этносы Северного Кавказа. Русские Северного Кавказа оказались вытесненными с ключевых позиций в политической, экономической, культурной жизни региона. При этом потребность в тех функциях, которые выполняли представители русского и русскоязычного населения, сохранилась, однако реализовать ее силами представителей титульных национальностей не представляется возможным². Это оказывает негативное воздействие на уровень развития науки, образования и здравоохранения, культуры, промышленности северокавказских республик, которые вследствие оттока русского населения остались без высококвалифицированных специалистов. Ситуация, сложившаяся в большинстве республик Северного Кавказа,

¹ *Басханова, Л. С.-Э.* Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта / Отв. ред. В. В. Черноус // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 21. Ростов-на-Дону. 2004. С. 63.

² *Денисова Г.С., Радовель М.Р.* Этносоциология.

препятствует привлечению в регион новых специалистов из других регионов России.

В советские годы в северокавказском регионе осуществлялось демонтажное традиционных оснований общественной организации, которая привела, правда, не к утверждению принципов модернизации обществ Северного Кавказа, а к простой модификации социальных регуляторов. Нельзя не отметить, что как раз в советские годы, когда пытались разрушить тейпы и тукхумы, архаические механизмы были заменены клановыми, потенциально способных включать в себя как представителей одной этносоциальной группы, так и разных этнических групп, если такое объединение соответствовало их общим целям и интересам. Клановые оказались более типичными для полиэтнических территорий, прежде всего, в Дагестане.

Однако архаичные порядки стали в некотором роде консервироваться уже в советский период. Это было обусловлено спецификой организации труда в республиках Северного Кавказа. Речь идет о том, что жившие в те годы в большом числе на Кавказе русскоязычные граждане работали в основном в индустриальной сфере, образовании, здравоохранении, проживая, соответственно, в городах. А северокавказские народы в первую очередь занимались сельским хозяйством, торговлей, работали в строительстве или в области автотранспорта. Следовательно, в основном коренные кавказцы жили в сельской местности.

В этом плане очень показательна Чеченская республика, где родовые селения, а не городские поселения, становятся главными центрами политической жизни республики, ибо именно они выполняли функции центров конкретных тейпов чеченского социума. Именно село, содержащее в своей системе все компоненты социальной архаики, в Чеченской республике реализует ведущие функции относительно города. С точки зрения Л. Басхановой, чеченские общества включают в себя

черты, которые присущи традиционному миру: доминирование численности сельских жителей над городскими, переизбыток населения на селе, высокий уровень рождаемости, низкий уровень образованности и недифференцированность социальной структуры общества¹.

Период с 1950-х по конец 1980-х гг. сопровождался крайне масштабными трансформациями в жизни северокавказских обществ. В первую очередь, существенно изменилась социально-демографическая ситуация в регионе, связанная с двумя основными факторами. Во-первых, к 1970-м гг. серьезно замедлились темпы роста численности русского населения региона. Более того, уже в это время начинается постепенное сокращение численности русского населения в таких республиках как Чечено-Ингушская, Дагестанская и Северо-Осетинская АССР. Во-вторых, происходило увеличение численности собственно кавказского населения региона – не столько за счет роста рождаемости, которая всегда оставалась высокой, сколько за счет улучшения медицинского и социального обеспечения населения, что влекло за собой сокращение детской смертности, смертей от болезней в раннем возрасте. Происходило увеличение численности титульных наций в северокавказских республиках, что влекло за собой и укрепление их положения в политической и экономической жизни региона.

Трансформационные процессы происходили и внутри самих северокавказских народов. В частности, постепенно ослабевало влияние традиций и религии на сферу социальных отношений в регионе. Большую роль в социальной модернизации региона играл институт образования, который охватывал все население северокавказских республик. Народы региона постепенно переориентировались с воспроизводства

¹ *Басханова, Л. С.-Э.* Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта / Отв. ред. В. В. Черноус // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 21. Ростов-на-Дону. 2004. С. 63.

традиционного образа жизни на социальную модернизацию. При этом важную роль в рассматриваемых процессах играло как раз русское и русскоязычное население региона. Благодаря социальной модернизации северокавказские общности включились в единый для всего Советского Союза процесс экономической, социальной и социокультурной модернизации, усваивали новые формы социального обустройства. Однако окончательной модернизации северокавказских обществ к концу советского периода отечественной истории все же не произошло. В частности, сохранялось заметное отставание северокавказских обществ по уровню модернизационных преобразований как от других регионов Европейской части РСФСР, так и от русского населения собственно Северного Кавказа.

Следует также отметить, что модернизационные процессы в большей степени охватывали городское население Северного Кавказа, а наиболее подверженными модернизационным изменениям регионами оказались Адыгейская АО, Северная Осетия, Кабардино-Балкария. В отдаленных районах Дагестана, Чечено-Ингушетии модернизационные преобразования осуществлялись крайне медленно, а влияние архаичного компонента в социальной жизни проявлялось наиболее отчетливо. Однако именно процессы модернизации северокавказских обществ в конечном итоге способствовали ренессансу этнической идентичности, формированию националистических движений титульных и нетитульных народов северокавказских республик и областей. При этом, хотя национальное возрождение являлось само по себе следствием модернизационных процессов, но для дальнейшего укрепления этнических идентичностей использовался как раз возврат к традиционным и даже архаичным компонентам жизни северокавказских обществ. Именно традиционные нормы поведения, ценности и установки способствовали сохранению культурной и этнической идентичности северокавказских народов.

Примечательно, что традиционные ценности наложились на советскую ценностную систему, вследствие чего молодые поколения кавказцев были ориентированы на достижение социального успеха в рамках советской системы, на построение карьеры или «зарабатывание денег». То есть, традиционные ценности приобретали новый смысл в современных социальных условиях. В то же время, представители северокавказских народов активно использовали традиции своих этносов как этнический ресурс, позволяющий укреплять свое положение в обществе.

Наиболее очевидными преимуществами этнического ресурса стали в период перестройки в СССР и становления в России рыночной экономики. Именно тогда стали окончательно оформляться структуры этнического бизнеса, в которых именно фактор этничности и традиций играл очень большую роль. В 1990-е гг. «этнический социум» постепенно подчинил себе институты государственного управления в национальных республиках, к власти в которых пришли этнические элиты. Вертикальная социальная мобильность в рамках национальных республик региона оказалась связанной исключительно с этническими факторами, что свидетельствовало о восстановлении традиционных для Северного Кавказа особенностей социально-политической организации. Таким образом, в северокавказских республиках формировалась весьма сложная структура идентичности, основывавшейся на этническом факторе, принадлежности к единому советскому / российскому народу, религиозном факторе.

После того, как распался Советский Союз, северокавказские республики начинают переживать процессы возрастания воздействия альтернативных действующим органам управления. Речь, в первую очередь, идет о структурах родоплеменного и религиозного характера. Сейчас неформальные религиозные и родоплеменные лидеры обладают гораздо большим влиянием в северокавказском регионе, нежели

представители официально действующей властной администрации. Администрация может принимать знаковые управленческие решения лишь после того, как достигнет согласия с религиозными или родоплеменными авторитетами. Именно по этой причине даже федеральный центр, после печального опыта войн в Чечне и мало продуктивной борьбы с терроризмом в Дагестане, также использует практику налаживания консенсуса с традиционными институтами власти, сложившимися в регионе.

Начиная с конца 1980-х гг. Россия взяла курс на экономическую модернизацию, заключающуюся в переходе к рыночной экономике. Параллельно утверждению рыночных принципов в экономической жизни страны происходила и демократизация политической жизни страны. Однако на Северном Кавказе наблюдалась не демократизация политической жизни, а рост этнического национализма, религиозного фундаментализма, утверждение этнократических режимов. Специфика социокультурного развития северокавказских обществ оказала влияние на процесс модернизации региона в 1990-е гг. В частности, в северокавказских обществах существовал достаточно внушительный перечень препятствий, которые мешали полноценной интеграции региона в модернизационный процесс. Так, значительная часть населения региона была представлена сельскими жителями, в наибольшей степени сохраняющими верность традиционным устоям своих этнических групп. С другой стороны, в городах проживало русское и русскоязычное население, а также представители титульных наций, подвергшиеся сильному русскому влиянию и значительно модернизовавшие свои систему ценностей и поведенческих установок, образ жизни, культурные ориентации. Таким образом, возникали естественные противоречия между интеллигенцией и городским населением с одной стороны, сельским населением – с другой стороны.

Латентность архаических компонентов в социокультурной сфере северокавказских обществ проявилась вследствие начала в Российской Федерации радикальных политических и экономических реформ. В кратчайшие сроки северокавказскими обществами была отторгнута советская идентичность, утверждались новые формы этнической идентичности, приобретающие антироссийский характер. Кризис государственности в России в начале 1990-х гг. повлек за собой «парад суверенитетов», следствием которого стало наделение национальных республик Северного Кавказа большим количеством политических и экономических прав и привилегий. Однако пришедшие к власти в республиках Северного Кавказа этнократические режимы фактически способствовали не модернизации, а архаизации региона. Было нарушено социально-политическое взаимодействие федерального центра и республик, что проявлялось в фактическом отторжении республиканских властей от федеральной власти. Можно сказать, что в 1990-е гг. северокавказские республики превратились в полунезависимые квазигосударственные образования, которые имели экономическую подпитку из федерального центра, но на территории которых в меньшей степени действовали федеральные законы.

Взаимное дистанцирование федерального центра и республиканских властей было вызвано и идеологической несовместимостью либеральной идеологии федеральных властей в 1990-е гг. и традиционалистским вектором развития северокавказских обществ. На Северном Кавказе, в условиях системного кризиса российской государственности, значительно возросла потребность в этнической идентификации, укрепился авторитет традиционных институтов социальной организации, религиозно-политических структур.

Одновременно с ростом этнической и этноконфессиональной идентификации происходило и отвержение российской идентичности,

значительная часть северокавказского населения переставала отождествлять себя с российским государством и рассматривала свои республики как колонии, которые рано или поздно добьются национальной независимости. Происходила делегитимация государственной власти в северокавказских обществах, что способствовало росту политической напряженности и радикализации населения северокавказских республик. Государство рассматривалось уже не как институт, защищающий народ, а как институт, предназначенный для защиты конкретных корыстных интересов узких элитных прослоек. Все перечисленные факторы сыграли крайне негативную роль именно в северокавказских республиках, в наибольшей степени подверженных процессам традиционализации и архаизации социального и политического бытия¹.

Архаизация управленческих процессов на Северном Кавказе была обусловлена не только внутренними проблемами развития данного региона, но и из-за идеологического вакуума, сложившегося в российском обществе после распада СССР и разрушения социально-экономической инфраструктуры республик Северного Кавказа. Выезд русских объективно привел к понижению уровня предоставления образовательных и медицинских услуг, стал причиной деиндустриализации республик Северного Кавказа, обусловил маргинализацию большой части жителей региона. Вот почему образованный идеологический вакуум постепенно заполнился как местными религиозными проповедниками, так и теми, кто прибывал из Турции, Саудовской Аравии и ряда других стран Ближнего Востока.

Для современных северокавказских обществ широко распространенной тенденцией является криминализация молодежной

¹ Северный Кавказ в историческом пространстве и времени. Доклад программной группы по развитию кавказоведческих исследований в КБГУ / Под рук. Б.С. Карамурзова. Нальчик, 2013. С. 22-23.

среды, восприятие криминальных установок и обычаев как вполне нормального компонента социальной жизни и менталитета северокавказских народов. В условиях изоляции от традиционных социальных институтов, осуществляющих неформальный социальный контроль за поведением представителей этносов, племен и кланов, северокавказская молодежь перестает следовать неформальным правилам и нормам поведения, прежде типичным для северокавказских народов.

Межнациональные отношения в регионе также оказались под сильнейшим влиянием архаизации политической культуры. Прежде всего, в последние годы Северный Кавказ стал ареной активизации этнонационалистических и этнорелигиозных настроений. Советской идентичности больше не стало, а российская гражданская идентичность в значительной степени оказалась для населения чужеродной. К этому нужно добавить иностранную пропаганду, традиционно сильную на Северном Кавказе с учетом непростых отношений населения с центральной российской властью. Кроме того, архаизация форм политической культуры неизбежно обусловила протекание социальных конфликтов, которые были объективно обусловлены демографическими либо экономическими проблемами, в форме этнического противостояния. Связано это было с отсутствием иных форм идентичностей, кроме этнической или религиозной.

По мнению С.Ю. Земляковой нужно вести речь о том, что России, ее политической стабильности, действительно угрожают формирующиеся в регионе этнократические режимы. Россия должна активно противодействовать этнократическим тенденциям в регионе Северного Кавказа, невзирая даже на то, что «подобные действия могут привести к временной активизации террористических и экстремистских элементов»¹.

¹ *Землякова С.Ю.* Идеология этноэтатизма на Северном Кавказе. Автореферат дис. ... канд.соц.наук. Ростов-на-Дону, 2012. С. 12.

Того же мнения придерживается и А.А. Саидов, отмечавший, что «руководитель, помимо своей воли, вынужден встраиваться в объективные, традиционные, бытовые, очень живучие, земляческие, джамаатские, тейповые, этноклановые и т.д. структуры, процессы и отношения, объективно организующие жизнедеятельность общества. Формирование руководства, политической элиты, распределение должностей в регионе происходит по данным законам»¹.

Акцент необходимо сделать на том, что клановость властных структур на Северном Кавказе только усугубляет состояния этносоциального неравноправия. Это ведет к провоцированию дальнейших конфликтных ситуаций, объективно способствуя тому, что религиозно-экстремистские взгляды получают широкое распространение. Важнейшая опасность состоит в том, что исламский радикализм уже рассматривается молодежью Северного Кавказа в качестве единственного инструмента, посредством которого выстраивается надэтническая идентичность. Это связывается и с борьбой с клановыми характеристиками власти, и с другими архаическими элементами политических систем региона. По мнению Е.В. Рябченко, в течении последних лет возраст участников экстремистских групп становится всё моложе. Это указывает на то, что существуют вполне организованные силы, борющиеся за умы северокавказской молодежи². В то же время, надо понимать, что вхождение молодежи в экстремистские организации изначально было обусловлено из-за того, что разрушилась система светского образования, а престиж традиционного образования, особенно религиозного, наоборот,

¹ *Сиражудинова С.В., Саидов А.А., Алигаджиева М.А.* Ожидания Дагестана: социально-политические трансформации и элиты: Монография. Под ред. А.-Н.З. Дибирова и С.В. Сиражудиновой. Москва. Изд-во «Перо», 2014 – 196 с.

² *Рябченко Е.В.* Идеология экстремизма как средство социального управления // Общество и право – 2015 - № 1 (51) – С. 305-308.

повысился. Не в последнюю очередь это, опять же, отражает процессы архаизации общественной жизни, в том числе в политической сфере.

Мы по-прежнему настаиваем на своей основной идее, в соответствии с которой преодоление этим процессам возможно только через механизмы модернизации. Эта задача по плечу только централизованной российской власти, которая должна выступить в качестве ведущего актора преобразований на Северном Кавказе¹.

Заключая данный параграф, мы можем сказать, что обществам Северного Кавказа на данном этапе развития свойственны состояния архаичности политических отношений. В числе причин такого состояния следует указать на такие комплексы: 1) проблемы демографические (высокая рождаемость, низкая урбанизированность), 2) проблемы экономические (доминирование агропромышленного сектора над индустриальным, а также наличие безработицы), 3) проблемы этнополитические (выезд русскоязычного населения, межнациональные конфликты), 4) проблемы идеологические (возникший в постсоветский период ценностный и идейный вакуум).

Из сказанного в настоящей главе можно сделать главный вывод:

Деиндустриализации региона с преобладанием агропромышленного сектора на фоне оттока русскоязычных носителей общегражданской идентичности способствовала возрождению родоплеменных традиций и архаических форм управления, нарастанию политического влияния этнорегиональных элит. Соответственно социально-политическое решение проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе должно включать государственные меры по модернизации региона, укреплению общегражданской идентичности.

¹ *Боров А.Х., Муратова Е.Г.* Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // *Общественные науки и современность* – 2011 - № 4 – С. 157-166.

**Глава 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН:
АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ БАЗОВЫХ МОДЕЛЕЙ**

Настоящая глава диссертации является центральной в смысловом отношении, поскольку посвящена конкретному анализу моделирования межнациональных отношений в Республике Дагестан (РД) на основе применения концепции базовых моделей. В ней автор обращается к особенностям применения различных моделей управления межнациональными отношениями в Республике Дагестан. Но прежде следует реконструировать особенности межнациональных отношений, проявившиеся в последние несколько лет и вызвавшие необходимость экстренных мер по их стабилизации.

Характеризуя общий фон межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике, нужно подчеркнуть значительную плотность институциональных сетей, поддерживающих эти отношения. На трехмиллионное население Республики приходится свыше 2 тысяч мечетей. По данным Комитета по свободе слова, взаимодействию с религиозными организациями Республики Дагестан, в Республике функционируют 2537 религиозных организаций, абсолютно преобладают суннитские объединения. Ежегодно в хадж (паломничество мусульман по святым местам в Саудовской Аравии) отправляются около 8-9 тысяч мусульман-дагестанцев, что составляет почти половину из всех выделяемых для мусульман России квот. Основная линия конфронтации в Дагестане проходит внутри суннитского течения между представителями ставшего для дагестанцев традиционным суфизма и салафизма, крайние формы которого в Республике Дагестан принято называть ваххабизмом, который в Республике был объявлен вне закона. Существует конфликтная

ситуация вокруг «салафистских» мечетей, которые рассматриваются жителями Республики Дагестан и местными властями как рассадник экстремистских идей и место рекрутирования потенциальных боевиков для террористических группировок. На начало 2016 г. по оценкам на стороне боевиков в Сирии воевало около 900 уроженцев Дагестана¹.

Для эволюции и регулирования межнациональных отношений наиболее существенную роль играет система «национального квотирования» политико-административного представительства основных национальных общностей («кланов») Республики Дагестан. Хотя эта система подвергается в последние 10-15 лет существенной эрозии, связанной с развитием экономических и политических интересов, тем не менее/ если на «клан» не предпринимается массированная атака, сопровождаемая возбуждением уголовных дел, то его лидер, теряя одну должность, с большой вероятностью получает другую. Однозначно, помогая сохранять определенную устойчивость межнациональных отношений через баланс лидерско-элитного «кланового» представительства, «клановая» структура элиты мешает политической конкуренции и ротации.

Важнейшим фактором современной обстановки в Республике Дагестан выступает серьезная социальная нестабильность, обусловленная низким уровнем жизни в массовом слое, повышенным уровнем социальной несправедливости: «За год в Дагестане проходит несколько десятков митингов, демонстраций, пикетов, о которых не говорят центральные СМИ и которые не считают никакие социологи. Причины самые разные – от самоуправства властей до беспредела силовиков»².

¹ Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. С. 145.

² Джанашия В., Скоробогатый П. Это не показательная порка // Эксперт. 2018. № 7. С. 62.

Весьма показательны данные недавнего опроса жителей более 10 городов и районов Республики Дагестан по репрезентативной выборке по изучению факторов, стимулирующих межнациональную напряженность (2016 г.)¹ (табл. 4).

Таков общий контекст, в рамках которого рассматривается функционирование базовых моделей управления межнациональными отношениями.

В параграфе 3.1. основное внимание уделяется анализу тех факторов, сложившихся в современном Дагестане, которые создают риск развития межнациональных отношений в республике по конкурентной модели.

Параграф 3.2. посвящен выявлению и рассмотрению элементов патронажной модели с обоснованием того, что именно эти элементы являются системообразующей доминантой формирования структуры межнациональных отношений в республике Дагестан в настоящее время.

В параграфе 3.3. исследуются возможные перспективы развития межнациональных отношений в республике по партнерской модели и обосновывается необходимость этого с точки зрения требований модернизации политического процесса.

¹ Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. С. 257.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «С какими негативными явлениями в отношениях между представителями дагестанских народов Вам приходилось сталкиваться?» (варианты ответов даны по группам национальностей, в % от общего количества опрошенных)

Национальность	Авар-цы	Дар-гинцы	Кумы-ки	Лакцы	Лезги-ны	Русские	Чечен-цы	Другие	Всего
Вариант ответа									
Недружелюбие, неприязненное отношение к представителям других народов	25,3	10,5	32,8	20,8	24,8	31,6	34,1	18,8	24,7
Назначение на престижные посты по национальному признаку	34,4	35,0	34,5	47,2	36,4	26,3	31,8	62,5	35,9
Агрессивные действия со стороны молодежи на национальной почве	11,3	14,0	21,6	15,3	10,1	15,8	15,5	18,8	14,2
Агрессивные действия со стороны молодежи на религиозной почве	12,7	9,1	6,9	23,6	17,8	15,8	3,9	25,0	12,0
Оскорбление по признаку национальной принадлежности	10,0	9,1	6,0	2,8	6,2	21,1	8,5	12,5	8,2
Оскорбление по признаку религиозной принадлежности	10,4	4,2	3,4	2,8	9,3	10,5	8,5	12,5	7,3
Не сталкивался	19,0	46,9	12,1	22,2	25,6	26,3	19,4	31,3	24,5

3.1. Факторы развития межэтнических отношений в Республике Дагестан по конкурентной модели

В современной политологической литературе накоплен достаточно большой опыт научно-теоретического осмысления проблем формирования и развития межэтнических отношений. Особое место в исследовании специфики межэтнических отношений занимает изучение причин и особенностей протекания, а также способов урегулирования межэтнической конкуренции и конфликтов. Следует отметить, что сецессионные движения в современном мире развиваются по схеме этнополитического конфликта. Во-первых, происходит возрождение этнической идентичности и связанная с ним актуализация этнического самосознания. Во-вторых, вслед за процессами этнической идентичности формируется и укрепляется политическая партия или движение, ориентированное на утверждение и достижение сепаратистских идей. Наконец, сепаратистские утверждения переводятся на уровень психологической установки, то есть – подкрепляются эмоциональным фактором.

Государственные институты реагируют на возникновение угрозы сепаратизма в зависимости от текущей внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации. В условиях демократических политических режимов первое время может наблюдаться полное отсутствие реакции государственных институтов на заявления сепаратистов, что связано с нежеланием государства подтверждать статус сепаратистских движений посредством признания их серьезным и заслуживающим внимания собеседником. В авторитарных и тоталитарных режимах, впрочем, с первых дней существования могут начаться репрессии против сепаратистских движений. Далее в демократическом государстве может наблюдаться реакция на требования сепаратистов в

форме введения мер по улучшению социально-экономического и социокультурного положения в проблемных регионах, поскольку власти государства рассматривают сепаратистские тенденции как следствие определенного социального неблагополучия. При этом государство игнорирует такой важный для людей фактор, как стремление к этнокультурному самоопределению. Однако после того, как социальными мерами оказывается невозможно решить проблемы сепаратизма, государство переходит к использованию силовых методов против сепаратистских движений. Далее сепаратистское движение может быть подавлено силовыми методами, а может продолжать существовать и набирать силу, что в конечном итоге убедит государство в бессмысленности использования силовых и репрессивных методов и необходимости перехода к стратегии переговоров, то есть – к реализации партнерской модели решения межнациональных и межэтнических противоречий.

Относительно межэтнических конфликтов внутри государства, вызванных территориальными спорами, следует заметить, что они, как правило, возникают при наличии острого дефицита свободных земельных площадей, в особенности – сельскохозяйственных земель. Если говорить о ситуации в современной России, то наибольший земельный дефицит наблюдается в республиках Северного Кавказа, где он вызван особенностями ландшафта и перенаселенностью территорий. Кроме того, дефицит земель был вызван и непродуманной политикой расселения народов региона, проводившейся в годы депортации целого ряда кавказских народов – чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев.

Наиболее сложная ситуация наблюдается в Республике Дагестан, где земельные споры традиционно являются источником межэтнических противоречий. В последнее время земельные конфликты характерны и для ряда районов Ставропольского края, куда происходит миграция

представителей горных народов Дагестана, вытесняющих местное «старожильческое» население – русских, казаков, ногайцев. Еще одна проблема – наличие разделенных народов. Так, лезгинский народ оказывается разделенным между Российской Федерацией и Азербайджаном, при этом азербайджанские лезгины тяготеют к российским, а лезгинское национальное движение настаивает на создании отдельной автономии Лезгистана. Тем более, что лезгины – один из наиболее древних и культурных народов Дагестана, обладавших собственной исторической государственностью.

Однако наиболее серьезной территориальной проблемой, принявшей формы этнополитического конфликта, является не лезгинский сепаратизм, а взаимные претензии чеченцев-аккинцев и лакцев в Новолакском районе Республики Дагестан, о которых мы уже вкратце упоминали выше. Как известно, чеченцы были депортированы в годы Великой Отечественной войны, после чего территория их обитания в Дагестане была передана лакцам. Еще один серьезный конфликт – проблема ногайцев, проживающих в четырех регионах Северного Кавказа и являющихся типичным разделенным народом, лишенным собственной национальной автономии. Наконец, следует обратить внимание и на недавно появившуюся «губденскую проблему». Губденцы требуют выделить из состава Карабудахкентского района новый Губденский район. Таким образом, в современном Дагестане можно выделить несколько основных и целый ряд второстепенных этнополитических конфликтов, которые, тем не менее, обладают потенциальной опасностью обострения обстановки в республике.

В течение 1990-х – 2000-х гг. на территории Республики Дагестан имели место следующие этнополитические конфликты:

- 1) Противостояние аварского и чеченского населения в селении Ленин-аул;

- 2) Противостояние даргинского и кумыкского населения в селении Костек на почве возникшего в земельной сфере конфликта;
- 3) Массовые выступления кумыкского населения в Хасавюрте и Махачкале;
- 4) Лезгино-азербайджанское противостояние в г. Дербент;
- 5) Противостояние казачьего и дагестанского населения в г. Кизляре, имевшее место в первой половине 1990-х гг.;
- 6) Массовые волнения среди аварского населения г. Кизилюрта в 1992 г.;
- 7) Лакско-кумыкское противостояние в Караман-Тюбе, ставшее реакцией кумыкского населения на переселение жителей Новолакского района в Буйнакский и Кизилюртовский районы, с присвоением новому району проживания лакцев названия «Новолакский район». Сельскохозяйственные земли, прежде принадлежавшие кумыкскому населению, были переданы в пользование горным колхозам Дагестана¹.

Этнотерриториальные конфликты на территории Российской Федерации, в том числе и Республики Дагестан, тесно связаны со спецификой этносоциальной стратификации местных обществ. Важную роль в формировании этносоциальной стратификации играет деятельность этнических интеллигенций. Именно интеллектуальная часть этнических групп Северного Кавказа склонна к постановке национального вопроса, в том числе и в Дагестане, где прежде не поднимались вопросы национального характера. Как отмечает Р.М. Магомедов, «национальность как ведущая форма общности людей, растущее этническое самосознание, проблемы правосубъектности этноса – все это у нас имеет неглубокие

¹ Агаев А. Г., Магомедов Р.М. Дагестанское единство: история и современность. Махачкала. 1995 - С.134.

корни, не далее 20-30-х годов».¹ По мнению Э. Кисриева, несмотря на то, что в XIX веке дагестанские этносы были более отчетливо выражены, чем в настоящее время, этнические вопросы в Дагестане не поднимались и не превращались в идеологические установки.

В советский период отечественной истории вопросам этнической политики практически не уделялось внимание, поскольку, в соответствии с господствующей идеологией, в Советском Союзе формировалась единая общность – советский народ. Этнические различия должны были отойти на второй план, а конфессиональные – вообще исчезнуть вследствие атеизации советского общества. Что касается этнических иерархий, то они в советском обществе отсутствовали, за исключением различий в политико-юридическом статусе отдельных народов – были народы союзных республик, автономных республик, автономных округов и областей, наконец – народы, не имевшие автономий в Советском Союзе. Все они, тем не менее, уравнивались на горизонтальном уровне, а вышестоящей общностью объявлялся советский народ. Однако, как оказалось, в действительности разрушить этнические идентичности в северокавказских республиках и автономных областях советскому режиму оказалось не под силу. Несмотря на десятилетия советской власти, в считанные годы на Северном Кавказе произошло мощнейшее возрождение этнических идентичностей, сопровождавшееся возвращением к традиционным обычаям, ценностям, повышением конфессионального фактора в жизни северокавказских обществ. Возрождению этнической идентичности сопутствовали и общие политические и экономические процессы в постсоветском российском обществе, происходившие в начале 1990-х годов.

¹ Дагестан: этнополитический портрет. Очерки. Документы. Хроника. Этнополитические организации и объединения. М., 1993. Т. III. С. 51.

В процессе политической модернизации российского общества в 1990-е гг., в России реализовывались мероприятия по формированию новой политической элиты страны. В первую очередь, было необходимо найти новые модели рекрутирования политических элит. Применявшейся в советский период отечественной истории номенклатурной модели искали альтернативу, в том числе – выдвижение в политическую элиту из бизнес-среды. На региональном уровне отказ от номенклатурного принципа заключался в необходимости поиска нового ресурса власти, что и привело к обращению ряда региональных элит в национальных республиках Российской Федерации к эксплуатации идеи суверенизации и искусственному возрождению этнической идентичности¹.

Французский социолог и политолог Пьер Бурдьё, обращаясь к исследованию мобилизационных механизмов, используемых элитой для обретения поддержки различных слоев населения, подчеркивал, что формирование каких-либо политических групп должно осуществляться посредством опоры на существующую социальную реальность². Учитывая, что в начале 1990-х гг. процесс классовообразования в российском обществе только начинался и социально-классовая структура была развита крайне слабо, политики национальных республик были вынуждены обращаться в качестве мобилизационного ресурса к фактору этничности. Таким образом, этнический фактор вышел на первое место в организации взаимоотношений национальных республик с федеральным центром, соседними регионами и, собственно, внутри самих республик. Обращение к проблематике этничности повлекло за собой и переосмысление социальных статусов этнических групп. Политическая борьба на Северном Кавказе в постсоветский период, во многом, является борьбой за

¹ Гаман-Голутвина О.М. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 1998. С.346.

² Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть.// Бурдьё П. Начала. М., 1994. С.191..

изменение существующих социальных статусов определенных этнических групп. Именно этносоциальное неравенство и соперничество за повышение статуса лежат в основе многих этнополитических конфликтов на современном Северном Кавказе.

Как отмечает В.А. Авксентьев, формирование этнополитического конфликта происходит в условиях возникновения претензий той этнической группы, социальный статус которой характеризуется тенденцией к повышению, на увеличение роли в политической жизни республики. В ответ, доминирующая этническая группа стремится воспрепятствовать возвышению соперничающего этноса и создает для проникновения последнего во власть определенные препятствия.¹ При этом находящиеся у власти элиты, в зависимости от типов политического устройства, используют различные инструменты для управления политической ситуацией. В частности, в демократических государствах титульная нация прибегает к следующим основным регулятивным механизмам: требование знания государственного языка, совпадающего с языком титульной нации; требование проживания на определенной территории в течение конкретного количества времени и так далее. Также в демократических государствах используется и принцип «права большинства». Титульная нация, составляющая большинство населения, естественно может блокировать волеизъявление меньшинства в условиях обычного демократического голосования.

Таким образом, демократический режим обеспечивает реализацию интересов титульной нации, которая пользуется правом большинства и добивается полного или частичного политического доминирования в органах власти и управления национальной республики. Для большинства республик Северного Кавказа характерны конфликты этностатусного характера, которым присуще противостояние этнических меньшинств

¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология. Ч. 2. С. 112.

абсолютному доминированию титульной этнической общности. Разрешение такого конфликта представляется возможным посредством формирования этнической государственности. Однако, существует и весьма сложный тип этнополитических конфликтов, который характеризуется исследователями как многосоставной, то есть – характерный для многосоставных республик, в которых нет четко выраженного этнического большинства. К таким республикам относятся на Северном Кавказе Дагестан и Карачаево-Черкессия. Понятие «многосоставного общества» было популяризовано в политологическом дискурсе еще во второй половине XX века американскими исследователями М. Смитом, Дж. С. Фернивалом и Г. Экштейном. В российской политической науке проблемы многосоставных обществ рассматривались на основе работ Д.Л. Горовица и переводного исследования американского политолога А. Лейпхарта¹.

По мнению А. Лейпхарта, многосоставным обществом следует называть общество, в котором очевидна разделенность на основе этнической, лингвистической, конфессиональной, идеологической составляющей. Политические партии в многосоставном обществе формируются, в первую очередь, на основе существующих составных элементов общества – также по религиозному, этническому и прочим признакам. В подобных обществах представляется практически невозможным утверждение демократического политического режима, так как демократия предполагает определенную однородность общества. Естественно, что в условиях многосоставных обществ данная однородность отсутствует, что влечет за собой множество проблем и противоречий, связанных с попытками утверждения в многосоставном обществе демократических принципов управления.

¹ *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997.

Республика Дагестан, которую мы рассматриваем в настоящей работе, является наиболее полиэтничным регионом Российской Федерации¹. В Дагестане проживает 14 титульных народов, чьи языки признаны в республике государственными. Это: аварцы – 29,4% населения Дагестан, агулы – 0,9%, азербайджанцы – 4,3%, даргинцы 16,5%, кумыки 14,2%, лакцы – 5,4%, лезгины – 13,1%, таты – 0,004%, табасаранцы – 4,3%, ногайцы – 1,6%, рутульцы – 0,9%, русские – 4,7%, цахуры – 0,3%, чеченцы – 3,4%. Однако в действительности, в Дагестане проживает не 14, а гораздо большее количество коренных народов – не менее 30. Далеко не все из них имеют признание на государственном уровне. Столь же сложна и конфессиональная мозаика республики. В Дагестане 95% верующих исповедуют ислам, 5% - христианство, менее 1% - иудаизм. Этноконфессиональное разделение республики усугубляется наличием географических зон, которые до недавнего времени практически соответствовали специфике расселения дагестанских этносов. Территория Дагестана включает три зоны: горную (39,9% территории республики), предгорную (15,8% территории республики) и равнинную, или плоскостную (43,3% территории республики). Равнинные территории Северного Дагестана заселены тюркоязычными кумыками и ногайцами, русскими и казаками. Однако в последние десятилетия наблюдается массовое проникновение в Равнинный Дагестан представителей тех народов, которые длительное время проживали в предгорной и горной частях Дагестана. Это не может не приводить к формированию условий для этнополитического конфликта, а иногда и проявляется в форме противостояния «равнинных» и «горных» этносов.

Этноконфессиональные отношения всегда играли важнейшую роль в социально-политических отношениях в Дагестане. В течение советского

¹ Приведено по: *Ярлыкапов А.А.* Современный Дагестан: актуальные этнополитические и этноконфессиональные проблемы // Социодинамика. Электронный журнал.

периода отечественной истории происходила консолидация населения республики, формировалась дагестанская надэтническая идентичность. Однако в настоящее время дагестанская надэтническая идентичность скорее характерна при внешних контактах дагестанцев с другими народами, внутри республики существует вполне четкая этническая самоидентификация. Этническая идентичность для дагестанского населения выступает в качестве одного из важнейших факторов, играя ключевую роль в политической конкуренции в современном Дагестане. Тем не менее, следует отметить, что большинство этнополитических ситуаций этнополитической конкуренции и конфликтов в Дагестане имеют все же экономическую природу.

Согласимся с мнением, что подоплекой любого этнонационального конфликта является ситуация перераспределения и борьбы за политико-экономические ресурсы¹. Однако, фактором консолидации всего дагестанского общества этническая идентичность быть не может – в первую очередь, по причине того, что в республике отсутствует какая-либо одна доминирующая этническая общность. Что касается менее многочисленных этносов Дагестана, то они консолидируют усилия, противостоя более многочисленным и доминирующим в политической жизни республики этносам. Для поддержания относительного мира и стабильности в межэтнических взаимоотношениях в Дагестане существует система соответствующих квот на замещение должностей в органах власти и управления, сформировавшаяся еще в советское время.

Сфера управления является наиболее заметной областью социальной жизнедеятельности дагестанского общества, где проявляется важность этнического фактора. В меньшей степени, но также значительную роль, этнический фактор играет в сфере бизнеса. Этничность становится тем

¹ *Ярлыкапов А.А.* Современный Дагестан: актуальные этнополитические и этноконфессиональные проблемы – [Электронный ресурс] – Режим доступа: - // http://e-notabene.ru/pr/article_257.html

ресурсом, благодаря которому отдельные лица и группы достигают успеха в экономической сфере. Наиболее четко этнический фактор выражен в сфере теневой экономики дагестанского общества. Важную роль в межэтнических отношениях в Дагестане имеет также и фактор наличия опыта совместного проживания в рамках единой институциональной системы в советский период отечественной истории. Именно в советский период формировался опыт дагестанской автономной государственности, основанной на принципах этнического паритета сторон.

На пути к демократическим преобразованиям в течение постсоветского периода Дагестан столкнулся с многообразием конфликтных ситуаций, обладавших этнической и религиозной природой, во многом детерминированных одним из важнейших политико-социальных и культурных событий конца двадцатого столетия - распадом СССР. Ситуация осложняется тем, что Дагестан является самой многонациональной республикой. «Здесь очевидной проблемой национальной политики является согласие коренных народов в части их притязаний на представленность во власти, в управленческих кругах, на допуск к собственности, к престижным сферам социальной и экономической жизни»¹. На базе общего политического кризиса в Дагестане возникли острые и по сей день актуальные проблемы - кумыки стали этническим меньшинством дагестанской равнины вследствие переселенческих процессов и массового притока горцев на равнинные земли; лезгины и другие дагестанские народы были разделены в результате установления российско-азербайджанской границы; дагестанские чеченцы, подвергшиеся репрессиям, потребовали от властей принятия решения о восстановлении Ауховского района Дагестана; ногайцы, которые были разделены путем установления административных границ между

¹ *Аствацатурова М.А.* Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства) – Монография. – М.: Московское бюро по правам человека. 2011. С. 100.

Дагестаном, Ставрополем и Чечней, пожелали интегрироваться и создать в своем лице одно административно-территориальное образование.

Указанные проблемы относятся к этнополитическим проблемам, поскольку касаются отношений, возникающих на уровне взаимодействия субъектов федерации и даже отношений межгосударственного уровня. Существенная роль в их постановке с заостренно территориальным акцентом принадлежит субъектам этнической активистской деятельности и политикам, которым взамен выражения ориентаций на осложнение ситуации следовало бы обратиться к разработке методов эффективного менеджмента, разрешить давнюю и запущенную проблему равноправного доступа к ресурсам и их открытости, добиться пропорционального и справедливо распределенного представительства во властных структурах и межгосударственных договоренностях. Подобные преобразования не могут быть достигнуты и даже начаты посредством очередных переселенческих процессов или изменений административных границ в пределах единого государственного образования. Даже сейчас, когда проблема Северного Кавказа в РФ уже не имеет характерного для нее в 90-е гг. критического состояния, уровень напряженности и конфликтогенности территориального вопроса межэтнических отношений в Дагестане очень высок.

Ваххабитские анклавные стали опасной точкой конкуренции юрисдикций федерального и местного уровня – они появились в 90-е гг. на горных и предгорных территориях Дагестана, в правовом поле которых не в полной мере действовало российское право, не функционировала федеральная власть. Упрочнение и отдаление от российского культурно-правового поля ваххабитских анклавов возростало, но только до начала конфликта с боевиками, вторгнувшимися на территорию Дагестана из близлежащей Чечни летом 1999 г. Это событие детерминировало процесс народной интеграции многонационального дагестанской общности в

направлении к поддержке со стороны российской армии в борьбе с не только с внешним врагом, но и внутренним. Внутренние деструктивные силы заставляли сомневаться в наличии легитимного политико-правового властного режима, подрывали авторитет и искажали истинное лицо исламской традиции, формировавшейся в Дагестане в течение многих столетий.

Однако в настоящий момент Чечня создает впечатление развивающегося, перспективного, устойчивого региона, что свидетельствует о серьезной трансформации прежней ситуации, тогда как Дагестан, напротив, стал обладателем неформального статуса самого проблемного субъекта Северного Кавказа. Тематика исследований вокруг политической ситуации Дагестана содержит в себе в основном проблему этнополитического конфликта и проблему внутриконфессионального общественного раскола.

Обсуждение проблемы этнополитического конфликта (первый научный дискурс) началось с момента распада Советского Союза. Взгляды исследователей на обусловленность и следственно-причинный детерминизм проблемы постоянно менялись, что подтверждается высоким уровнем динамичности понятийного аппарата, терминологии дискурса. Например, сначала исследования препарировали понятиями *сепаратизма, национализма, терроризма, национального самоопределения, межнациональных конфликтов, этнотерриториальных конфликтов, национального самосознания*. Но со временем для научного дискурса утратила остро актуальное значение категория сепаратизма, в рамках дискурса исчезло обширное использование понятия межнационального конфликта. Стало очевидно, что в отношении Дагестана не имеют значимых оснований опасения по поводу серьезных межнациональных конфликтов, тем более, особого потенциала сепаратистских настроений,

хотя проблемы, касающиеся интересов и прав отдельных народов или их частей, все же имеются.

Сосредоточение второго дискурса, возникшего в последнем десятилетии XX в., происходит вокруг проблем этнической территории и земли, и внутри этого дискурса взгляды исследователей поляризуются. По мнению одних, этническая земля – нечто вроде социального конструкта, абстракции, которую этническое предпринимательство использует в целях увеличения политического капитала. Следовательно, земля носит характер объекта манипуляции и денежных вложений, средства накопления, производственного фактора и только. Другие полагают, что этническая земля – необходимый компонент среды обитания, этнической экзистенции. В основном такая дихотомия позиций объясняется этнической принадлежностью самих исследователей. Представители равнинной общности защищают идею этнической земли, горцы видят земли Дагестана общим достоянием дагестанского народа. Жители равнин обвиняют переселенцев с гор в том, что земля предстает для последних объектом территориальной собственности, полученной в результате присвоения или приобретения, а не потенциально агроресурсным фактором развития. Есть мнения, выражающие компромиссное отношение к проблеме, например, путем признания общинных земель. Общинные земли принадлежат определенным сельским обществам, но не являются этническими в целом. Восприятие этих земель как этнических можно объяснить моноэтничностью исторического расселения в Дагестане.

В любом случае необходимо признать, что политизация земельных проблем детерминируется этнической основой не только в Дагестане. Такая политизация характерна для всего Северного Кавказа в регионах с этноконтактным положением. Анализ этнополитического контакта и политизации земли проводится в работах А. Адиева, К. Казенина, Д. Соколова, И. Стародубровской.

В монографии А. Адиева «Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане» утверждается, что политический генезис земельных разногласий на базе полиэтничности в определенной степени дестабилизирует ситуацию в Дагестане¹. Этническая организованно-групповая деятельность не ограничивается конфликтами локального действия, в рамках которых стремится защищать сферу интересов только своей групповой общности. Деятельность проводится под эгидой всей этнической группы, сопровождаясь политическими требованиями, связанными с повышением статусной позиции этнической группы и ее ареала. Такое положение оказывает губительное воздействие на многонациональное дагестанское общество, в связи с чем А. Адиев предлагает предпринять соответствующие меры для воспрепятствования трансформации земельных споров в особый тип локальных межэтнических конфликтов, а последних – в серьезные этнополитические противостояния.

В рамках сложившейся ситуации субъекты политического противодействия пользуются этничностью как политическим ресурсом, вовлекая в свое пространство неэлитный слой населения. Так происходит переход политических конфликтов из плоскости интересов определенной группы лиц в ценностную плоскость актуализированно-массовой этничности. При этом, по мнению А. Адиева, у этнополитической паритетной традиции Дагестана отсутствует формальная и правовая база. На уровне федерального законодательства не учитывается уникальный характер этнического состава, но руководство Дагестана пытается сохранить пропорциональность этнического представительства, поскольку понимает, что ее отсутствие может стать фактором нелегитимности парламента. Однако принцип пропорционального представительства не гарантирует полноценную защиту этнополитических интересов малых

¹ Адиев А.З. Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. - Ростов-на-Дону, 2011.

дагестанских народов и отражает ситуацию их несопоставимости с более крупными. Этот факт свидетельствует о неполной состоятельности теории общественной демократии в рамках многосоставного общества. Автор приходит к выводу, что для согласования этнических интересов и достижения консенсуса необходим сотрунический тип взаимодействия элит в сегментах наиболее значимых общественных сфер, отмечая, что в Дагестане нет крупной идеологической коалиции, а основные политические акторы ориентированы на режим жесткой конкуренции. К условиям функционирования общественной демократии в Дагестане А. Адиев относит большую коалицию элит, автономию общественных сегментов, пропорциональность представительства, право вето.

Анализируя природу земельных конфликтов, автор отмечает деструктивное функционирование местной власти, переселенческую специфику малых дагестанских народов, проблемы республиканского и федерального взаимодействия в урегулировании конфликтов, констатирует наличие в структуре этих конфликтов политического аспекта, который многими учеными ставится под сомнение¹.

В книге «Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках» К. Казенин показывает, что земельным вопросом обозначен основной проблемный сегмент в пределах Северного Кавказа, особенно в Дагестане. Автор полагает, что в настоящий момент Дагестан претерпевает результаты переселенческих процессов и детерминированных ими различного рода нарушений права и этнических традиций. Роль основного катализатора конфликта при этом принадлежит земле, поскольку масса переселенцев иноэтнична, то земельные проблемы оказываются связанными с комплексом межэтнических отношений. К. Казенин наглядно доказывает политизацию земельных проблем. Автор

¹ Адиев А.З. Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. - Ростов-на-Дону, 2011.

акцентирует внимание на необходимости оценочного мониторинга именно сельской части равнинных земель Дагестана в силу нескольких причин. Во-первых, равнина является землей отгонного животноводства, ее использование регулируется специальным законом, объект регулирования которого обладает особым социально-экономическим значением в силу экономически-хозяйственной специфики Дагестана.

Во-вторых, регулирование использования равнинной земли характеризуется неопределенностью, запутанностью, что детерминирует образование «параллельной правовой системы». В-третьих, дискуссия по поводу равнинных земель неизбежно пересекается с вопросами исторической народной памяти, которая обременяет обсуждение современной насущной проблемы рефлексией на историческую тематику.

К. Казенин приходит к выводу, что решение этнополитической проблемы сельской части равнинных земель Дагестана требует двойного подхода: кроме чисто экономического расчета целесообразности тех или иных действий, необходимо учитывать «фактор прошлого», поскольку исторически земельные споры проходили в публичном пространстве¹.

Дискурс вокруг этнической земли содержит категории *земельных конфликтов*, *локальных межэтнических конфликтов* и проблему *этнического квотирования* во властных структурах.

По нашему мнению, критичность проблемы этнического представительства во властных структурах, можно сказать, гиперболизирована. Если говорить конкретнее, гиперболизированностью характеризуется содержание тезиса о том, что борьба за власть в Дагестане берет начало именно в проблеме межэтнического взаимодействия. Например, проведенный в середине 2000-х гг. процесс реформирования республиканского законодательства, исключивший из него положения о

¹ Казенин К. И. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. — М.: Издательский дом «Регнум», 2012

механизме этнонационального распределения в депутатских избирательных кампаниях, не вызвал никакого резонанса.

Публицистика и пресса изобилуют недостоверной информацией об этническом составе и распределении административных постов, но она опровергается фактами, свидетельствующими о том, что реальная инициация протестных действий против «смены национальности» управленца или иного государственного служащего на том или ином посту принадлежит вовсе не этническим активистам, а представителям предпринимательства (в большей мере многонационального), которого новое назначение тревожит вовсе не из-за национальной принадлежности назначенного лица.

Исследование внутриконфессиональных конфликтов, религиозно-политический экстремистских и террористических явлений базируется на понятиях *фундаментализма, религиозно-политического экстремизма, ваххабизма (салафизма)*. Представители салафизма подразделяются на умеренных и радикальных. Радикальный салафизм реализует свои задачи путем ведения вооруженной нелегальной деятельности, поэтому получил название лесного салафизма. Но понятие лесного салафизма, разумеется, коренится в журналистской терминологии, обозначишей им салафитов, принявших нелегальное положение.

На сегодняшний день деятельность ваххабитских (салафитских) общин реализуется не силами отдаленных анклавов закрытых общин в селах горного Дагестана – ваххабитские анклавы имеются почти в каждой административно-территориальной единице республики. Некоторые из этих организаций придерживаются радикальных взглядов на принципы взаимодействия Дагестана с федеральным центром и осуществляют скрытую вооруженную деятельность, направленную против него, прежде всего, в лице российской правоохранительной системы. Салафиты в своем большинстве демонстративно ведут характерный для себя образ жизни,

отвергая светскость социального и государственного устройства в Дагестане и российском государстве. Настаивая на соблюдении исключительно религиозного образа жизни, ваххабиты позволяют себе посягательства на светский характер развития молодежи, ее ориентации на западные модели и стандарты получения образования, государственной службы и службы в армии, создания семьи, а также иные сферы социализации личности.

В результате стал неизбежным внутриконфессиональный раскол между суфиями и салафитами, так как популяризация салафизма в Дагестане стала иметь ярко выраженный упорный и агрессивный характер. Подобные межконфессиональные разногласия наблюдаются почти в любом государстве с полиэтническим религиозным многообразием духовной сферы общества, но в Дагестане противостояние конфессий выражается не только во взаимных обвинениях в языческом идолопоклонстве, теоретической обширной дискуссии, конкуренции проповедничества о лице истинного ислама и пр. Конфликт принимает вид не только духовно-культурного, но и личного противостояния, сопровождаясь насилием, угрозами и убийствами в отношении духовных лиц (имамов) и авторитетов (как среди салафитов, так и среди суфиев).

Серьезный и системный анализ причинности активных процессов радикализации части мусульманской молодежи на Северном Кавказе проведен в коллективной монографии «Истоки конфликтов на Северном Кавказе»¹. Ученые обозначили причинную структуру такой радикализации, выявив, что воздействие религиозного детерминанта увеличивается, когда социальный протест в регионах Северного Кавказа сочетается с воздействием межпоколенческого конфликта. Это выражается в политизации религиозной сферы, вовлечении в радикализм молодежи.

¹ Стародубровская И.В. Соколов В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. - М., 2013.

По мнению авторов монографии «Истоки конфликтов на Северном Кавказе», на религиозную форму выражения межпоколенческого конфликта оказывается непосредственное влияние тенденций международного подъема радикально-религиозных движений, подвергающего изменениям как политику конкретных стран, так и международную политику. Авторы считают, что религиозный кризис вызван конкуренцией салафитского движения с силами официальной исламской концепции «истинного ислама», причем не только по поводу содержания этой концепции, но и по поводу права ее первичного определения.

Авторы книги так же, как и К. Казенин, подчеркивают важность вопроса об использовании равнинных земель Дагестана. По их мнению, контроль над эксплуатацией земель практически не проводится, имеют место факты присвоения земельных участков конкретными представителями дагестанской элиты, хищнического использования земель в одних случаях и недостаточного уровня использования - в остальных. К тому же положение сильно усложняется конкуренцией различных юрисдикций – российского законодательства и обычного права, которые сталкиваются в условиях реализации и порождают серьезные внутриобщественные конфликты.

В настоящее время весь объем этого права, как пишут авторы, является объектом монополизации Духовного управления мусульман в Дагестане. Не маленькое, возможно, большое значение в жестком противостоянии с противниками имеют не религиозные нюансы и толкования тех или иных деталей религиозного учения, а самая обыкновенная конкуренция по поводу значимых ресурсов. Факты покушения на статус священнослужителей однозначно порождают высокое напряжение, но оно не связано с догматической составляющей.

Официальная религия не устраивает множество людей из-за лицемерия духовных лидеров, их своекорыстия, подчиненности властям и сотрудничества с силовыми структурами. Вызывает общественное отторжение и подражание религиозной сфере иерархической общественной структуре, подчиненная позиция верующего в условиях тарикатистского направления ислама¹.

В заключение необходимо отметить, что религиозный экстремизм и напряженность межэтнических отношений в Дагестане требуют постоянного мониторинга. Некоторые исследователи утверждают, что ваххабизм не поддерживается большей частью дагестанского населения, как и его призывы к сепаратистским действиям относительно России². В научной литературе также высказывается мнение, что понятие фундаментализма непродуктивно в качестве характеристики ваххабизма. Кроме того, исследования показывают, что как на Западе, так и в России наблюдается злоупотребление термином «фундаментализм». И хотя понятие «ваххабизм» связано с понятием «фундаментализм» по признаку родовидового различия, иное дело – случаи злоупотребления этим понятием, склонность к обозначению им широкого спектра известных явлений (ревизионизм, обновление, традиционизм и пр.)

В связи с неопределенностью терминологии, которая проявляется не только в научной литературе, но и в СМИ, при описании этнополитической ситуации в Дагестане допускается некоторое преувеличение уровня критичности межнациональных отношений, политической значимости мелких локальных конфликтов³.

¹ Там же.

² *Абакаров Р.И., Джабраилов Ю.Д.* Современная этноконтактная ситуация в Республике Дагестан // Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя: Сборник статей / Под общ. ред. А.-Н.З.Дибирова. - М., 2013.

³ *Абдулагатов З.* Ваххабизм и джадидизм в дагестанском исламском сознании: параллели и противоречия // Центральная Азия и Кавказ. 2006. №6 (48). С.108-120.

Поэтому можно уверенно говорить о том, что фактор национальной клановости во властных структурах и острота земельного вопроса в Дагестане постоянно генерируют межнациональную напряженность на территории республики, но расценивать конфликтность ситуации только как проблему межэтнических отношений, без учета противоречий интересов частных бизнес-структур, будет не совсем корректно.

3.2. Элементы патронажной модели в деятельности региональных элит как детерминанта характера межнациональных отношений

Патронажная модель в межнациональных отношениях представляет собой такое их построение, при котором имеет место «вертикальное» общение между его элементами, связанное с покровительством и командно-административным подходом высшего по отношению к низшему и вассальной зависимости и подчинения низшего. Это отношение просматривается прежде всего на уровне взаимодействия политических элит – федерально-управленческих и региональных этнополитических.

Национальные республики Северного Кавказа, включая и Республику Дагестан, обладают целым набором особенностей, существенно отличающих иных субъектов России. Представленные различия проявляются, прежде всего, в историко-культурных и этноконфессиональных особенностях региона. Важнейшей спецификой республик Северного Кавказа выступает этнополитическая обусловленность региональной элиты, связанная с характерными чертами социальной стратификации обществ Северного Кавказа¹.

¹ *Вартумян А.А.* К вопросу о модернизационном потенциале на Северном Кавказе: региональная проекция // Политология — XXI век. Политический процесс в российских регионах: эволюция институтов власти и общественно-политических

Процессуальные особенности образования этнополитических элит в таком субъекте федерации, как республика Дагестан, в постсоветские годы российской политической реальности объясняется этнизацией, традиционализацией и «теневилизацией» элитных групп. Главной целью противоборства между элитными группами в современном Дагестане является установление контроля над экономическими, культурными и политическими ресурсами республики, что детерминирует достаточно ожесточенную борьбу, нередко выходящую за рамки законодательства.

Необходимо отметить, что стабилизация социально-политического и социально-экономического развития в России сыграла свою роль в этногенезе этнополитических элит Дагестана. Важно обратить внимание, что в последние годы он принял существенно более мирные формы. Прежде всего, имеет место отказ от использования вооруженной силы в качестве главного механизма преодоления противоречий, что нередко случалось в 90-е годы прошлого века. Кроме того, оказался сниженным порог противоречий в самой республиканской элите, что ранее проявлялось и в системе противоборства власти и социума, и в системе противоборства ряда разрозненных групп в структуре этнополитической элиты. В некотором роде состоялось «умиротворение» этнополитических элит Дагестана. В то же время, случаи конфликтов с применением вооруженной силы по-прежнему имеют место даже сейчас, хотя в значительной степени они связаны с проявлением коррупции отдельных элит и свойственной ей криминальной методике разбора «полетов».

Проведенный мониторинг трансформаций, имеющих место в области элитообразования республики Дагестан, дает нам возможность определить наличие взаимосвязи, существующей между протекающими

коррекциями течения элитогенеза и одновременным укреплением властной вертикали федерального центра. Общепринято выделение двух типов региональных элит на постсоветском пространстве: 1) административная элита в традиционно считающимися «русскими» регионах России; 2) этнополитическая элита национальных республик Российской Федерации¹. В первые два десятилетия постсоветской истории этнополитическая региональная элита начала превращаться в оторванную от основной массы социума общность, находящуюся в неподконтрольной социальным институтам и фактически не обновляющуюся посредством рекрутинга новых членов социума, достойных вхождения в нее. В этом проявляется нарушение меритократического принципа рекрутинга элит, что выражается в слабости сложившейся партийной системы, неразвитости институциональной основы гражданского общества. Итогом становится образование клановых корпораций.

Говоря о специфике формирования и развития политических элит Северного Кавказа, в том числе Дагестана, необходимо, в первую очередь, остановиться на исследовании процесса этнизации политических элит. Согласно мнению М.А. Алигаджиевой, ведущим фактором, определяющим элитогенез национальных республик России в первые годы после распада СССР, следует считать «этнизацию» власти, под которой понимать концентрацию власти у кланов, создающихся либо на этнической основе, либо на родовой².

Важно обратить внимание на то, что процесс этнизации политической элиты региона не нужно сводить лишь к росту количества представителей титульных этносов, проникающих в состав

¹ Понеделков А. В., Старостин А. М. Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. Политические исследования. № 6 – 2008 - С. 89.

² Алигаджиева М.А. Элитогенез в политическом поле Дагестана // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена - № 164 – 2014 – С. 167-172.

республиканской элиты. Этнизация куда более конкретно обнаруживается через рост возможностей оказывать влияние на принятие решений органами государственной власти, которые объективно выражают интересы только и исключительно титульной нации. Для утверждения данного тезиса выделим характерные черты, присущие элитам Северного Кавказа. Первый признак. Этнополитическим элитам присущ статус ведущего фактора, организующего политическую жизнь всех сфер общества Северного Кавказа.

Второй признак. Региональным этнополитическим элитам свойственно выступать в роли ключевого источника, рекрутирующего общенациональные элиты, играющего важную роль в системе органов государственной власти федерального уровня.

Третий признак. Региональная политическая элита, более, чем какая-либо другая, приближена к населению своего региона, что предопределяет характерную особенность в виде тесного взаимодействия со своим населением. Наличие рискогенных факторов в виде угрозы дестабилизации политических отношений, возможные поражения в ходе избирательных кампаний, потеря доверия в отношениях с центральными органами власти имеют важнейшее значение для механизма превращения региональной этнополитической элиты в гаранта региональных забот и интересов¹.

В современном Дагестане исследователями выделяются ряд групп элит, в числе которых следует назвать аварскую, даргинскую, кумыкскую, лезгинскую и лакскую, каждая из которых образует свои кланы. Аварцы, как этническая общность, является неоднородной, складываясь из таких подкланов, как буртунайский, цумадинский, чародинский и другие. Это

¹ *Тажиев Н.М.* Роль современной региональной этнополитической элиты в процессе модернизации российского общества. Автореф. канд. дисс. \\ Астрахань. 2011.

характеризует аварский клан меньшей степенью сплоченности¹. Поэтому даргинский клан, хоть он и меньше по численности, успешно маневрирует в запутанной политической модели Дагестана благодаря использованию внутренних противоречий клана аварцев. Что касается кумыкских, лезгинских и лакских этнополитических элит, то их возможности в политической системе существенно уступают не только даргинскому, но и аварскому клану.

Мы не можем исследовать процессы институционализации, а также политическую деятельность этнополитических элит северокавказского региона, не обратившись к ряду научных категорий: 1) «структурные группы», 2) «контролируемые ресурсы», 3) «влиятельность».

Первая категория – структурные группы, представляет из себя совокупность политиков и управленцев, которые принадлежат к сложившейся политической элите, обладая различающимися их формальные позиции и интересы свойствами. Вторая категория – контролируемые ресурсы, в предметном плане состоит из основных инструментов, направленных на осуществление политического влияния. Третья категория – влиятельность, нами понимается через объем ресурсов, которые потенциально способна контролировать этнополитическая элита.

Исследователи, занимающиеся проблематикой, связанной с формированием и институционализацией региональной этнополитической элиты, как правило, используют два основных метода, позволяющих идентифицировать представителей групп элит. Первым из них является позиционный метод, который позволяет осуществлять идентификацию элиты в соответствии с ее статусом и занимаемыми должностями. Второй метод – дисизийонный, посредством которого элита идентифицируется в

¹ *Алигаджиева М.А.* Элитогенез в политическом поле Дагестана // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена - № 164 – 2014 – С. 167-172.

соответствии с принимаемыми ею решениями в сфере управленческой деятельности¹.

Как считает Н.М. Тажиев, образование элит во всех национальных республиках России происходит посредством применения технологий политико-правового характера. Можно выделить ряд критериев для оценки. Один из них – альметрический. Под ним понимается зависимость элиты от использования властными ресурсами. Данный критерий вполне согласован с менталитетом российского социума, поскольку произведен от такой категории, как патернализм. Для Дагестана, как впрочем и другим республикам Северного Кавказа, важен также ценностный критерий, который результативен для понимания процесса образования элитных групп. Через этот критерий определяется влияние ценностных ориентаций электората на их избирательное поведение. Выбираются те представители, которые не только обещают социальное благополучие, но и связывают его с понятными для избирателей ценностями².

Отталкиваясь от реального уровня политического влияния этнополитических элит в регионах современной Российской Федерации, мы должны обратить внимание на несколько аспектов.

Во-первых, этнополитические элиты в регионах представляют из себя самодостаточные, в известном смысле изолированные акторы политических отношений. Они отталкиваются от собственных политических и экономических интересов, имеют все необходимые условия и рычаги, чтобы защитить имеющиеся в своем распоряжении политические ресурсы, в приоритетном плане те, которые связаны с их административными полномочиями³.

¹ Там же.

² Там же.

³ *Сиражудинова С.В., Саидов А.А., Алигаджиева М.А.* Ожидания Дагестана: социально-политические трансформации и элиты: Монография. Под ред. А-Н.З. Дибирова и С.В. Сиражудиновой. Москва. Изд-во «Перо», 2014 – 196 С.

Во-вторых, этнополитические элиты в регионах реализуют важнейшие функции, связанные с проведением на местах политики федерального центра. В этих функциях отражаются элементы той конструкции управления государством, которая создается и контролируется федеральным центром. Поэтому здесь нужно говорить также и о процессе коммуникации региональной этнополитической элиты и федеральной элиты, успешность которой неизбежно будет обнаруживаться в наличии целостности российского государства.

Также необходимо отметить кадровый ресурс региональной этнополитической элиты, который пополняется из директоров промышленных и финансовых бизнес-сообществ, банковских групп, руководителей муниципальных образований¹.

Трансформация системы управления регионами в постсоветский период отечественной истории потребовала и соответствующих изменений в моделях политического поведения региональных политических элит. Данные изменения повлекли за собой определенные кадровые обновления в составе политических элит современной России².

Существенное значение для изучения специфики управления в сфере межнациональных и межэтнических отношений в современной России имеет определение социально-политической конструктивности или деструктивности деятельности этнополитических элит национальных республик. Учитывая масштабность социальных, геополитических, политических, социокультурных изменений, произошедших на рубеже XX – XXI вв. в жизни российского общества, важность рассмотрения конструктивности или деструктивности этнополитических элит повышается. В особенности на Северном Кавказе – в наиболее

¹ Усова Ю. В., Койбаев Б. Г. Политическая элита Северной Осетии: трансформация в постсоветский период. Владикавказ, 2009. – 200 с. С. 125.

² Тажиев Н.М. Там же.

конфликтогенном регионе современного российского государства. Следует отметить, что региональные этнополитические элиты все в большей степени ориентируются на осмысление основных факторов, способствующих провокации этнических конфликтов в национальных республиках. При этом основное внимание элиты уделяют тем группам факторов, которые провоцируют развитие конфликтов по сценарию вооруженного противостояния, дестабилизации политической и социальной ситуации в республиках. Целью региональных этнополитических элит становится определение возможных путей и механизмов профилактики межэтнических конфликтов, а также поиск способов их разрешения, либо нейтрализации сторон конфликта. В условиях демократической политической системы путем разрешения конфликтов может быть только реализация практик социального партнерства на региональном и федеральном уровнях.

Выявление основных причин и факторов предотвращения социально-политических конфликтов в регионах, возникающих на этнической почве, играет важную роль в стабилизации политической ситуации в национальных республиках Северного Кавказа. Профилактика конфликтов на этнической почве зависит, в том числе, и от уровня взаимодействия региональных этнополитических элит с федеральными элитами, общественными организациями и населением.

Также следует отметить, что для отечественной политико-управленческой традиции характерна патронажная специфика¹. Она подразумевает практически полную исключенность институтов гражданского общества из процесса принятия и реализации политических решений в современной России, причем не только на федеральном, но и на региональном уровне. По мнению российского политолога Глеба

¹ Маленко С.А. Архетипические сценарии социального взаимодействия. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора философских наук. Великий Новгород. 2010.

Павловского, гражданское общество в современной России не имеет никаких реальных инструментов влияния на политику элит и способно выступать, разве что, в роли консультанта и внешнего критика уже принятых решений. Система политического управления в национальных республиках современной России, во-многом, зависит в своей эффективности от характера взаимоотношений региональных этнополитических элит со внешней средой. Ведь традиционные институты социальной организации в национальных республиках, особенно на Северном Кавказе, играют очень важную роль. По мнению исследователей, можно говорить о наличии нескольких моделей подобного взаимодействия.

Во-первых, к ним можно отнести «механический тип», для которого характерно отсутствие стремлений системы соотносить провозглашенные цели и задачи с общественными целями. В этом случае происходит торможение социального развития, поскольку система блокирует реализацию общественных инноваций. Для адаптивного типа характерно приспособление к новым реалиям. При этом, существенное влияние на формирование новой действительности не оказывается. Наконец, для креативного типа характерны активная роль в процессе преобразования внешней среды и гибкость внутренней организации¹.

Обращаясь к анализу специфики этнополитической ситуации в современном Дагестане, в первую очередь следует отметить, что республика до распада Советского Союза отличалась высоким уровнем межэтнической коммуникации и терпимости. Полиэтничность Дагестана прекрасно гармонировала с идеологией интернационализма, господствовавшей в советском обществе. Однако последовавшие за распадом СССР процессы возрождения этнических идентичностей и связанный с ними рост этнических национализмов нарушили

¹ Там же.

существовавшую прежде интернационалистическую модель организации межэтнических отношений в республике. Для многих жителей Дагестана изменение социально-политической ситуации стало полной и нежелательной неожиданностью. Длительное время исторический опыт развития межэтнической коммуникации в Дагестане препятствовал разрастанию бытовых и экономических конфликтов в конфликты на этнополитической почве, однако в 1990-е – 2000-е гг. ситуация изменилась, и именно произошедшие изменения потребовали от дагестанского общества поиска новых путей модернизации сферы межнациональных и межэтнических отношений в республике.

Уже в середине 1980-х гг., еще в бытность существования Советского Союза, в его внутренней политике стали сказываться последствия глубинных ошибок в сфере межнациональных и межэтнических отношений, допущенных еще в ранние годы существования советской государственности. В некоторой степени именно эти ошибки стали одной из важнейших причин последовавшей дестабилизации политической ситуации на Северном Кавказе и формирования целого ряда серьезных этнополитических конфликтов. Распад Советского Союза и кризис российской государственности в первые годы ее существования способствовали лишь обострению закладывавшихся ранее проблем. В первую очередь, вследствие распада Советского Союза произошли значительные изменения в сфере геополитического положения как России в целом, так и Северного Кавказа, и Дагестана в частности. Следствием этих изменений стало появление серьезных этнополитических проблем, с которыми республика прежде практически не сталкивалась.

В постсоветский период Дагестан превратился в приграничный регион, который имеет общие границы с Азербайджаном и Грузией, по морю - с Ираном, Казахстаном и Туркменией. Изменившееся

геополитическое положение, политические события в республике, активизация радикальных религиозных сил – все эти факторы способствовали привлечению внимания не только российской, но и мировой общественности к Дагестану и дагестанским этнополитическим элитам. Тем более, что после распада Советского Союза Дагестан оказался на пути стратегически важных для Российской Федерации сухопутных, морских и воздушных путей. Кроме того, немаловажную роль играет и фактор борьбы за нефтяные ресурсы, и их транспортировку, также связанные с политической ситуацией в Дагестане. Свои интересы в республике имеет не только российская власть, но и такие страны как США, Турция, Саудовская Аравия, Катар. Именно с деятельностью внешнеполитических акторов связывается намеренное разжигание этнополитических конфликтов на территории республики, в том числе и конфликтов, имеющих под собой конфессиональную подоплеку.

Следует отметить, что сложность процессов межэтнических отношений в современном Дагестане, как и на Северном Кавказе в целом, обуславливает наличие множества подходов к разрешению конфликтных ситуаций. Практически все они, в той или иной степени, касаются столь важной для республики проблемы как специфика ее национально-государственного устройства.

Определенные силы среди этнополитических элит Дагестана ставят своей целью расчленение республики, предоставление автономии отдельным народам. Для других этнополитических сил большое значение представляют вопросы «восстановления справедливости», в первую очередь в отношении некогда депортированных или разделенных народов (это чеченцы-аккинцы, лезгины, ногайцы). Немаловажную роль играет и вопрос о сохранении и развитии самобытности и культуры дагестанских народов, особенно малочисленных, не обладающих соответствующими рычагами влияния на региональную политику в сфере межнациональных и

межэтнических отношений. Серьезную угрозу для политической стабильности в Дагестане представляют и тенденции сепаратизма и национал-экстремизма, религиозного экстремизма. Однако, все перечисленные проблемы тесно связаны с особенностями и проблемами социально-экономического и культурного развития регионов Дагестана, среди которых важное место занимают миграция жителей горных районов в равнинные районы Дагестана и отток русского и русскоязычного населения из республики.

Полиэтничность дагестанского общества никогда не препятствовала утверждению на дагестанской земле межнационального и межконфессионального согласия. Следует отметить, что история Дагестана, вплоть до последнего времени, не знала вооруженных конфликтов на этнической или религиозной почве. На территории региона сосуществовали мусульмане-сунниты и мусульмане-шииты, православные христиане, иудеи. Большая часть вооруженных конфликтов, имевших место в истории Дагестана, всегда была связана с защитой территории от внешней агрессии. Однако после распада Советского Союза ситуация в республике изменилась, что было связано и с воздействием внешних факторов, о которых мы говорили выше. Кроме того, обозначился ряд проблем, решение которых в рамках существующей политической системы представляется крайне сложной задачей. Одна из них – проблема разделенных народов. Как известно, государственная граница Российской Федерации с Азербайджаном и Грузией проходит по местам компактного проживания лезгин, аварцев, азербайджанцев, цахур, рутульцев и ряда других народов. Естественно, что после провозглашения политического суверенитета Российской Федерации, Азербайджана и Грузии, многие представители этих народов оказались разделенными, в том числе и с ближайшими родственниками, которые оказались по ту сторону государственной границы. Свыше 300 тысяч человек в настоящее время

испытывают проблемы, связанные с сохранением этнически-родственных, культурных, экономических связей, складывавшихся и существовавших на протяжении столетий.

Немаловажную роль в обострении этнополитических противоречий в республике в контексте проблемы разделенных народов играет и отсутствие соответствующих международно-договорных обязательств с сопредельными государствами. Более того, наличие некоторой внешнеполитической напряженности значительно ухудшает процесс коммуникации между этническими группами региона. Нерешенность существующих проблем внешнеполитического характера создает серьезные препятствия для сложившейся системы хозяйствования. К примеру, затрудняются традиционные перемещения, связанные с сезонным хозяйствованием ряда дагестанских народов, проживающих на стыке границ России, Грузии и Азербайджана.

Помимо возникающих сложностей с осуществлением хозяйственной деятельности, серьезной проблемой является и нерешенность проблем правового статуса граждан Российской Федерации, проживающих в населенных пунктах Храх-Уба и Урьян-Уба Республики Дагестан, территориально расположенных в Азербайджане. Аналогичная ситуация связана и с положением аварцев – в частности, проблемы вызывает необходимость выполнения Постановления Правительства РФ от 30 ноября 1992 г. № 920 «О мерах по оказанию помощи аварскому населению, переселяющемуся из Кварельского района Республики Грузия в Республику Дагестан Российской Федерации». Что касается дагестанского населения Храх-Убы и Урьян-Убы, то оно испытывает многочисленные сложности при постоянных перемещениях через границу – из Азербайджана в Дагестан и обратно. Не пересекать границу жители Храх-Убы и Урьян-Убы не могут, поскольку тесно связаны экономическими и родственными связями со своими соплеменниками,

проживающими в Дагестане. Наличие этих проблем, в свою очередь, представляет собой благоприятную почву для распространения этнонационалистических настроений среди дагестанского населения, на чем умело пытаются сыграть внешние акторы – в первую очередь, силы, заинтересованные в обострении политической обстановки в Дагестане и ухудшении взаимоотношений Российской Федерации с соседним Азербайджаном.

Серьезной проблемой Дагестана является и отсутствие окончательных решений по вопросу о восстановлении справедливости в отношении потомков репрессированных и депортированных народов республики. Согласно официальным данным, количество пострадавших или их близких родственников оценивается на территории Дагестана в 87,8 тыс. человек. Еще в 1991 году было принято решение, предусматривавшее территориальную реабилитацию чеченцев-аккинцев. В соответствии с этим решением и по согласию лакской общественности, было решено осуществить переселение лакского населения (около 14 тыс. человек) на новое место жительства.

После выполнения данной меры предстояло восстановить Ауховский район Республики Дагестан, который до депортации был местом проживания чеченцев-аккинцев (ауховцев). Однако, несмотря на то, что соответствующие мероприятия в направлении восстановления прав чеченцев-аккинцев начались еще в первой половине 1990-х гг., к настоящему времени программа реализована лишь на 30%. Естественно, что этот нюанс не может не вызывать негодования со стороны чеченской общественности, которая видит в столь медленной реализации программы едва ли не намеренный саботаж со стороны республиканского руководства.

Однако в действительности, сложности, с которыми сталкивается республика в процессе реализации данной программы, обусловлены

отсутствием должного финансирования из средств федерального бюджета. С другой стороны, попытки восстановления справедливости в отношении депортированных народов неизбежно влекут за собой появление новых социальных проблем в республике, поскольку на протяжении более чем 70 лет на землях депортированных народов проживали представители переселенных туда других этнических групп. Речь идет о жителях 21 района Дагестана, занимающих земли репрессированных чеченцев-аккинцев.

Еще одной важной проблемой современного Дагестана, решение которой во многом зависит от деятельности этнополитических элит республики, является низкий уровень социально-экономического развития и, соответственно, качества жизни населения горных районов республики. Именно в силу низкого уровня жизни горное население вынуждено мигрировать в равнинные районы Дагестана, а также в Ставропольский край и Ростовскую область.

Если обратиться к исследованию миграционных потоков населения Дагестана, осуществляющихся на протяжении всего постсоветского периода существования республики, то очевидно, что они характеризуются достаточно стремительными изменениями своей интенсивности, масштабов и направленности. Так, в первой половине 1990-х гг. миграционные потоки имели в своей основе процессы концентрации населения на территориях, населяемых определенными этническими группами. На территорию республики приезжали представители дагестанских народов из бывших советских республик, провозгласивших в 1991 году государственный суверенитет, а из Дагестана уезжали представители русского, еврейского, армянского населения республики, то есть – «русскоязычные». Однако, в отличие от других северокавказских республик, отток русского и русскоязычного населения из Дагестана был обусловлен не столько этнополитическими, сколько культурными и

социально-экономическими факторами. Одной из главных причин оттока русского населения республики стал экономический кризис, сопровождавшийся ликвидацией многих промышленных предприятий, ростом безработицы и ухудшением уровня жизни и условий жизни населения республики.

Со второй половины 1990-х гг. наблюдается отток из Дагестана и представителей «коренных» этнических групп республики. Можно утверждать, что общий рост численности населения республики связан лишь с наличием фактора высокого естественного прироста. За пределы республики выезжают не только представители русского и русскоязычного населения, но и других дагестанских народов. Миграция дагестанцев из Дагестана обусловлена чисто экономическими и социальными факторами. Также необходимо отметить, что межэтнические отношения в Дагестане, начиная с конца 1990-х гг., оказались под серьезным влиянием националистического и религиозного экстремизма, способствовавшего значительному ухудшению политической ситуации в республике. Экстремистские силы предприняли множество попыток дестабилизации обстановки в Дагестане, в первую очередь посредством распространения религиозно-экстремистской идеологии и подрыва традиционных устоев жизнедеятельности дагестанского общества.

Наиболее активно представители экстремистских организаций, как мы отмечали выше, в предыдущей главе нашего исследования, действуют среди дагестанской молодежи. Но деятельность экстремистских организаций становится возможной, в том числе, и в силу определенных особенностей поведения региональных этнополитических элит. Злоупотребления властью, коррупция, забота исключительно о реализации собственных корыстных интересов – вот далеко не полный перечень негативных тенденций в деятельности дагестанских элит, которые провоцируют рост экстремистских настроений в дагестанском обществе.

Следует отметить, что молодежь составляет 55% населения Республики Дагестан. Это – один из самых молодых по составу населения регионов Российской Федерации, что накладывает серьезные обязательства на руководство республики. Поэтому деятельность по профилактике экстремизма в молодежной среде для современных дагестанских элит является приоритетной, по крайней мере – декларативно¹. Решение указанных выше проблем осуществляется во многом посредством административных методов и механизмов управления, ассоциируемых с патронажной моделью межнационального взаимодействия.

После того, как мы рассмотрели специфику функционирования этнополитической элиты в северокавказском регионе, мы можем предложить прогноз на предмет того, что консолидирующаяся этнополитическая элита будет обладать как вертикальным, так и горизонтальным характером. В первом смысле она является звеном общероссийской политической модели элитогенеза. Ресурс горизонтальных связей мы рассматриваем в качестве инструмента укрепления своих политических позиций и внутреннего единства. В результате укрепится также патронажная модель, организующая федеральные и региональные элиты. Системообразующим фактором для этнополитической элиты должно быть преобладание вполне определенных структурных групп, состоящих из реальных патронажных сетей. Подобная практика неизбежно приведет к созданию одного или нескольких центров, которые будут осуществлять реальную политическую власть на Северном Кавказе.

Если утвердятся эти тенденции, то этнополитическая элита в регионах станет действовать на основе моноархичных или полиархичных

¹ Омаров А.М. Гармонизация межнациональных отношений в многонациональном регионе на примере республики Дагестан. <http://dagstav.ru/oficialno/polozhenie-o-postoyannom-predstavitelstve-respubliki-dagestan-v-stavropolskom-krae/remarki-suzhdeniya-publikacii/a-m-omarov-garmonizaciya> (Электронный ресурс).

моделей. Это, в свою очередь, приведет к постепенному формированию конкуренции среди элитных групп. Можно предположить, что станут выше общие требования, предъявляемые как личным качествам представителя элитного сообщества, так и их профессиональным характеристикам. Также можно говорить о том, что утверждение патронажной модели прервет мобильность между региональным и федеральным уровнями элиты, оформив между ними четкие разделительные линии.

В этом контексте, нельзя не обратить внимание на то, что этнополитическая элита республики давно уже является самостоятельной и обладающей большим политическим влиянием актором политического взаимодействия. Такая ситуация возможна еще и потому, что этнополитическая элита данного региона располагает своими собственными ресурсами, которые позволяют бороться и отстаивать региональные интересы. В самом деле, рамки патронажной модели дают возможность региональным этнополитическим элитам быть главным инструментом и звеном политического регионального управления. Этому же поспособствовала административная реформа, которая в России проводилась в течение 2000-х годов. Она усилила роль федеральных элит, снизило самостоятельность региональной, что объективно лишь закрепило на Северном Кавказе политическую модель патронажного типа. Соответственно, постепенно произошло и снижение накала внутренних конфликтов между регионами и в пределах одного региона, поскольку разрешение конфликтных ситуаций полностью взял на себя федеральный центр.

Вместе с тем, не следует забывать и о таком существенном факторе, как направленность политики региональных этнополитических элит на удовлетворение собственных интересов, далеко не всегда совпадающих с идеалами государственного служения. Особенно данная проблема актуальна

для республик Северного Кавказа, чему способствует и соответствующая специфика традиционного менталитета населения региона. Фактически, региональные этнополитические элиты действуют в собственных интересах и мобилизуют достаточно мощные рычаги влияния для реализации своих целей. При этом федеральный центр часто ставит свои ресурсы на службу интересам региональных этнополитических элит. Типичным примером является деятельность региональных силовых структур, которые формально находятся в вертикальном подчинении федеральных силовых структур, но фактически во многом обслуживают политические и экономические интересы региональных этнополитических элит.

Еще одной характеристикой существования современных региональных этнополитических элит в Дагестане, является тесное сращивание государственного аппарата с крупным бизнесом, в том числе – «теневым»¹. Процессы «теневизации» региональных этнополитических элит всегда имели место в истории Дагестана, но наиболее полно они проявились, когда распался Советский Союз.

Следует отметить, что экономические интересы всегда играли одну из важнейших ролей в числе мотивационных установок дагестанской этнополитической элиты. Именно потребность в укреплении собственного экономического могущества заставляет региональные этнополитические элиты использовать все возможные политические рычаги влияния для сохранения своих доминирующих позиций.

Не следует забывать и о том, что обладание политическим влиянием позволяет практически бесконтрольно распоряжаться общественными ресурсами, то есть использовать свое политическое положение для извлечения конкретной экономической выгоды. Также необходимо отметить, что на интенсивность консолидационных процессов в жизни

¹ Понеделков А. В., Старостин А. М. Элиты и будущее России: взгляд из регионов (Вып. первый). Ростов-на-Дону, 2007. С. 12-13.

дагестанского общества и отказ от патронажной модели в сфере организации межнациональных и межэтнических отношений в республике, большое влияние оказывает слабость дагестанской экономики, носящей сырьевой характер и отличающейся низким уровнем развития рыночных отношений, неразвитостью промышленности, непривлекательностью региона для отечественных и иностранных инвесторов. Тем более, если обращаться к ситуации на Северном Кавказе, то очевидно, что экономическая зависимость региона от федерального центра способствует снижению уровня реальной автономии республик и, как следствие, республиканских политических элит¹. Однако, реальная степень самостоятельности глав регионов на Северном Кавказе далеко неодинакова и определяется индивидуальными факторами и спецификой политической ситуации в каждой конкретной республике².

В заключение необходимо сделать результирующие выводы.

Основой эффективности применения патронажной модели для оптимизации межнациональных отношений является заложенная самим принципом федерализма необходимость иерархического подчинения этнорегиональных элит федеральной власти.

Для советской государственности, как и в значительной степени для современной российской, характерны патронажные способы регулирования межнациональных отношений в республиках, основанные на прямом администрировании и подчинении республиканских этнополитических элит. Если в 90-е годы наметилась тенденция к развитию регионального, прежде всего этнонационального сепаратизма, то в настоящее время эта тенденция преодолена во многом благодаря выстраиванию четкой иерархической структуры вертикального

¹ *Султыгов А.-Х.* Северный Кавказ: модернизация или деградация? – М., 2010. – С. 57–58.

² *Тетуев А.И.* Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции.– Нальчик, 2006. – 352 с. С. 316.

подчинения региональных этнополитических элит федеральной власти. Возможности патронажной модели регулирования отношений между этносами в Дагестане содержат необходимый потенциал для поддержания четких приоритетов в коммуникации разных групп этносов, ориентирующихся на цель сохранить целостность государства и преобладание идентичности общегражданского типа перед этнорегиональной.

3.3. Перспективы реализации партнерской модели в регулировании межнациональных и межэтнических отношений на Северном Кавказе

Партнерская модель управления межнациональными и межэтническими отношениями основывается на идее равенства и, соответственно, равноправия сторон. Для современного российского общества, учитывая его сложный полиэтнический и поликонфессиональный состав населения, утверждение такой модели межнациональных и межэтнических отношений, которая бы основывалась именно на партнерстве и гармоничном взаимодействии сторон, представляет очень большое значение. Тем более, применительно к северокавказскому региону, характеризующемуся непростой политической обстановкой, сложностью в отношениях между многочисленными народами и этническими группами, населяющими республики и края Северного Кавказа.

Российская Федерация является многонациональной страной, в которой оказались переплетенными множество самых разных народов и этнических групп. Исторический опыт этого переплетения имеет как положительные, так и отрицательные коннотации. Русские живут

фактически в каждом из субъектов России, равным образом, как и многие другие национальности, но, конечно, не в таком объеме. Опыт исторического взаимодействия на межэтническом уровне привел к существенному обогащению современного российского общества, невзирая на то, что он, одновременно, породил и многие из противоречий между этносами, накапливающимися давние исторические обиды и непонимания.

Благодаря тому, что многие народы продолжительное время проживают тесно друг с другом, выработались множество положительных подходов, направленных на разрешение как межэтнических, так и межрелигиозных конфликтов, которые эффективно применяются в течение всей российской истории. Невзирая на это, этнические конфликты, имеющие политические, экономические, социально-демографические основания с постоянной периодичностью возникают на пространстве Российской Федерации. В связи с этим, в настоящее время существует острая необходимость в принятии и последующей реализации самых разных стратегий, направленных на гармонизацию межэтнических взаимодействий.

Исследования показывают¹ значимость вполне определенных факторов, препятствующих реализации партнерской модели и ориентированной прежде всего на нее государственной национальной политики (табл. 5).

¹ Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества. Информационно-аналитические материалы научно-практической конференции с международным участием. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2018. С. 12.

Таблица 5

Какие недостатки в реализации государственной национальной политики РФ проявляются в регионе Вашего проживания (укажите не более 2-х вариантов)?

№ п/п	Варианты ответов	% ответов
1.	Должность органов власти и МСУ от насущных потребностей народов, этнических групп, диаспор и верующих	64,8
2.	Недостаточный авторитет и популярность решений органов власти и МСУ среди населения	63,0
3.	Нежелание сотрудничать с национально-культурными организациями, национально-культурными автономиями и религиозными обществами	31,1
4.	Слабое информационное обеспечение реализации государственной национальной политики РФ на региональном и местном уровнях	30,2
5.	Некомпетентность, закрытость, непрозрачность деятельности	5,8
6.	Затрудняюсь ответить	0,0

Партнерская модель, направленная на организацию управления межнациональными и межэтническими отношениями в северокавказском регионе, могла бы стать главным инструментом укрепления стабильности в области межнациональных отношений на территории России. В данном ракурсе нельзя не отметить значимость институтов гражданского общества, без которых любые разговоры в рамках налаживания партнерства совершенно бесперспективны. Цель указанного взаимодействия приоритетно должна быть направлена на сферу

противодействия распространению экстремистских и националистических ценностей в национальных регионах России¹.

Партнерская модель, как инструмент выстраивания коммуникаций между этносами, может быть успешно реализована только при наличии равноправия во взаимодействии государства, институтов гражданского общества, этнических и конфессиональных общественных объединений. Такие коммуникации не могут выстраиваться на формальной основе, как декорация, представительство, ни к чему не обязывающие интеракции. В их результате должны затрагиваться политические, экономические, социокультурные, социально-демографические проблемы, причем так, чтобы обнаруживать перспективы для их разрешения. Партнерская модель не сводима к обычному сотрудничеству в этнической сфере. Это качественно другое понятие. Различия нам видятся в следующих проявлениях: 1) наличие коллегиальности при участии субъектов, 2) наличие представительства организаций разного типа: конфессиональных, этнических, общественных, 3) наличие общественного контроля при принятии важных решений и расходовании финансов. Поскольку партнерская модель не может рассматриваться в качестве отвлеченной теоретической реальности, она предполагает научно-теоретическую разработанность на предмет ее наиболее эффективного применения для регулирования этнических и этноконфессиональных проблем. Такое возможно лишь на основе комплексного научного подхода, который включал бы политологические, социологические, этнологические проработки.

1 Смирнова А.В. Гармонизация межэтнических отношений как решающий фактор обеспечения стабильного и устойчивого развития российского общества – [Электронный ресурс] – Режим доступа: - // http://www.sociosphera.com/publication/conference/2014/224/garmonizaciya_mezhethnichesk_ih_otnoshenij_kak_reshayuwij_faktor_obespecheniya_stabilnogo_i_ustojchivogo_razvitiya_rossijskogo_obw/

Основными принципами применения данной модели для регулирования межэтнических отношений являются следующие:

- 1) равноправие сторон;
- 2) добровольность процесса коммуникации;
- 3) ориентация на законодательные нормы;
- 4) обязательность при исполнении консенсуальных норм;
- 5) консультации по наиболее важным вопросам;
- 6) признание ориентации только на двусторонний порядок взаимодействия;
- 7) информационное сотрудничество между сторонами;
- 8) взаимная ответственность сторон за нарушения договоренностей и применение санкций за них.

Северокавказскому обществу в течение его исторического развития было характерно проявление таких особенностей как поликонфессиональность, полиэтничность и поликультурность. Данные особенности определили специфику политического облика региона, что в обязательном порядке должно учитываться в ходе применения партнерских отношений.

Полиэтничность является важнейшим механизмом, структурирующим институты гражданского общества в северокавказском регионе¹. Однако полиэтничность объективно способствует созданию целого ряда проблем, мешающих утверждению партнерской модели, в числе которых первоочередное значение имеет неурегулированность межнациональных противоречий. Среди них можно выделить, во-первых, спор о статусе Пригородного района Республики Северная Осетия-Алания, который в 1992 г. привел к вооруженным столкновениям между осетинским и ингушским населением республики. Несмотря на то, что

¹ *Мирзоян Г.В.* Социальное партнерство в российском обществе: социально-философский анализ. Дис. ... докт. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 11.

федеральный центр выделил значительные средства на минимизацию негативных последствий конфликта, включая восстановление социальной инфраструктуры в населенных пунктах района, конфликт принял скрытые формы.

Известно, что ингушское население Пригородного района до сих пор фактически остается не интегрированным в североосетинское общество, в политическую систему республики. Это, в свою очередь, влечет за собой рост этнического национализма и религиозного экстремизма в ингушской среде, способствует сохранению напряженных отношений между двумя субъектами Российской Федерации – Республикой Северная Осетия – Алания и Республикой Ингушетия. В других республиках Северного Кавказа, в первую очередь – в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии, также имеют место конфликты, вызванные территориальными спорами и историко-политическими противоречиями. Ряд этнических групп, проживающих в регионе, настаивает на необходимости кардинального изменения административных границ территориальных образований Северного Кавказа и формирования новых национальных республик.

Северный Кавказ породил самое масштабное в современной Европе вооруженное противостояние, сопоставимое только с войнами на Балканах. Острота противостояния не сглажена даже после прекращения полномасштабных боев, что объективно превращает Северный Кавказ в некую особенную территорию, где отсутствует обычное для всей другой части России правовое пространство. В качестве обратной реакции со стороны других регионов России к Северному Кавказу формируется достаточно своеобразное отношение, создающее ему ареал некоей особенной зоны существования.

Формируются неприязненные стереотипы "кавказцев", воспроизводящиеся в массовом сознании в форме предрассудков и

предубеждений. Они распространяется даже на тех "лиц кавказской национальности", которые никогда не жили на своей "исторической родине". Следствием становится массовое распространение ксенофобии и прочих проявлений интолерантности, которые крайне негативно воздействуют на возможности формирования положительного облика в восприятии кавказца населением других частей Российской Федерации. Межэтническая напряженность ведет к увеличению темпом миграции из республик Северного Кавказа в другие регионы Российской Федерации¹. В то же время, неспособность руководства решить данные проблемы ведет к делигитимации власти на территории северокавказских республик, к потере ими авторитета.

Для северокавказских республик насущной проблемой является и недостаточно развитый уровень межэтнической интеграции проживающих в регионе этнических групп. Каждая из этнических групп северокавказского населения обладает собственной этнической идентичностью, традициями и обычаями, спецификой экономического и политического поведения. Различия между интересами этнических групп в начале существования постсоветской российской государственности привели к возникновению целого ряда этнополитических конфликтов, некоторые из которых (осетино-ингушский, чеченский) приобрели характер вооруженного противостояния – в первом случае межэтнического, во втором – сепаратистского. Само возникновение данных конфликтных ситуаций стало возможным в силу обостренного восприятия этнической идентичности в северокавказских республиках. Поэтому развитие партнерской модели в сфере межэтнических отношений на Северном Кавказе должно, в первую очередь, учитывать специфику процессов в сфере этнической идентификации северокавказских народов.

¹ *Эмиров Р.М.* Геополитические приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе. Автореферат дис. ... канд.полит.наук. М., 2014. С. 24.

Нельзя забывать о том, что народы региона – русские и казаки, адыгские народы, вайнахские народы, тюркские народы, дагестанские народы имеют собственные развитые представления об этнической идентичности, историческую память, определенные претензии к соседним этническим группам или к центральной власти. Все эти нюансы необходимо учитывать при выстраивании грамотной национальной политики на Северном Кавказе. Необходимость обращения к вопросу нормализации межэтнических отношений обусловлена тем, что в условиях сохранения почвы межэтнических конфликтов дестабилизируется политическая ситуация в республиках региона. Это прекрасно понимают региональные этнополитические элиты, которые используют сложившуюся ситуацию для извлечения определенных дивидендов от федерального центра.

Полиэтничность и поликультурность северокавказского региона нередко позиционируются как важнейшие факторы, которые влияют на процесс формирования и обострения этнических противоречий в республиках Северного Кавказа. Количество населения в северокавказском регионе, по сравнению с другими частями России, невелика. Однако многообразие этносов приводит к сложностям в построении необходимой национальной политики в данном регионе. И дело не просто в их количестве, а в том, что все они являются особенными с точки зрения языковых практик, социокультурных традиций, образа жизни и т.п. В этом процессе есть две стороны. По одной из них этнокультурная мозаика формирует большие сложности для гармонизации взаимодействия в регионе, т.к. центральная власть постоянно сталкивается с разными этносами, каждый из которых позиционирует свои требования, вспоминает обиды, настаивает на собственной исключительности. Однако есть и другая сторона, в соответствии с которой все эти сложности не мешали в течение длительного времени данному региону находиться в состоянии

мира и умиротворенности. Следовательно, практика уже выработала соответствующие механизмы, их нужно только применить для преодоления современных конфликтов. Северный Кавказ представляет из себя очень сложную этнокультурную среду, со своими закономерностями и элементами единства. Она препятствует тому, что регион не провалился в пучину тотальной войны и бесконечных территориальных споров. Федеральная власть должна научиться пользоваться уже сложившиеся средовые компоненты, чтобы применить их на основе заявленной нами партнерской модели. Эта модель и эти социокультурные практики могут быть применены на территории всего Северного Кавказа, в том числе и в республике Дагестан, пожалуй, наиболее уникальной из всех территорий этого региона.

Из-за остроты чеченского конфликта в основном всё внимание в российском обществе было обращено на Чеченскую республику. Между тем, конфликты этнополитического характера имели место, как нами уже неоднократно отмечалось на страницах нашего исследования, во всех субъектах Северного Кавказа. Большая часть конфликтов на этнополитической основе было вызвано территориальными претензиями к соседним народам. Чтобы избежать их проявлений в будущем, северокавказские народы должны быть эффективно интегрированы в российский социум. Типичным примером решения проблем национальной безопасности посредством использования специфики северокавказских обществ является судьба Чеченской республики. В Чеченской республике именно посредством более трепетного отношения к этноконфессиональной специфике республики, традициям и обычаям местного населения были созданы условия для умиротворения региона.

Необходимо отметить, что нерешенность межэтнических конфликтов и противоречий, наличие территориальных и земельных споров становятся для Северного Кавказа очень благоприятной почвой для

распространения религиозного радикализма, экстремизма и сепаратизма. Деятельность террористического подполья на Северном Кавказе стала возможной именно вследствие отсутствия реальных действий региональных этнополитических элит в направлении утверждения партнерских отношений в процессе принятия и реализации управленческих решений в сфере национальной политики. Вторым важным моментом, влияющим на ситуацию на Северном Кавказе в целом и в Республике Дагестан в частности, заключается в наличии определенных пробелов в сфере утверждения общероссийской национальной идентичности на кавказской земле. Нам представляется очевидным тот факт, что в условиях отсутствия гражданского единства и общих для всех народов России ценностей модернизационные процессы в стране окажутся нарушенными. Согласие между всеми сегментами российского общества, включая и многочисленные этнические группы, становится в данном контексте важнейшей стратегической целью. Достижение консенсуса в сфере межэтнических отношений становится возможным лишь при наличии благоприятного этнополитического и этнокультурного самочувствия многочисленных народов Российской Федерации.

Реализация партнерской модели в республике Дагестан будет невозможна, если не произвести деполитизацию этничности. У всех народов есть свои интересы, но эти интересы необходимо дистанцировать от политики, и полностью переключить на культурно-просветительскую, социальную, научную сферы, убрав из области государственного управления. Опыт показывает, что отстаивание этнических интересов политическими методами повышает рискогенный потенциал и даже способствует росту настроений сепаратистского характера. Деполитизация возможна только если региональные и муниципальные органы власти осознают пагубность смешивания этнических и политических проблем.

Таким образом, местная и региональная власти должны быть проводниками идей национальной политики, отстаиваемых центральной властью. Такое возможно будет в том случае, если управленческие структуры без соответствующего напоминания со стороны общественных структур сами научатся учитывать специфику этнических сообществ в ходе политического управления. С учетом завязавшегося узла проблем, начало такой работе органов власти может быть положено исключительно на основе взаимных компромиссов и уступок.

Важнейшую роль в развитии партнерских отношений в Республике Дагестан и на Северном Кавказе в целом играет русское население. Важность социокультурной и политической роли русского населения в регионе исторически обусловлена и бесспорна. Следует отметить, что институциональное присутствие российской государственности в регионе, интеграция Северного Кавказа в общероссийское и общемировое культурное пространство связаны, в первую очередь, с наличием и деятельностью русского населения региона. Русский язык играет роль средств межэтнической коммуникации в Республике Дагестан, поскольку множество языков и наречий многочисленных этнических групп, проживающих на территории республики, не позволяют обойтись без языка межнационального общения.

Модель социального партнерства может быть успешно реализована в межэтнических отношениях Республики Дагестан не только от доброй воли государства и этнических сообществ, но исходя из того, будут ли в сфере социально-политических, экономических, культурных отношений данной республики проведены необходимы изменения, направленные на улучшения образа и уровня жизни. Речь идет, в первую очередь, об институциональных изменениях, направленных на повышение уровня этнокультурной просвещенности, улучшение сложившихся практик коммуникации между разными этносами и конфессиями.

Очень важно обратить внимание на проблему толерантности в ее традиционной для России понимании, как терпимости. Это особенно значимо для молодежи, которую следует вовлекать в разного рода тренинги, мероприятия спортивного типа, тематические фестивали, выставочную деятельность.

Особая ответственность лежит на академическом сообществе: ученых и преподавателях, которым необходимо принимать участие в разного рода проектах, способных обеспечить когнитивное сопровождение для проведения соответствующей политики от властных структур.

В наше время любое масштабное социальное действие невозможно провести без помощи информационных технологий, особенно сети интернет. Прежде всего, коммуникативные практики в области информационных технологий следует обращать на молодежь, которая в их применении особенно активно участвует.

В настоящее время остро существует необходимость в том, чтобы расширить полномочия федеральных органов власти, восстановить, как было раньше, вертикальную подчиненность управленческой системы, повысить эффективность работы законодательных и исполнительных властей, федерального и регионального властных компонентов, муниципальных органов власти, институтов государства и гражданского общества. Перечисленные мероприятия необходимо направить на достижение цели минимизации сепаратизма в Дагестане, который направлен на его изоляцию политического и правового пространства России. Важно обратить внимание на то, что незначительная роль центральных органов власти для обеспечения гражданских прав в Дагестане не способствует повышению авторитета федерального центра и ведет к эскалации межэтнической напряженности. Факторы конфликтогенного характера на Северном Кавказе, причем не только в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии,

Северной Осетии, но и на Ставрополье, Кубани, Дону, сохраняют свою актуальность и до сих пор не минимизированы¹.

На основании проведённого анализа сложившейся этнополитической ситуации и системы межнациональных отношений на Северном Кавказе, а также выбранной федеральными властями стратегии национально-государственного строительства, можно сделать вывод о том, что проблемы и неудачи, возникшие в ходе реализации государственной политики в регионе, связаны в первую очередь с непоследовательностью и несогласованностью преобразований, проводимых Федеральным центром. Следует также отметить отсутствие у ряда федеральных чиновников, непосредственно отвечающих за стабилизацию политической ситуации на Северном Кавказе, чёткого понимания того, как соблюсти баланс между этничностью и государственностью, что делает весьма затруднительным проведение национальной политики в регионе.

Российская Федерация является многонациональным государством, а потому межнациональные отношения – один из важнейших компонентов её внутренней политики. Проведение грамотного и эффективного политического курса в данной сфере невозможно без консолидации усилий исполнительной и законодательной ветвей власти, а также без слаженного взаимодействия со стороны федеральной власти и органов государственного управления на местах.

Особый интерес представляет возможность применения в национальных республиках Северного Кавказа традиционных форм социальной организации и урегулирования конфликтов. Внедрение традиционных норм и обычаев, а также норм шариата в социальные практики региона видится перспективной стратегией, способствующей стабилизации

¹ Мсоева Ф.Б. Формирование федеративных отношений в Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы развития. Дис. ... канд.полит.наук, Краснодар, 2006.

системы межнациональных и межэтнических отношений на Северном Кавказе.

С конца 1980-х годов по мере прекращения государственной антирелигиозной кампании в Дагестане началась активная деятельность по формированию системы шариатских судов. В итоге в республике было создано несколько десятков таких судов. Однако они так и не смогли составить реальную конкуренцию государственной системе судопроизводства в регионе. На сегодняшний день шариатские суды рассматривают в большинстве случаев семейно-брачные дела, а также вопросы наследования, практически не касаясь уголовных дел. К тому же на практике «шариатское» правосудие в республике часто является реализацией норм адата. Повсеместно распространённые традиции медиаторства тоже чаще всего основываются на нормах адата, даже несмотря на то, руководят ими имамы, имеющие авторитет в местных общинах-джамаатах. Таким образом, мнение о «повальной шариатизации» Дагестана, которое высказывает ряд сторонних наблюдателей, является ошибочным. Существует множество факторов, препятствующих повсеместному распространению шариата. Прежде всего, это низкий уровень исламского образования местного населения, острая нехватка грамотных кадров для внедрения шариатских практик, а также высокая степень секуляризации населения, что также является следствием местных обычаев.

Анализируя текущую ситуацию в Дагестане, можно прогнозировать дальнейшее ослабление российского правового поля в регионе. В первую очередь этот процесс касается имущественного и наследственного права, однако, задетой окажется вся судебнопроцессуальная сфера. Усилят своё влияние неформальные структуры, осуществляющие реализацию шариатских практик, например, шариатские суды кади, не имеющие официального признания, но распространённые в большинстве общин.

Роль и влияние шариата в регулировании социальных процессов в регионе будет возрастать. В ближайшей перспективе шариатское право составит серьёзную конкуренцию не только светской нормативно-правовой системе, но и местным обычаям (адату). Следствием данного процесса неизбежно станет так называемая «правовая чересполосица», которая может иметь либо территориальный характер (в одних районах будет преобладать шариатское право, в других светское), либо ситуационный (в одних случаях решения будут приниматься в соответствии с шариатским правом, в других – с традиционным, в третьих – со светским). Обозначенная тенденция будет способствовать дальнейшей дезориентации правового сознания мусульман Северного Кавказа и их постепенному движению от светских ценностей гражданского общества к религиозным.

Светское право будет уступать позиции шариатскому праву, что, в первую очередь, связано с постепенным уходом государства практически из сфер общественной жизни в Дагестане. К примеру, на сегодняшний день крайне спорным моментом является сохраняющаяся неопределённость правового статуса земель, которые были захвачены вопреки нормам российского законодательства и используются под строительные нужды. Сохранение спорного статуса этих земель неизбежно приведёт к росту земельных конфликтов. Чёткие нормы права, регулирующие земельные отношения, в регионе отсутствуют, а потому решения по этим конфликтам будут приниматься на основе норм шариатского права, а также традиционного медиаторства, которое в контексте исламизации региона тоже действует на основе шариатского права.

Всё больше земельных конфликтов в Дагестане решается на основе соглашений джамаатов двух сторон. Такие соглашения заключаются в мечети и закрепляются договором, который составляется на арабском

языке¹. Заключение этих соглашений проводится под непосредственным руководством имамов джамаатов, причём даже в тех случаях, если соглашения достигаются на основе адата и традиционного медиаторства, а не шариатских норм. На фоне недостатков светской государственно-правовой системы (коррупция и продажность в судах, снижение качества и объёма предоставляемых государственных услуг, неэффективность государственного правового регулирования, отсутствие чёткого политического курса в сфере национальных и религиозных отношений) шариатские и традиционные правовые практики в глазах местного населения становятся всё более привлекательными. Пренебрежение вопросами национального развития народов Северного Кавказа, сохранения их самобытных культурных традиций, языка, в условиях роста этнического самосознания местного населения может привести к возникновению серьёзных конфликтов на национально-религиозной почве и послужить одной из причин дестабилизации региона².

В Российской Федерации проживает более 160 этнических общностей. Национальная политика, которую проводил в недавнем прошлом СССР, была непоследовательной и носила противоречивый характер. Безусловно, положительным моментом было сокращение разрыва в социальном развитии народов, населяющих государство, рост культурного потенциала, вовлечение представителей всех народов в образовательный процесс, формирование общих культурных ценностей и налаживание межнационального и межэтнического диалога. С другой стороны, имела место жёсткая централизация, культурное многообразие находилось под прессом мощной идеологической диктатуры. Новый концептуальный подход к национальной политике в постсоветской России

¹ Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. с.44-46.

² Габиева М.Р. Социально-культурное развитие Республики Дагестан. Дис. ... канд.соц.наук. Майкоп, 2013. С. 12.

получил закрепление в Концепции государственной национальной политики РФ, которая была утверждена в 1996 году. Основная её задача – формирование у населения представлений о том, что процесс национальной консолидации граждан РФ является исторически незавершённым и активно продолжается в настоящее время. При этом национальная идея непосредственно соотносится с идеей целостности государства. Всем национальностям, проживающим на территории Российской Федерации, гарантируется равноправие во всех сферах общественной и политической жизни.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы и прояснить моменты, способствующие стабилизации межнациональных и межэтнических отношений в Северокавказском регионе. Основной и самый важный момент в том, что нельзя пренебрегать интересами даже самых малочисленных этносов, как это происходило в Российской империи и в СССР (примерами тому является судьба народов Северного Кавказа в царской России и переселение в годы Великой Отечественной войны чеченцев, ингушей и др. народов)¹. Очевидно, что одной из основных задач в рамках многонационального государства является утверждение и распространение культуры межнациональных отношений, воспитание принципов толерантности и уважения к представителям иных народностей.

Крайне деструктивными идеологическими течениями для Российской Федерации её государственной целостности и международного авторитета являются идеологии национализма и шовинизма. Выработка стратегий разрешения межнациональных и межэтнических конфликтов в Северокавказском регионе является важнейшей задачей для федерального правительства.

¹ *Жабелова Л.М.* Концептуальные основы национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе // Научные проблемы гуманитарных исследований. № S 11 – 2009.

Наиболее эффективными представляются следующие шаги:

- Объективные и беспристрастные оценки возникающих конфликтов на национальной и религиозной почве, использование всех имеющихся возможностей для того, чтобы избежать перерастания конфликтов в открытые вооружённые столкновения;

- Слаженное взаимодействие федеральных и местных властей в условиях чрезвычайной обстановки;

- Принятие эффективных федеральных законов, учитывающих специфику сложившейся в регионе ситуации, а также разработка чётких механизмов для реализации этих законов на практике и их применения для решения экономических, социальных, национальных, этнических и религиозных проблем;

- Грамотная и взвешенная подача информации посредством СМИ, разоблачение шовинистических, националистических, экстремистских и сепаратистских взглядов. В этой связи эффективной представляется организация научных конференций с участием российских и зарубежных учёных и общественных деятелей, которые должны провести всесторонний анализ состояния системы межэтнических и межнациональных отношений в РФ и на основании этого анализа разработать конкретные рекомендации, направленные на сглаживание и урегулирование конфликтов на национальной и религиозной почве. Необходимо также постоянное совершенствование государственной пропаганды, направленной на стабилизацию межнациональных отношений. В процессе решения спорных вопросов между представителями разных этносов, касающихся территориальных претензий и взаимных обвинений, политическим и общественным деятелям необходимо проявлять взвешенность и осторожность.

В заключение главы необходимо подвести итоги сказанному, а они таковы:

1. Исторический контекст формирования межнациональных отношений в республике Дагестан, включающий долговременное проживание многочисленных этнических образований на компактной территории заложил латентную напряженность и потенциал конфликтов, связанных с территориальными, религиозными, языковыми и т. д. Факторами.

2. Государство, организованное в соответствии с принципами федерализма, строится на неизбежном иерархическом подчинении региональных элит федеральной власти. Это отражает принцип, в основании которого лежит сохранение патронажной модели во взаимодействии этнонациональных дагестанских элит с федеральными органами власти. Основное направление построения политики согласно патронажной модели – межнациональный характер отношений, сформировавшийся исторически в сложноорганизованной среде, которая потенциально таит конфликты латентного типа.

3. Главным недостатком патронажной модели, обеспечивающей в своей функциональной направленности обеспечение субординации между центром и регионом, является то, что она действует в опоре на традиционалистские и консервативные элементы дагестанского общества, что несовместимо с модернизацией экономических и политических отношений. Отношениями между этносами не способны регулярно сриться посредством методов «ручного управления». Они должны дополняться через внедрение принципов партнерства, как стимула для развития гражданских, горизонтальных отношений.

4. Непрозрачность взаимодействий внутри патронажной модели, отсутствие контроля и влияния нижестоящих уровней на вышестоящий выступают предпосылками роста коррупции и ущемления интересов субъектов нижестоящих уровней.

5. Проанализированная нами партнерская модель отличается заметными преимуществами, и гораздо более перспективна относительно развития модернизационного потенциала в политических отношениях. Она исходит из необходимости учета мнений всех субъектов взаимодействия, образования горизонтальных отношений. Она содержит наибольший потенциал из всех рассмотренных моделей, связанный с возможным преодолением этнических и этнополитических конфликтов в Республике Дагестан.

Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОПТИМИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Данная глава, завершающая диссертацию, имеет теоретико-прикладную направленность, поскольку ее основной задачей является анализ способов и форм разрешения и предупреждения межнациональных конфликтов в республике Дагестан, выработка организационно-управленческих мер, позволяющих достигнуть этой цели. Как известно, проблема межнациональных отношений в Дагестане встала особенно остро в постсоветский период отечественной истории, что было вызвано совокупностью факторов, рассмотренных нами выше. В то же время, республика обладает богатым потенциалом в направлении преодоления межнациональных противоречий, профилактики и разрешения этнополитических конфликтов. Помимо мер административного характера, предпринимаемых органами государственной власти, к ним могут быть отнесены и традиционные способы разрешения конфликтов, существующие в Дагестане на протяжении столетий. Возможность их применения в сочетании с современными политическими технологиями и правовыми мерами мы также рассмотрим в настоящей главе.

Параграф 4.1. посвящен обоснованию факторов, дающих возможность сдерживания межэтнической конкуренции и профилактики развертывания межнациональных конфликтов в республике с переходом их в этнополитический конфликт.

В параграфе 4.2. рассматриваются способы и методы разрешения этнополитических противоречий с учетом территориальной и социокультурной специфики республики Дагестан.

Параграф 4.3. представляет собой анализ роли властных структур в снижении межнациональной конкуренции в современном Дагестане.

4.1. Снижение межнациональной конкуренции в Республике Дагестан: основные факторы профилактики и сдерживания

Значимость межэтнических и межнациональных отношений на территории бывшего СССР трудно переоценить, что предопределяет повышенное внимание к ним со стороны политологии. Отечественная политическая наука интересен этот регион в силу его особенной сложности с точки зрения этнического состава. Северокавказские республики имеют высокий уровень конфликтности, и это также стимулирует внимание ко всем этапам протекания этнического конфликта: его возникновения, развития, возможности решения, либо профилактики. Важнейшим аспектом научной разработки указанной проблематики становятся рекомендации, направленные на урегулирование этнополитических противоречий в северокавказском регионе.

Национальная и региональная политика Российской Федерации в этой части страны сразу, еще с 1991 года, оказалась нацеленной на преодоление складывающихся противоречий. Всё это, однако, усложнялось проблемами социально-экономического порядка, который возникли в стране с 1991 года. Кроме того, в те же годы начался так называемый "парад суверенитетов". Согласно мнению О.Ю. Кузивановой, «процесс суверенизации республик привел к усилению тенденции децентрализации всей страны»¹. А.И. Степанченко полагает, что данные движения были вызваны чрезмерной централизацией, имевшей место в годы советской власти². На данном этапе, когда пик противоречий и

¹ Кузиванова О.Ю. Политико-идеологические векторы национальной политики России // Власть - № 1 – 2015 – с. 39-43. С. 40.

² Степанченко В.И. Приобретение независимости Российской Федерацией. Проблема «суверенизации» // Юридическая наука - № 4 – 2012 – С. 31-35.

конфликтов пройден, и имеет место некоторая стабильность, решающее значение начинает приобретать политика профилактики.

Как отмечает Г. Сафаралиев, в такой многонациональной стране как Россия, государственная национальная политика представляет собой стратегически важную область деятельности. По мнению Г. Сафаралиева, «национальный вопрос не может быть решен раз и навсегда, потому что он существует в постоянно меняющихся социально-политических реалиях. Требуется анализ, мониторинг и ежедневное управление межнациональными отношениями, своеобразный этнополитический менеджмент. Необходимо, прежде всего, осознание того, что национальный вопрос не может занимать второстепенное место или быть предметом спекуляции политической борьбе»¹.

После распада СССР национальные республики Российской Федерации переживали период роста межнациональной разобщенности, возрастания напряжения в межэтнических взаимоотношениях, распространения сепаратизма, ксенофобии, экстремизма и религиозного фундаментализма. Лишь с середины нулевых годов федеральная власть смогла существенно уменьшить межэтническую напряженность, что обусловлено общим укреплением стабильности России в политической и экономической сферах. После этого власть озаботилась вопросом обретения общегражданской идентичности. По мнению Президента России Владимира Путина, это важнейшее условие упрочения единства государства².

В принципе, именно отсутствие такой идентичности стало главной причиной конфликтов на национальной почве в 90-е годы. И это не взирая

¹ Дибиров А.Н. 3. Партии, фронты, ополчения. // Дагестанская правда Махачкала 25 августа 2011 г

² Выступление В.В.Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. – [Электронный ресурс] - URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (Дата обращения: 11.02.2016).

на то, что сами конфликты были обусловлены социальными и экономическими причинами. Особенно такие формулировки оправданны к протеканию конфликтов в Дагестане. Если эти причины дифференцировать, то указать необходимо, что в республике ощущалось недостаточное количество свободной земли, возрастание популяции, рост коррупции и безработицы, неразвитая инфраструктура. Особенно это сказалось негативно на развитии молодежи, которая попала в наиболее тяжелую жизненную ситуацию. Поэтому профилактика массового использования молодых людей для топки разжигания межэтнического противостояния возможна лишь по мере постепенного искоренения отрицательного влияния перечисленных причин. Если говорить конкретнее, то межэтнические противоречия в Дагестане чаще всего имеют подоплеку в форме распределения власти и ресурсов. Поэтому необходимо решить эти вопросы на началах справедливости.

Республика Дагестан, являющаяся самым многонациональным регионом Российской Федерации, также испытывает определенные проблемы в сфере выстраивания межэтнических отношений, связанные с социально-экономическими и политическими особенностями развития республики и функционирования республиканских институтов власти и управления. В то же время, республика обладает очевидным иммунитетом от серьезных межнациональных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов, что также исторически обусловлено особенностями развития региона. Даже само название республики – «Дагестан», то есть – «страна гор», - выбрано весьма удачно, поскольку не содержит упоминаний о какой-либо этнической группе. Благодаря этому, в республике сформировалась надэтническая идентичность «дагестанцев». Существует два определения «дагестанцев» - как представителей горских мусульманских народов республики и как представителей всех народов,

проживающих на территории республики, включая ногайцев, горских евреев, казаков и русских.

Отметим, что в современном Дагестане сформировалась политическая система, учитывающая сложный и пестрый этнический состав республики. Здесь усматривается определенная аналогия с концепцией А. Лейпхарта, предложившего идею общественной демократии. Ее ведущими принципами следует определить большую коалицию, автономию сегментов, пропорциональность, возможность использования права вето¹.

После того, как в Дагестане упразднили принцип коллегиальности управления и ввели президентскую должность, то важнейшим принципом консociональной демократии, который сохранился в политической системе Дагестана, оказался принцип пропорциональности в представительстве основных этнических групп. Однако в данной ситуации требуются оговорки, поскольку представительство всегда охватывало и охватывает сейчас лишь крупные этнические общности. Статусом титульных в республике обладают четырнадцать народов. Но эта цифра является явно заниженной. Имеет место существенная диспропорция между представительством крупным этносом и более малочисленных. Подобное положение очень осложняет межэтническую коммуникацию. Например, это касается ногайцев, фактически выключенных из политической жизни².

Важнейшим нюансом политической жизни Дагестана является чересполосица влияния, когда, например, муниципальные лидеры являются авторитетами для этнических сообществ, но мало связаны с

¹ *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М., 1997. С. 40.

² *Черкесов Б.А., Лобода О.Б.* Этнические конфликты как фактор нестабильности общества // *Международный журнал экспериментального образования.* – 2015. – № 11-5. – С. 721-726;

действующей региональной властью. Подобное положение отражает наличие неформальных связей в системе политического управления Дагестаном. Многие из чиновников верхних эшелонов власти практически никак не в состоянии влиять на низовые муниципальные структуры. При всей внешней демократичности данного процесса, на практике он оборачивается в жесткое противодействие и конфронтацию между муниципальными структурами за ресурсы, что, опять же, сопровождается этническими конфликтами.

Серьезным недостатком политической жизни современного Дагестана выступает отсутствие оппозиционных структур на разных уровнях власти. Это в известном смысле связано с социокультурными особенностями дагестанцев, которые, как указывают социологические опросы, негативно отнеслись к действиям внепарламентской оппозиции, которая выводила народ на протестные акции на Болотной и Манежной площадях. Хотя сами же дагестанцы недовольны действиями региональных и муниципальных властей¹. В некотором роде это приводит к отрицанию правильности всей политической системы, на которой сейчас зиждется политическое управление Дагестаном. Вот почему в данной республике сложились благоприятные условия для религиозного фундаментализма и сепаратизма.

Не в последнюю очередь всё это связано также и с отсутствием политических партий, которые были бы способны артикулировать интересы избирателей и формировать зоны социально-политической ответственности через систему предвыборных обязательств.

Резюмируя затронутые аспекты, можно тезисно определить наиболее значимые детерминанты, способствующие повышению этнополитической напряженности в регионе:

¹ *Мамараяев Р.М.* Факторы активизации протестного движения в Дагестане // Фундаментальные исследования - № 2-23 – 2015 – С. 5253-5256.

- 1) отсутствие равномерности возможностей политического, экономического и социального характера у разных этнических групп Дагестана;
- 2) несоблюдение принципа этнической паритетности при комплектовании органов власти в Дагестане;
- 3) борьба этнополитических элит Дагестана за власть и ресурсы;
- 4) наличие коррупции и злоупотреблений со стороны власти в органах республиканского управления;
- 5) демографический рост, обуславливающий перманентную миграцию населения из-за малоземелья;
- 6) противоречия между горными и районными народами за обладание земельными ресурсами;
- 7) рост радикализма и религиозного экстремизма в рядах молодежи Дагестана¹.

Говоря об этих проблемах, мы не можем пройти мимо изменений позитивного характера, связанных с применением новой национальной политики со стороны руководства республики. Прежде всего, они связаны с общей ориентацией на установление межэтнического и межконфессионального мира, добрососедских и деловых отношений между народами. Кроме того, в национальной политике Дагестана учитывается региональная специфика, этнические и конфессиональные традиции. И, что очень важно, состоялась выработка единой для Дагестана идентичности, учитывающей принцип надэтничности. Благодаря этому, разные народы Дагестана начинают ощущать себя единым целым, частью одного региона, дагестанцами².

¹ *Адиев А.З.* Этнополитические конфликты в Дагестане: особенности и механизмы урегулирования. Дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2009. С. 11.

² *Ханбабаев К.М.* Республика Дагестан в новых геополитических условиях: состояние и перспективы // Северный Кавказ: профилактика конфликтов. М., 2008. С. 17-35.

Социально-экономические и социально-политические проблемы Республики Дагестан обладают большим конфликтогенным потенциалом, который возрастает пропорционально ослаблению влияния гражданских институтов на республиканский политический процесс. Поскольку основная часть работы по профилактике и предотвращению потенциальных этнополитических конфликтов, урегулированию уже имеющихся конфликтных ситуаций, осуществляется исключительно дагестанскими органами власти и управления, определенная часть населения республики начинает считать противоконфликтные меры выгодными лишь государству. Особенно если речь идет о земельных спорах, лежащих в основе большинства современных этнополитических конфликтов в Дагестане и прямо связанных с экономическими интересами отдельных этнических групп дагестанского населения.

Споры, вызванные конкуренцией за земельные ресурсы, постепенно приобретают этнополитическую окраску, что связано с объединением противостоящих сторон исключительно на этнической основе. Этничность как главный фактор объединения участников конфликта способствует его политизации, к противостоянию по вопросам землепользования добавляются претензии политического характера, связанные, как правило, с обидами определенных этнических групп на политическую элиту республики, которую обвиняют в коррумпированности, клановости и потворстве интересам соплеменников. Дальнейшее развитие конфликта и возможность его урегулирования зависит от того, насколько мягко и, в то же время, эффективно, органы государственной власти смогут решить причины конфликтной ситуации. Большую роль играет также механизм организации переговорного процесса между участниками конфликтного противостояния.

Анализируя этнополитическую ситуацию в Дагестане, можно установить, что большинство этнополитических конфликтов связаны с

земельными спорами, то есть – имеют экономическую детерминацию. Однако, фактор этничности неизбежно рассматривается сторонами конфликта как очень важная его составляющая, что в конечном итоге приводит к политизации конфликта и его трансформации из экономического в этнический. Значительная часть земельных конфликтов, в свою очередь, связана с конкуренцией за земельные участки, пригодные для сельскохозяйственной деятельности, а также – для заселения.

Перенаселенность горных районов Дагестана и нехватка свободной земли усугубляют ситуацию и ужесточают конкуренцию за сельскохозяйственные земли среди представителей различных этнических групп республики. Как правило, конфликтные ситуации из-за земли в Дагестане наблюдаются в равнинных районах республики. К основным формам земельных конфликтов относятся, во-первых, конфликты вокруг пастбищ, используемых для отгонного скотоводства. Выходцы из горных районов республики, прежде всего аварцы и даргинцы, переселяются в равнинные районы Северного Дагестана, где занимают отгонные пастбища и, тем самым, покушаются на экономические интересы коренного населения равнинных районов – ногайцев и кумыков. Так возникает основная линия межэтнического противостояния на экономической основе – «равнинные этносы Дагестана против горных этносов Дагестана». Прежде, до массового переселения «горцев», данные конфликты практически были исключены – в хозяйственном отношении равнинные и горные этносы не пересекались.

Во-вторых, к достаточно распространенным конфликтам относятся споры из-за земель сельскохозяйственного назначения, которые отчуждаются государством и регионом под промышленное или рекреационное строительство. Данный тип земельных конфликтов характерен, в первую очередь, для прибрежных районов Дагестана – на берегу Каспийского моря, а также для ряда горных районов, где общинные

земли изымаются под строительство военных городков или объектов инфраструктуры.

В-третьих, земельные споры неизбежно перерастают в противостояние между коренным населением и мигрантами из горных районов. Причина тому – несовпадение менталитета, образа жизни, поведенческих установок горного и равнинного населения.

Еще одна линия конфликтов, детерминированных земельными спорами, может не носить межэтнического характера. Это – конкуренция за спорные участки земли между соседними сельскими общинами. Причем если спор носит внутриэтнический характер, то его гораздо проще урегулировать, обращаясь к посредничеству авторитетных в данной этнической группе политических, религиозных, культурных деятелей. Если спор происходит между двумя различными в этническом отношении сельскими общинами, то проблема его урегулирования существенно усложняется.

Следует отметить конфликтогенный характер проблемы переселенных и разделенных народов, которая неоднократно поднималась и на республиканском, и на федеральном уровнях. В первую очередь, эта проблема приводит к территориальным спорам между соседними этническими группами, особенно если какие-то из них были прежде переселены из других районов, либо вернулись из мест принудительной депортации. Многие межэтнические конфликты в Дагестане были связаны с нерациональной деятельностью административных органов республики. Так, одним из примеров непродуманной деятельности республиканских органов власти стала проблема вокруг переселения лакцев в Караман-Тюбе.

После принятия решения о переселении лакского населения Новолакского района на земли колхозов Лакского, Советского и Гунибского районов, расположенных на территории населенных кумыками

Буйнакского и Кизилюртовского районов. Землям нового расселения лакцев было присвоено название «Новолакский район», построены 7-8 сел для размещения лакского населения. Однако, поскольку земли, выделенные под поселение и хозяйствование лакцам, принадлежали прежде кумыкам – таркинцам, начались серьезные противоречия между кумыкским и лакским населением. Ситуацию удалось урегулировать только посредством образования Кумторкалинского района Дагестана с преимущественно кумыкским населением, после чего представители кумыков получили гарантированное республиканским руководством место главы администрации Кумторкалинского района.

Еще в 1992 г., в период массовых «парадов суверенитетов», сессия Верховного Совета Республики Дагестан признала наличие острой для республики проблемы разделенности лезгинского, аварского и цахурского народов. После распада Советского Союза часть представителей этих народов оказалась на территории соседнего Азербайджана, ставшего суверенным государством. Руководство Дагестана и Азербайджана обсудило вопросы развития двусторонних отношений и обеспечения прав и свобод лезгинского, аварского населения, представителей других народностей Дагестана, проживающих в Азербайджане. Со своей стороны руководство Дагестана обязалось гарантировать права и свободы азербайджанского населения, проживающего в ряде районов Южного Дагестана. В настоящее время в Дагестане защищаются права азербайджанцев, которые считаются одним из коренных, полноправных народов республики. В Дагестане действуют средства массовой информации на азербайджанском языке, введено преподавание азербайджанского языка в школах. При прежнем порядке формирования Народного Собрания Республики Дагестан представители азербайджанского населения обладали мандатами. Таким образом, интересы азербайджанского населения в Дагестане защищены, чего нельзя

сказать о проблемах дагестанских народов, проживающих на территории Азербайджана. Наличие разделенных народов является серьезным фактором обострения межэтнических отношений, благодаря которому усиливаются сепаратистские тенденции, в том числе стремление к выделению отдельного субъекта – Лезгистана. В начале 1990-х гг. межэтнические противоречия привели к столкновениям между лезгинами и азербайджанцами в г. Дербенте.

Многие этнополитические конфликты в современном Дагестане были спровоцированы отсутствием грамотной национальной политики органов власти и управления. Как отмечает И.С. Алипулатов, причиной конфликтов часто становится отсутствие системного мониторинга этнополитической ситуации в субъектах Российской Федерации¹. Недостаточно эффективно действуют и органы местного самоуправления, которые в современном мире должны приобретать все большую значимость в вопросах принятия управленческих решений, так как обладают наибольшей степенью информированности относительно нужд и потребностей местного населения, в том числе и касательно взаимоотношений между этническими группами, проживающими в муниципальных образованиях. Именно «низовой уровень» властной вертикали представляет наибольшую значимость в процессе профилактики и предупреждения межэтнических конфликтов и противоречий.

В ходе проведения профилактики, очень важно для пресечения конфликтов этнополитического характера довести до властей республики установку на внимательное отношение к проблемам жителей Дагестана. Органы исполнительной власти должны обратить внимание на самое основание проводимой национальной политики. Общественные деятели – заниматься практическими делами по решению противоречий. Как считает

¹ *Алипулатов И. С.* Национальный вопрос. Опыт. Проблемы. Перспективы [Текст] / И.С. Алипулатов // Молодой ученый. 2014. №19. С. 405-407.

А.З. Адиев, только в таком случае возможно достигнуть эффекта возрастания качества национальной политики, проводимой в Республике Дагестан¹. Важность справедливого и оперативного реагирования местных органов власти на проблемы граждан отмечает и президент Российской Федерации Владимир Путин. Именно системная профилактика, а не оперативные мероприятия федерального центра, играет важнейшую роль в предотвращении конфликтов на этнической и конфессиональной почве.

Планируемые программы и мероприятия по нормализации межэтнических отношений должны основываться на конкретной практике, осмыслении существующих проблем и противоречий, возможностей их преодоления. Обращение к местной специфике позволяет гораздо более оперативно и эффективно выявить конкретику конфликтной ситуации, наметить возможные пути ее урегулирования, установить контакт с противоборствующими сторонами. Таким образом, системной основой государственной национальной политики в Дагестане должна стать ее направленность на низовой уровень решения проблем этнических групп и общностей республики.

В то же время, важнейшее значение имеет и выработка долгосрочных целевых программ, в которых бы разрабатывались и определялись основные мероприятия, направленные на нормализацию отношений между этническими группами и народами региона. Также должна быть сформирована система информационного мониторинга, анализа и оценки текущей ситуации в сфере межэтнических и межнациональных отношений в республике².

Таким образом, обращаясь к подведению итогов настоящего параграфа, мы можем сделать следующие основополагающие выводы.

¹ Адиев А.З. Методология оценки эффективности государственной национальной политики // Вестник российской нации. 2013. №3-4. С 107-120.

² Там же.

К основным путям снижения межэтнической конкуренции и конфликтов в Республике Дагестан могут быть отнесены:

- 1) Повышение контроля органов власти и управления за землепользованием, земельными отношениями в Республике Дагестан, ориентация на учет интересов всех землепользователей в каждом конкретном земельном споре.
- 2) Совершенствование нормативно-правовой базы, выработка и реализация программ по эффективному противостоянию националистическим, сепаратистским, экстремистским, религиозно-экстремистским настроениям на территории Республики Дагестан. Наибольшее внимание должно быть уделено борьбе с созданием радикальных вооруженных формирований.
- 3) Урегулирование проблемы разделенных народов, проживающих на территории Республики Дагестан и сопредельных регионов Российской Федерации и суверенных государств Закавказья. Необходимо развитие на межгосударственном уровне программ и проектов по улучшению качества жизни разделенных народов, обеспечению их прав и свобод, в том числе и на регулярную коммуникацию с соплеменниками в других государствах.
- 4) Разрешение проблем депортированных и переселенных народов, с особым упором на сохранение существующего этнического и экономического паритета. Права депортированных народов не должны защищаться за счет прав и свобод других народов, расселенных на данных территориях в годы депортации.
- 5) Мероприятия, направленные против оттока русского и русскоязычного населения из Республики Дагестан. Они должны включать не только мероприятия первого пункта, направленные на борьбу с терроризмом и экстремизмом, но и развитие русского языка, русскоязычных школ в республике.

- 6) Повышение социально-экономического благосостояния населения Республики Дагестан, что тесно связано с улучшением инвестиционного климата в республике, созданием рабочих мест, развитием коммуникационной инфраструктуры и другими компонентами социально-экономической модернизации дагестанского общества.
- 7) Модернизация системы воспитания и образования в республике, повышение в образовательных программах компонента, направленного на развитие культуры межнациональных отношений, уважительного отношения к другим этносам и конфессиональным общностям, изучения различных религий и народов, проживающих на территории Республики Дагестан и Российской Федерации в целом.
- 8) Укрепление кадрового потенциала органов власти и управления Республики Дагестан, в первую очередь посредством подбора кадров по меритократическому принципу, с обязательным соблюдением принципов этнического представительства, исключающих возможность «этномонополизации» органов власти и управления.
- 9) Повышение ответственности работников органов власти и управления, борьба с коррупцией на региональном и муниципальном уровнях, с проявлениями клановости и трайбализма в деятельности органов власти и управления.
- 10) Повышение и развитие самостоятельности, прав и компетенций органов местного самоуправления, в том числе в направлении профилактики и урегулирования этнополитических конфликтов на местном уровне, активное привлечение общественных организаций и граждан к деятельности органов местного самоуправления.

Поскольку именно земельные споры чаще всего являются причиной развития этнополитических конфликтов в современном Дагестане, в

качестве важнейшего фактора профилактики этнополитических конфликтов в республике выступает грамотная и взвешенная политика руководства региона в сфере организации землепользования и землеустройства.

Второй важнейший фактор профилактики – развитие инфраструктуры в горных районах Дагестана, что способствовало бы сокращению массовой миграции населения из горных районов в равнинный Дагестан.

4.2. Основные пути и механизмы разрешения межнациональных противоречий в Республике Дагестан

В Республике Дагестан – наиболее полиэтничном регионе Российской Федерации – проблема межэтнических отношений занимает одно из важнейших мест в политической жизни. Для системы государственного управления в Республике Дагестан совершенствование системы управления межнациональными отношениями является крайне актуальной и политически значимой задачей. Именно с эффективностью системы управления межнациональными отношениями связывается и возможность преодоления этнополитических конфликтов, имеющих место на территории республики.

Возникновение многочисленных этнополитических конфликтов в Республике Дагестан может рассматриваться как одно из последствий модернизационных процессов в жизни дагестанских обществ. По мере социальной модернизации Дагестана происходило формирование и укрепление этнической идентичности у народов республики. На протяжении известной нам истории Дагестана не было примеров межнациональных войн и даже серьезных конфликтов. И это при том, что

Дагестан всегда характеризовался малоземельем, перенаселенностью, а проживавшие на его территории народы отличались значительной воинственностью, свойственной многим этносам, проживающим в горных районах. В течение столетий на территории Дагестана складывались четкие правила поведения, характерные для местных гражданских общин и характеризующиеся развитыми технологиями конвенциональных действий.

Следует отметить, что на протяжении всей истории Дагестана не было известно о существовании каких-либо этнических территорий. То есть, каждая из дагестанских народностей, проживая на территории страны, в то же время не имела собственной национальной территории. Селения народов Дагестана были перемешаны, что исключало возможность выделения из Дагестана территорий компактного проживания каких-либо этносов. Отсутствие собственных территорий означало исключение возможности присоединения каких-либо инонациональных территорий, соответственно ликвидировалась и возможность конфликтов на данной почве. Как правило, большинство вооруженных конфликтов между общинами и феодальными владениями носили экономический или политический характер и были полностью лишены этнической подоплеки.

Этнический фактор в истории средневекового Дагестана, Дагестана Нового времени, Дагестана в составе Российской империи, практически отсутствовал. Спорные вопросы не имели отношения к сфере межэтнических отношений и решались, исходя из существующей правовой практики. Фактически, этничность в Дагестане в досоветский период проявляла себя исключительно в культурно-языковой сфере и практически не выходила за границы культурного и языкового поля. Смешанный этнический состав населения Дагестана способствовал выдвиганию на первостепенные позиции не военного, а правового метода решения

существующих проблем и противоречий. Соответственно, правовым путем решались и существующие территориальные споры. Как известно, в течение двух последних столетий Россию не раз сотрясали радикальные социальные преобразования, однако на состоянии межнациональных отношений в Дагестане они практически не отражались.

Границы общинных владений не подлежали пересмотру ни в имамате Шамиля, ни в Российской империи, ни в Советском Союзе. Исключением стал передел границ, связанный с депортацией чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию. Поскольку одна из групп чеченского народа – чеченцы – аккинцы – проживала на территории Дагестана, то депортация, таким образом, затронула и специфику административно-территориального деления республики. Именно со второй половины XX в. начинается усложнение межнациональных и межэтнических отношений в Дагестане, связанное с депортацией и ее последствиями, затем – с распадом Советского Союза и началом процесса «ренессанса этнической идентичности» в национальных республиках. Не стал исключением и Дагестан, где ряд этнических групп стал заявлять претензии на обретение собственной территории и даже выход из состава Дагестана (ногайцы, кумыки, лезгины).

Трансформации, произошедшие на постсоветском пространстве, оказали свое воздействие и на политическую ситуацию в Дагестане, не обойдя стороной межэтнические и межнациональные отношения. После распада Советского Союза Дагестан оказался вовлеченным в этнополитические конфликты, которые стали важнейшим фактором, дестабилизирующим политическую ситуацию в данной республике. Всё это приводит к актуализации необходимости выработки действенных механизмов, способных урегулировать существующие этнополитические конфликты и осуществлять профилактику против того, чтобы возникали новые конфликты на этнической основе.

Намечая возможные пути, направленные на преодоление межэтнических конфликтов в регионе, обуславливающих общую этнополитическую напряженность, в первую очередь, нам необходимо обратить внимание на нормативно-правовые условия, создаваемые для реформирования законодательства соответствующих сфер деятельности общества Дагестана. Как мы уже неоднократно упоминали, основная причина конфликтов в Дагестане – это многочисленные споры пользования землей. Следовательно, важнейшим способом решения указанной проблемы могло бы стать реформирование законодательства в области земельных правоотношений, как важнейший профилактический акт. Законодательная реформа могла бы также подкрепиться определенными действиями административного характера, связанных с поиском межэтнического баланса. Предложенное администрирование должно быть основано только на актах нормативного характера, не выходя за их пределы. Как указывает Э.Т. Майборода, сейчас возможно сочетание двух основных управленческих способа. Первый из них, это реактивное администрирование, которое подразумевает процесс оперативного реагирования на определенное событие, в числе которого можно рассматривать и этнополитический конфликт. Второй способ – это проективное администрирование, которое обычно реализуется через долгосрочное планирование и системный контроль за реализацией принятых управленцами решений¹.

Если говорить конкретнее, то в числе мер административно-управленческого типа, которые предпринимаются в целях профилактики или урегулирования конфликтов этнополитического характера, следует назвать контроль над печатными и электронными СМИ, издательствами, потоками осуществления финансирования социально-политических

¹ *Майборода Э.Т.* Управление региональными этнополитическими процессами в условиях реполитизации этничности // Вестник Южного научного центра РАН. 2008. №1. С.74-80.

организаций и объединений. Функционирование СМИ, ориентированных на разжигание межэтнических противоречий, поощрение сепаратизма, религиозного экстремизма, должно соответствующими органами в установленном порядке пресекаться.

Учитывая этнокультурную специфику северокавказского региона, не следует игнорировать такой важнейший рычаг нормализации ситуации в республиках, как привлечение к разрешению конфликтных ситуаций в качестве арбитров «уважаемых людей» - от общинных старейшин до депутатов Государственной Думы, известных в регионе и в Российской Федерации политиков, деятелей культуры, искусства и науки. История знает немало примеров позитивных последствий, явившихся следствием апелляции как раз к авторитету «уважаемых людей». Поскольку в современном Дагестане пока не может идти речь о формировании института профессионального миротворчества, в качестве посредников при переговорах конфликтующих сторон здесь, чаще всего, выступают авторитетные люди, вне зависимости от наличия или отсутствия у них официального статуса.

Как правило, именно вмешательство авторитетных лиц позволяет преодолеть многие конфликтные ситуации, которые без привлечения сторонних «миротворцев» могли бы перейти в стадию открытого противостояния. В качестве примера урегулирования существующего этнополитического конфликта в Дагестане, можно привести решение проблемы чеченцев – аккинцев, уже затронутое нами выше. 29 августа 2007 г. в селении Калинин-аул Казбековского района Республики Дагестан произошли столкновения между чеченцами-аккинцами и аварцами.

Чтобы не допустить перерастания начавшегося конфликта в более серьезную фазу, в Калинин-аул прибыли пользующиеся авторитетом у местного населения политики – бывший депутат Государственной Думы Российской Федерации Г. Махачев, глава администрации Хасавюрта

С. Умаханов и представитель чеченской общины в Государственном Совете Дагестана Э. Джабраилов. Были проведены переговоры с участием представителей органов власти и религиозных деятелей, что привело к началу процесса примирения сторон и значительно снизило уровень напряженности в отношениях между чеченским и аварским населением Казбековского района¹.

Как мы видим, важнейшая роль при урегулировании этнических конфликтов в Республике Дагестан принадлежит традиционной дипломатии. Горские общества сохранили выработанные столетия назад механизм, направленный на умиротворение конфликтующих сторон в целях достижения компромисса. В первую очередь, мы имеем в виду такие миротворческие практики, как привлечение для урегулирования противоборства старейшин, авторитетов джамаата, а также политиков, которые всё чаще становятся субъектами традиционных политических отношений.

Для нас в данном ракурсе очень важным представляется рассмотреть институт маслаата, как выработанную технологию разрешения конфликтов. Он предполагает такую коммуникацию, которая конечной целью имеет достижение компромисса с помощью такого посредника, как «маслаатчи».

Роль посредников может принадлежать только особо авторитетным людям, уважаемым большинством членов общества. Как правило, это политики, религиозные деятели, пользующиеся наибольшим влиянием в гражданских общинах. Маслаат используется для улаживания конфликтов на самых разных уровнях: бытовом, где произошли самые заурядные столкновения хозяйственных или каких-то иных интересов личностей либо

¹ Агузаров М. Драка между дагестанцами и чеченцами // АиФ в Дагестане. 2007. № 36.

целых родов, и вплоть до самых масштабных конфликтов, имеющих политический характер¹.

Маслаат был обусловлен особенностями социокультурных отношений обществ Северного Кавказа, и в их числе – дагестанских народов. Поскольку традиционный уклад был основан на общинных отношениях, то маслаат оказался идеальным институтом для решения конфликтов. Его значимость и органичность была доказана тем, что даже в течение последних десятилетий – советской эпохи и постсоветской – маслаат не исчез, а, наоборот, воспринимается в наши дни горскими народами в качестве действенного механизма преодоления конфликтов. Маслаат существует не только благодаря общине, но и вследствие сохранения в Дагестане шариата и адатов. Норм этих социальных регуляторов крайне суровы, поэтому маслаат обеспечивал легитимность их применения для массового сознания. Данный институт применялся для решения споров по убийствам, похищениям женщин, а также по земельным спорам, которые особенно последние два десятилетия стали одной из самых болезненных тем.

Пожалуй, именно маслаат представлял собой наиболее совершенную форму миротворчества, исторически сложившуюся на дагестанской земле. Благодаря обращению к практике маслаата, как сообщают исследователи, сторонам конфликта получалось прийти к компромиссу². Особую роль маслаат сыграл в разрешении конфликтов, которые были связаны с применением кровной мести. В рамках института маслаата решался вопрос о том, какую моральную компенсацию получала пострадавшая сторона.

¹ Алиев А.К., Юсупова Г.И. Миротворчество и народная дипломатия на Северном Кавказе. – Махачкала, 2002. С.118.

² Микогазиева С.М. Восстановительное правосудие: история и реальность Республики Дагестан – [Электронный ресурс] – Режим доступа: - // <http://www.scienceforum.ru/2015/1357/14665>

Обычна такого рода компенсация состояла сложного комплекса приносимых извинений.

Маслаат был эффективен тем, что подлежал немедленному исполнению. Игнорирование его решения рассматривалось в качестве тягчайшего преступления. Это особенно сыграло значимую роль в предотвращении кровной мести, которая могла бы при иных обстоятельствах принимать совершенно неконтролируемые масштабы. В каждой этнической группе Дагестана были свои особенности применения данного института. Официальные власти ни в дореволюционный, ни в советский, ни в современный период не признавали маслаат в качестве официального законодательства, однако игнорировать его или даже совсем обойтись без его применения не могли¹.

Ключевым принципом, на котором базируется практика маслаата, является медиация – использование третьей стороны, способного рассудить конфликтующие стороны без предвзятости в пользу какой-либо стороны. Межличностные и внутриобщинные конфликты в Дагестане, как правило, решались посредством привлечения в качестве третейских судей религиозных авторитетов. Что касается межобщинных конфликтов, то привлечение третьей стороны подразумевало обращение к общине, не замешанной в конкретном конфликте. Как правило, в этом случае конфликтующие стороны обращались за помощью в разрешении конфликтной ситуации к представителям другого джамаата, известного честностью и объективностью при рассмотрении подобных обращений. Вмешательство сторонних сил было способно предотвратить масштабное кровопролитие. Так, в качестве примера часто приводят выступление в качестве третейского судьи кайтагского уцмийа, которому удалось рассудить имевший место в XIX веке земельный конфликт между

¹ *Магомедсалихов Х.Г.* Традиционные формы разрешения конфликтов у аварцев в XIX - начале XX века. Дис. ... канд.ист.наук. Махачкала, 2003. С. 144.

жителями селений Кубачи и Калакорейш. В результате этого конфликта погибло 40 человек и только уцмий смог его разрешить, постановив отдать спорную территорию – гору с хорошим пастбищем – жителям селения Кубачи, в знак компенсации за пролитую кровь¹.

Включение Дагестана в состав России, а также связанное с этим имплементация официального законодательства в практику судебного разбирательства, местными сообществами было встречено настороженно. Слишком много новшеств предлагалось российской администрацией, в том числе в юридическом плане. Поэтому там, где местное население не смогло смириться с чуждой ей практикой правоприменения, продолжали действовать местные правовые обычаи, а также институты, связанные с их применением.

После того, как спался СССР, унификационный пресс ослабил свое давление. Федеральная власть перестала пристально следить за тем, что происходит на окраинах государства. Поэтому местные обычаи стали повсеместно возрождаться. Основной объем дел начинает рассматриваться с учетом мнения или прямого действия совета старейшин. Это приносило свои позитивные результаты, да и не требовало от людей обременительного формализма. В этом смысле, Дагестан даже имел свои преимущества перед другими регионами России, где медиационные процедуры давно исчезли.

Рост количества этнополитических конфликтов на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане, заставляет и властные структуры, и научный мир обратиться к поиску наиболее совершенных и адекватных современным условиям механизмов урегулирования конфликтных ситуаций. По мнению В.А. Авксентьева, все чаще ученые и политики

¹ *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. В 3-х т. М., 1996. Т. 1. С. 7

обращаются к концепту трансформации конфликта¹. Под трансформацией конфликта подразумевается долговременная миротворческая деятельность, направленная на использование конфликтной энергии в более позитивных целях. Благодаря трансформации конфликта удается разрешить конфликт, трансформировав его энергию в конструктивное русло, или, в крайнем случае, значительно минимизировать накал противостояния сторон. Задачей трансформации конфликта в более глубоком смысле может рассматриваться ликвидация структурного и культурного насилия в процессе установления взаимоуважительной коммуникации между властью и обществом. Любая конфликтная ситуация значительно усложняется в случае отсутствия конструктивного взаимодействия властных и общественных структур. Поэтому преодоление конфликта подразумевает и необходимость обращения к «правоте масс», возможность разрешения конфликтной ситуации посредством изменений в системе взаимодействия власти и общества. Диалог «власть – общество» в условиях привлечения традиционных социальных структур может способствовать не только решению многочисленных противоречий, но и углублению демократических преобразований.

Урегулирование этнополитических конфликтов в Республике Дагестан не может осуществляться посредством использования лишь тех механизмов, которые были эффективны в других регионах Российской Федерации. Учитывая сложную специфику Северного Кавказа, без обращения к традиционным формам разрешения конфликтных ситуаций действия власти в направлении разрешения конфликтов могут остаться односторонними и не имеющими реальных позитивных последствий. Для руководителей и работников органов государственной власти и управления характерно несколько высокомерное отношение к населению и

¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С.73.

низовым социальным структурам, поскольку рядовые граждане часто рассматриваются лишь как объект политического влияния, рассматриваемого, прежде всего, в манипуляционном ключе. Поэтому даже в Дагестане власть не верит в потенциал местных низовых социальных структур, особенно в области разрешения конфликтных ситуаций. Однако местные общины, их авторитетные и рядовые представители, утверждают, что именно джамааты способны играть важнейшую роль в социально-политической жизни страны в качестве механизмов миротворческого процесса. Для оптимизации усилий государства в направлении совершенствования противоконфликтных мер в Дагестане, как и в других регионах страны, необходимо более активное взаимодействие с низовыми социальными структурами.

Большую значимость в социально-политической жизни современного Дагестана сохраняют религиозные организации. Несмотря на семь десятилетий принудительной секуляризации северокавказских обществ, влияние религиозных институтов на социальную жизнь Северного Кавказа, особенно его восточной части – Чечни и Дагестана – остается крайне значимым. Подавляющее большинство дагестанского населения, являясь мусульманами по вероисповеданию, сохраняют уважение к традиционным религиозным институтам. Участие религиозных авторитетов в профилактике и предотвращении конфликтных ситуаций в сфере межэтнических отношений представляется необходимой задачей, особенно в тех ситуациях, когда участники конфликта принадлежат к одному религиозному направлению. В то же время, не следует забывать о наличии такого потенциально конфликтного фактора как деятельность на территории Республики Дагестан религиозно-экстремистских организаций. Этот вопрос мы освещали выше, в предыдущих параграфах работы, но в контексте настоящего параграфа необходимо отметить, что федеральным и региональным властям следует тщательно отслеживать

религиозную ситуацию в Дагестане и разделять традиционные религиозные институты дагестанского общества и появившиеся в постсоветский период радикальные структуры, часто обладающие собственной развитой инфраструктурой культовых учреждений и претендующие на некий духовный авторитет в дагестанском обществе.

Таким образом, мы можем отметить, что в современном Дагестане демонстрируют свою действенность и актуальность традиционные механизмы миротворчества и разрешения конфликтных ситуаций. Между тем, рассчитывать только на практики традиционного характера при разрешении конфликтов среди этносов сейчас нельзя. Политическая и социально-экономическая ситуация в Дагестане сложная, что обуславливает необходимость формировать комплексный подход, способный адекватно сочетать компоненты традиционализма и инновационные практики. Но всё это станет возможным лишь в условиях эффективно работающей государственной власти.

Выводы из написанного могут быть следующие. Прежде всего, необходимо указать на то, что миротворческие механизмы в Дагестане наиболее успешно зарекомендовали себя там, где сочетаются как современные, так и традиционные механизмы разрешения конфликтов. Кроме того, укрепление эффективности миротворческого процесса объективно может быть достигнуто лишь при взаимном дополнении преимуществ гражданского общества и укреплении толерантной ментальности в межнациональных отношениях. Все это должно стать основанием для формирования сложной системы профилактических мероприятий, направленных на преодоление этнических конфликтов. Элементами такой профилактической системы могут быть и традиционные практики: народная дипломатия, маслаат, куначеские отношения, и формально-правовые механизмы современного типа. В последнем случае обязательным условием следует считать утверждение подлинного

равноправия в применении российского законодательства между народами Дагестана.

Не нужно также забывать значение социально-экономического аспекта нашей проблематики, без учета которого профилактика межнациональных и межэтнических конфликтов в Дагестане окажется безуспешной. Прежде всего, необходимо улучшить общий уровень жизни, сделать его выше. Должно быть на более высокий уровень поставлено социальное обеспечение региона. Необходимо, наконец, выработать прозрачную политику в отношении малоземелья, выступающего в качестве важнейшего фактора, дестабилизирующего отношения между горскими и равнинными народами Дагестана. Те районы Дагестана, которые признаются наименее благополучными и, соответственно, потенциально конфликтогенными, должны быть признаны объектом особого внимания и заботы от стороны органов власти: регионального и федерального уровней. Можно предположить, что основные инвестиционные потоки по федеральным и региональным программам следует направить именно в эти регионы, чтобы привести к среднероссийской норме состояние социального обеспечения. Этнический фактор необходимо учитывать при реализации социальных программ в республике.

Важную роль в предупреждении межнациональных и межэтнических противоречий играет демократизация социально-политической жизни в республике, в том числе за счет совмещения современных форм политической демократии с традиционными формами социальной самоорганизации и самоконтроля дагестанских обществ. Именно на усмотрение органов местного самоуправления должны отдаваться вопросы использования земельных ресурсов, ведения хозяйства, играющие ключевую роль для экономической жизни местного населения. Федеральному центру следует более внимательно и мягко подходить к

чаяниям народов республики, в том числе и в направлении создания национально-культурных автономий.

Культурная деятельность также играет важную роль в укреплении межнационального и межэтнического мира на Северном Кавказе, в том числе и в Республике Дагестан. Одной из главных проблем, с которыми сталкивается целый ряд малых народов республики, является постепенная языковая и культурная ассимиляция более крупными народами. Опасения за будущее своих этносов приводят представителей последних к изоляционистским и даже сепаратистским настроениям. Между тем, профилактика распространения подобных настроений достаточно легка и заключается в создании нормальных условий для функционирования национальных культур и языков. Защита малых народов республики должна находиться не только в компетенции региональных властей, но и быть предметом постоянного и пристального внимания со стороны федерального центра.

Федеральная и региональная власти также должны выработать четкий механизм оперативного вмешательства в возникающие этнические конфликты. Причем желательно так, чтобы вмешательство приводило к их погашениям уже на начальной стадии. Мы считаем, что сделать это будет возможно, если использовать должным образом традиционные посреднические структуры. В числе таковых наилучшим образом себя зарекомендовал институт маслаата. Вполне допустимо, и даже весьма желательно, чтобы была выстроена четкая сеть региональных структур, куда бы входили представители от общин, от национально-культурных автономий, этнических диаспор, религиозных организаций. Традиционная составляющая в системе профилактических мер является чрезвычайно важной, поэтому федеральные власти должны научиться широко ее использовать.

На основании анализа политической ситуации в Дагестане в течение последнего десятилетия, мы можем сделать вывод об укреплении тенденции к управляемости конфликтных ситуаций в республике. Благодаря привлечению традиционных общественных и религиозных структур и отдельных авторитетных лидеров, удалось разрешить многие конфликтные ситуации, предотвратив их перерастание в стадию открытого противостояния. Не исключено, что впоследствии именно Республика Дагестан, учитывая большой опыт преодоления межнациональных и межэтнических противоречий, будет в данной сфере примером и для других регионов Российской Федерации.

4.3. Роль органов власти в снижении межнациональной конкуренции в Республике Дагестан

Важнейшую роль в системе межэтнических отношений в Дагестане играет даже не столько этноконфессиональный фактор, сколько экономическая составляющая общественной жизни.

Особенности ведения хозяйства этническими группами республики, во многом, и детерминируют характер межэтнических и межнациональных отношений в регионе. Учитывая исторический контекст и сложность межнациональных отношений в Дагестане необходимо создать не имеющую аналогов систему управления. В этой системе принцип этнической принадлежности используется «во благо» укрепления общей стабильности республики – прежде всего, при распределении должностей. Система квотирования по этническому принципу, существующая в Дагестане, является защитным механизмом против монополизации власти в руках какой-либо одной этнической группы и препятствует возникновению в республике этнократии.

Существующая система управления ориентирована на то, чтобы поддерживать непростое равновесие между этническими группами, которое достигается посредством усилий, применяемых административными структурами республики. В Дагестане проживает множество национальностей разных социокультурных укладов. Поэтому политика власти должна учитывать самые разнообразные проявления аспектов рассматриваемых проблем: нормативно-правовой, административно-политический, экономический и социокультурный, обеспечивающий в совокупности этнический паритет для поддержания мира между дагестанскими этносами.

Важнейшая роль принадлежит системе этнического квотирования. Эта система еще не так давно на самом высоком уровне отражалась в наличии особого коллегиального органа регионального управления – Государственного Совета, состоящего из четырнадцати членов¹. Каждый из участников данного органа представлял интересы одного из четырнадцати ведущих титульных дагестанских этносов.

Избрание Государственного Совета Дагестана осуществлялось Конституционным Собранием Республики, которое, в свою очередь, тоже формировалось по квотному признаку, отражающему этнический состав субъекта федерации. Главой республики был Председатель Государственного Совета, обладавший необходимой властью для реализации своих полномочий. В 2006 году учредили президентский пост, а в 2011 году, то есть спустя пять лет после реформы, должность Президенты оказалась упраздненной и заменена на пост Главы Республики Дагестан. В постсоветский период главами Дагестана всегда избирались либо аварцы, либо даргинцы.

¹ Труженикова Л.А. Республика Дагестан в конце XX – начале XXI в.: эволюция высшей государственной власти - Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки - № 4 – 2008. С. 74-78.

Как считает Яцека Залесны, Дагестан изменил форму правления, отказавшись от коллегиального принципа управления в пользу президентского¹. Данная трансформация не могло не сказаться на этнических отношениях. Появилась возможность превратить фигуру президента в надклановую, которая могла бы возвыситься над этническими интересами какой-то отдельной группы².

Вопреки работе системы государственного управления в республике Дагестане партнерская модель приобретает большое значение для стабилизации этнических конфликтов³.

Надо отметить, что центральная власть поступила очень мудро, не настаивая на необходимости унифицировать управленческую модель, сложившуюся в Дагестане, на формат общероссийского единого стандарта. Очевидно, было понято, что коллегиальность, направленная на формирования этнического паритета, служит мощнейшим гарантом против эскалации противоречий в потенциально взрывоопасном регионе. Между тем, достаточно вспомнить, что ещё в 90-е годы, то есть не так давно, в Дагестане активно создавались партии по этническому принципу (кумыки, лезгины), ставящие своей задачей выход из состава республики⁴.

Говоря о государственной политике, важно отметить такое ее существенное упущение периода 90-х годов, как игнорирование вопросов создание единой российской общегражданской идентичности. Сейчас эта проблема является в высшей степени актуальной именно для организации

¹ Залесны Я. Особенности системы государственной власти в Республике Дагестан – Юридическая наука. № 2. 2015. – С. 24-32.

² Тишков, В.А. Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / В.А. Тишков, В.В. Степанов ; под ред. В.В. Степанова. - М.: Ставрополь ; Пятигорск, 2013.

³ Дадурев М.А. Субъекты управления политическими процессами на субнациональном уровне в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития - № 3 – 2014. С. 227-232.

⁴ Кисриев Э.Ф. Национальность и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998. С. 32-33.

соответствующей политики со стороны властных органов¹. В Дагестане проблема усугубилось массовым переселением горских народов на равнину, что привело к столкновению интересов между разными этносами. Особенно это активно стало происходить в постсоветские годы, хотя активно началось уже в 60-е годы в СССР².

Столкнувшись с серьезными проблемами, особенно со стороны таких этносов, считающих себя "обиженными", как кумыки, лезгины, ногаи, российская власть начала применять разнообразные формы управления: от силовых, когда сталкивалась с проявлениями сепаратизма, до компромиссных.

В целом, мы можем указать на несколько видов стратегий, которые применялись на территории Северного Кавказа центральной властью. Рассмотрим их более обстоятельно. В первую очередь, выделим силовую стратегию, которая была традиционной в Российской империи, в Советском Союзе и, в меньшей степени, в России постсоветского периода. С точки зрения подхода силовых конфликты межэтнического характера оцениваются в качестве продукта деятельности определенных групп экстремистов. Их ликвидация должна, как считают участники стратегии, повлечь за собой и прекращение самих конфликтов

Следовательно, силовая стратегия обуславливается намерением радикально решить ситуацию, которая вышла из-под контроля и объективно может привести к дальнейшему усугублению проблем межэтнического взаимодействия. Эта стратегия также используется в условиях уверенности власти в том, что ее удастся реализовать на практике. При этом стороны конфликты не рассматриваются в качестве

¹ *Омаров М.А.* Этническое многообразие как фактор формирования российской идентичности - Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, - № 6 – 2012 - С. 99-108.

² *Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. - СПб: Петербургское Востоковедение, 2011.-448 с.

полноценных политических субъектов. Здесь нет места переговорам, компромиссным соглашениям, убеждения в возможности достижения гражданского мира.

Вряд ли следует оценивать использование силовой стратегии подавления сепаратистских или радикальных движений в национальных регионах с позиций морально-этической оценки. Дело в том, что сама природа феномена государства не позволяет ему приступить к кардинально иной модели поведения в отношении сепаратистских и радикальных группировок. Ослабление контроля над территориями государства является одним из главных признаков общего упадка государственной власти. Соответственно, способность к подавлению покушений на территориальную целостность государства воспринимается как проявление его мощи, без обращения к силовой составляющей поддержания территориальной целостности государство рискует ослабнуть и даже прекратить свое существование. Поскольку территория является важнейшим компонентом государства, без которого государство просто не может существовать, стремление государства к сохранению контроля над собственной территорией лежит в основе его выживаемости как политического субъекта.

Этнонационалистические и сепаратистские движения могут возникнуть в большинстве современных государств, которые имеют полиэтничный состав населения. Это всё часть современной жизни, где процессы национального самосознания резко активизировались благодаря общему ускорению темпов социальной жизни. Поэтому то, насколько применяемые властью методы борьбы с этими явлениями эффективны – является мощным индикатором общей успешности и политической стабильности государства.

Как считает В.А. Авксентьев, успешность в урегулировании этнополитических конфликтов, в основе которых лежат сепаратистские

проявления, зависит от ряда организованных действий. Прежде всего, власти следует исходить из понимания, что полное искоренение сепаратизма невозможно. Его необходимо маргинализировать и локализовать, иными словами, отправить его на обочину политической жизни. Кроме того, власть должна исходить из понимания, что сепаратизм порождается неудовлетворительностью существования какого-то отдельного этноса или группы этносов. И, наконец, многонациональное государство должно пройти путь федерализации, т.к. унитаризм неизбежно приведет к росту этнического недовольства. Немаловажным также следует считать реакцию международной общественности, которая в определенном ракурсе также может оказать свою помощь в борьбе с сепаратизмом¹.

Важнейший залог решения этнополитического конфликта, вызванного сепаратизмом, заключается в способности его субъектов вести взвешенный диалог с целью решить существующие противоречия. Сложности при урегулировании таких противоречий, как нам представляется, не может означать невозможность соглашения между субъектами конфликта. Относительно же главной проблемы, которая неизбежно всплывает в ходе ведения переговоров, то ее следует сформулировать через принцип сакрализации территории проживания этноса. Здесь имеет место некая символизация места проживания, характерная для всех народов. Данное обстоятельство выводит этнические конфликты на уровень высокой степени эмоциональности, что, нередко, выступает в качестве фактора, препятствующего его быстрому разрешению.

Конфликты данного рода не решаются только силовыми способами. Один из наиболее применяемых – административно-политический метод.

¹ *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь. 2001.

Обращаясь к специфике Республики Дагестан, следует отметить факт существования целого ряда проблем, способных в конечном итоге привести к серьезным конфликтным ситуациям. Так, конфликтогенным потенциалом обладают следующие факторы:

- 1) Низкий уровень социально-экономического благополучия населения Республики Дагестан, обусловленный общей экономической отсталостью республики на фоне более благополучных регионов Российской Федерации.
- 2) Недостаточный уровень развития социальной, экономической, культурной инфраструктуры в Республике Дагестан, что тесно связано с предыдущим фактором и, во многом, является одной из его детерминант.
- 3) Деятельность на территории Дагестана радикальных религиозно-экстремистских группировок, в том числе и связанных с международными террористическими организациями.
- 4) Нерешенная до конца проблема восстановления Ауховского района, переселение лакцев, проживающих в Новолакском районе, на новое место жительства и заселение в Ауховский район чеченцев-аккинцев.
- 5) Проблема заселения выходцами с горных районов республики равнинного Дагестана и связанное с этим явление недовольство кумыкского, ногайского, казачьего, русского населения равнинного Дагестана.
- 6) Разделенность лезгинского народа, проживающего на юге Республики Дагестан и на севере суверенного Азербайджана.
- 7) Незавершенность реформ государственного и муниципального управления в Республике Дагестан, высокий уровень коррупции и злоупотребления полномочиями со стороны государственных и

муниципальных служащих, клановость и кумовство в органах власти и управления.

Естественно, что перечисленные выше проблемы требуют решения, особенно в контексте преодоления этнотерриториальных споров и разногласий. Встает вопрос о необходимости органичной модернизации системы государственного и муниципального управления в Республике Дагестан, позволяющей эффективно сочетать традиционные и инновационные компоненты в социально-политической практике. В первую очередь, необходимо отметить, что для Республики Дагестан важнейшую роль играет именно сфера межнациональных и межэтнических отношений, что требует повышенного к ней внимания со стороны и федеральных, и региональных органов власти и управления. Несмотря на то, что в настоящее время политическая ситуация в Дагестане, в том числе и в сфере межэтнических отношений, характеризуется относительной стабильностью, сфера межэтнических отношений в республике нуждается в постоянном мониторинге и анализе. Органы государственной власти и управления не могут эффективно осуществлять свою деятельность, не обращаясь к консультациям научного сообщества. Соответственно, исследовательские структуры, занимающиеся анализом и мониторингом межэтнических отношений в республике, должны быть интегрированы в процесс регионального управления.

Вторым важнейшим компонентом стратегии национальной политики Дагестана должна оставаться линия на включенность национальной политики республики в федеральную национальную политику. В настоящее время стержнем дагестанской национальной политики является гармоничное соединение этнических и республиканских интересов с федеральными интересами. Конструктивное сотрудничество между такими уровнями социальной и политической организации как этнос и этнические общины – районные администрации – республиканское руководство –

федеральные органы власти и управления, является основой реализации эффективной национальной политики в регионе.

Важнейшим аспектом проблемы следует назвать взаимодействие органов государственной власти Республики Дагестан и некоммерческих общественных организаций. Мы полагаем, что НКО потенциально способны, с учетом условий этнополитической специфики данного субъекта федерации, играть заметную роль в области межнационального взаимодействия, выступая в роли арбитров по урегулированию этнополитических конфликтов. Значимость НКО в качестве институциональной основы гражданского общества состоит в том, что они потенциально способны быть посредниками между государством и социумом. Сделать это можно на основе существующей нормативно-правовой базы, которая позволит наладить контакты между государственными органами и некоммерческими организациями.

Специфика данного взаимодействия регулируется Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Дагестан республиканским законом «О взаимодействии органов государственной власти Республики Дагестан с негосударственными некоммерческими организациями», федеральными законами «О некоммерческих организациях», «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», «Об общественных объединениях», «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений». Основные принципы организации взаимодействия государственных и муниципальных органов власти и управления Дагестана с некоммерческими организациями прописаны в Законе РД «О взаимодействии органов государственной власти Республики Дагестан с негосударственными некоммерческими организациями», принятом в 2005 г.

Важным условием организации эффективного взаимодействия власти и общества по вопросам регулирования межэтнических отношений

в современном Дагестане является повышение открытости органов власти и управления. Одной из ключевых проблем отношений «власть – общество» в современной России, в том числе и на региональном уровне, является отсутствие развитого диалога между властными структурами и обществом – как общественными организациями, так и рядовыми гражданами, не объединенными в какие-либо структуры. Отсутствие открытости и прозрачности власти является ключевой причиной формирования коррупционных отношений, злоупотреблений полномочиями, способствует повышению авторитарности власти и, в то же время, ее отстраненности от решения действительно актуальных социальных проблем.

Невозможность вступить в адекватный диалог с властью усложняется этническим фактором – когда представители власти принадлежат к одной этнической группе, а обращающиеся к ним граждане – к другой этнической группе. В многонациональном Дагестане эта проблема особенно заметна, о ней говорят и пишут средства массовой информации, блогеры, но специфика сложившейся в республике политической ситуации такова, что над преодолением «разлома», существующего между властью и обществом в республике, предстоит значительная работа. Ее осуществление – задачи не только собственно республиканских органов власти и управления, но и общественных организаций самого Дагестана с одной стороны, федеральных органов власти и управления – с другой стороны. Дагестанское общество имеет богатые традиции добрососедских отношений и веротерпимости, решения возникающих противоречий методами народной дипломатии. Соответственно, использование этих традиций может привести к значительному повышению эффективности национальной политики в республике, особенно если к профилактике и урегулированию

этнополитических конфликтов привлекать общественных и религиозных деятелей¹.

Важной задачей для органов власти и управления в современном Дагестане становится также организация идеологического противодействия национал-экстремистским и религиозно-экстремистским тенденциям в жизни дагестанского общества, в первую очередь посредством привлечения к профилактике экстремизма религиозных деятелей, представителей научной и культурной общественности, работников средств массовой информации, учреждений образования. Пропаганда идеалов миролюбия, веротерпимости, толерантности является одной из основных задач в контексте обеспечения межэтнического и межконфессионального согласия в Дагестане.

В то же время, следует обратить внимание и на определенные проблемы, существующие в сфере государственного управления в Республике Дагестан. В первую очередь, речь идет о имеющем место дублировании функций региональными органами власти и органами исполнительной власти федерального уровня, о слаборазвитом взаимодействии федеральных и региональных органов власти и управления. В современном Дагестане на недостаточном уровне осуществляется использование богатого потенциала религиозных и общественных организаций, политических партий. Может быть уделено больше внимания методам традиционного миротворчества и народной дипломатии. Вполне вероятно, что должна быть создана структура, способная осуществлять координацию действий федеральных и региональных органов власти и управления в Республике Дагестан, особенно в сфере межэтнических и межнациональных отношений. Таким

¹ Ханбабаев К.М. Роль общественных объединений в сохранении межконфессионального и межнационального мира и согласия в Дагестане – [Электронный ресурс] – Режим доступа: - www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1178.pdf

органом может быть соответствующая комиссия или комитет в аппарате Полномочного Представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе.

С учетом сложности этнической структуры населения Дагестана, продуктивным способом существенного улучшения контроля качества работы муниципальных органов власти стало бы учреждение особой должности в штате заместителя политического представителя Президента Российской Федерации в СКФО специально по Республике Дагестан. Кроме того, неременным условием для повышения показателей эффективности существующей ныне национальной политики в Дагестане могло бы стать ужесточение процедур вменения ответственности государственных служащих республики, проявивших недостаточную реализации своих функций.

Подводя итог рассмотренным вопросам, отметим, что этнополитическая ситуация в Дагестане на данном этапе характеризуется состоянием стабильности в силу воздействия следующих причин: 1) наличие грамотно выстроенной системы национального квотирования, которая позволяет учитывать интересы всех этносов Дагестана, 2) крепким традициям народной дипломатии и добрососедства. 3) использование в политике личностного фактора, когда в регулировании межнациональных отношений принимают участие неформальные социально-религиозные лидеры, деятели науки и искусства. 4) отход от универсальных моделей управления по типу властно-административной вертикали и поиск индивидуального подхода, учитывающего иные модели управления.

Фактором, «цементирующим» межэтническое согласие в современном Дагестане, можно назвать также русский язык, являющийся в современном Дагестане языком межнационального общения. Наконец, важную роль в реализации политики этнополитического гражданского мира в Республике Дагестан играет сохранение национальных традиций,

которые, обеспечивая воспроизводство этнической идентичности дагестанских этносов¹, в то же время являются эффективным «противоядием» против чуждых дагестанскому менталитету религиозно-экстремистских идей и тенденций, проникающих в республику вследствие деятельности иностранных акторов.

Таким образом, в заключение параграфа можно привести некоторые выводы. Наиболее перспективными направлениями снижения межнациональной и межэтнической конкуренции в Республике Дагестан являются: формирование правового государства и укрепление гражданского общества; на основе традиций добрососедства и сотрудничества (включая традиции куначества, народной дипломатии и т.д.) развитие культуры и среды межнационального общения.

В завершение главы необходимо сделать следующие выводы:

Эффективная государственная политика, направленная на модернизацию республики Дагестан и снижение межнациональной конкуренции в регионе, предполагая, используя преимущества партнерской модели, решение проблем «разделенных народов» (аварцы, лезгины, ногайцы, шахуры), вынужденных переселенцев, оттока русскоязычного населения; разработку целевых программ межнациональной интеграции и укрепления межнациональных связей, повышения межнациональной и межконфессиональной толерантности, обеспечения равноправного участия в политических процессах традиционных религиозных конфессий, представленных в республике, а также решение проблем безработицы и коррупции.

Эффективная государственная национальная политика, направленная на оптимизацию межнациональных отношений должна использовать технологии прогностического характера (постоянного мониторинга,

¹ Курбанова, Д. А. Традиции и обычаи народов Дагестана в системе мер предупреждения преступности. Дис. ... канд.юр.наук. М., 2011. С. 12.

отслеживания латентной напряженности с целью своевременного предотвращения развития конфликта, разработку и переоценку эффективности моделей управления и т.д.); обеспечивать решение проблем социально-экономического и правового характера, в том числе проблемы социально-экономического неравенства этносов, становления гражданского общества, создания среды, в том числе языковой на основе государственного языка для межнациональных коммуникаций, а также использовать традиционный для Дагестана институт посредничества, привлекая к разрешению конфликтов имеющих авторитет представителей неформальной этнической элиты, религиозных лидеров и т.д., опираясь на возможности и преимущества партнерской модели.

Государственная власть должна принимать своевременные административные меры и использовать ресурсы патронажной модели управления для предотвращения политизации межнациональных противоречий, играть активную стратегическую роль в снижении конфликтогенности в Северо-кавказском регионе. Вместе с тем, необходимо расширение диапазона политического регулирования посредством активизации горизонтальных связей, характерных для партнерской модели, задействования ресурсов гражданского общества, институтов образования и культуры, неформальных лидеров в поисках оптимальных решений и реализации компромиссной политики в интересах всех субъектов политических процессов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прежде всего подчеркнем, что основным предметом и целью нашего исследования выступала государственная национальная политика, парадигмы которой менялись на протяжении постсоветского периода. Определенно можно отметить, что состоялся переход от ельцинской децентрализованной политики 90-х годов к путинской консолидационной, четко обозначенной с начала 2000-х и практикуемой по сей день. Основной вектор этой парадигмы российской государственной национальной политики был артикулирован и в обобщенном виде изложен в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2012 г.) и подтвержден в Указе Президента РФ от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В постановке исследовательской проблемы мы ориентировались на задачи «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.», пункт 21а, который направляет внимание и усилия на «совершенствование системы управления и координации государственных и муниципальных органов при реализации государственной национальной политики Российской Федерации». Реализация указанных среднесрочных и долгосрочных директивных задач требует значительного подкрепления научно-практическими и фундаментальными изысканиями, выбора предметного исследовательского полигона для сбора и обобщения необходимой информации.

В качестве такового была избрана Республика Дагестан, в рамках развития которой возможны наблюдение и обобщение, релевантные обстоятельствам развития Российской Федерации в целом.

В отличие от других национальных республик, краев и областей здесь сосуществуют, взаимодействуют, ищут согласие представители многих титульных этносов, и социум в этом измерении просматривается как полицентричный и конкурентный, содержащий предпосылки для возникновения межэтнических и конфессиональных конфликтов.

Нам предстояло смоделировать эти процессы. В результате поиска были определены параметры авторской модели национальных отношений в Российской Федерации. Они основываются прежде всего на общеметодологических подходах к моделированию в политологических исследованиях, связанных с использованием неформальных моделей. Под этим понимается то, что «... большинство разработчиков моделей рассматривают целый ряд наборов неформальных допущений, способных объяснить одни и те же данные, тем самым они рассматривают несколько потенциальных моделей и пытаются решить, какая из них лучше всего отражает изучаемую проблему»¹.

Конкретизируя данный подход, мы репрезентировали управление межэтническими отношениями в конкурентной социально-политической среде в виде модельного ряда, представляющего базовые отношения: конкуренции, патронажа и партнерства. При этом учитывался позитивный методологический и научно-практический опыт такого моделирования на материале взаимодействия бизнес-элит и политических элит, изложенный в научных работах А.М. Старостина, А.В. Понделкова, А.Е. Чириковой, Н.Ю. Лапиной и ряда других исследователей\

Нам пришлось также собрать значительный эмпирический материал, характеризующий противоречивые процессы в дагестанском социуме постсоветского периода\ Он представлен и в результатах ряда социологических проектов, в которых автор принимал непосредственное

¹ Джарол Б. Мангейм, Ричард К. Рич. Политология. Методы исследования. – М.: Весь Мир», 1997. С. 470-471.

участие, а также многочисленных аналитических материалах Комиссии по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики. Эти данные показательны в общесоциальном контексте противоречивым сочетанием модернизационных и демодернизационных процессов, явным проявлением традиционализации, что проявляется и в общероссийском контексте, но менее явно.

Вместе с тем анализ политико-управленческой практики, должной быть ориентированной на государственные интересы, мало учитывает обозначившиеся реалии, либо же ее (политико-управленческую практику) захлестывает волна альтернативных воздействий, ориентированных на иные центры и механизмы политического влияния. Это требует внимательного научного исследования не только самой управленческой практики, но и методологических, и ценностно-смысловых оснований, выбираемых для ее выстраивания.

Подведем основные итоги нашего исследования. В этом плане анализ показал, что модели отношений между национальностями, рассмотрение которых основано на преобладании конструктивистских установок, не обладают должными объективными характеристиками, которые могли бы быть предметом политологического исследования. Конструктивизм исходит из того, что межнациональные отношения, их качество и особенности, зависят от технологий социально-политического манипулирования. Данное методологическое основание лишает исследователя какой-либо возможности понимать природу межнациональных отношений с точки зрения полноты и всего комплекса реально действующих социально-политических и социокультурных программ, определяющих механизмы межэтнической коммуникации. Это лишает исследователя возможности вести научный поиск моделей теоретического характера, способных при их применении оптимизировать практики межнационального взаимодействия.

Исходя из сказанного, мы убеждены, что возможно выделение трех идеальных типов, или трех моделей политического управления в системе межнациональных взаимоотношений: патронажной, конкурентной и партнерской. Противоположной из трех представленных следует считать конкурентную модель, как противоречащую своими сущностными компонентами двум другим. Данный вывод основан на том, что конкурентная модель отношений выводится из спонтанного или управляемого хаоса. Между тем, патронажная и партнерская выводятся из отношений иного типа. Патронажная модель основана на вертикально структурированных, или неравных формах взаимодействий в области национальной государственной политики, в то время, как партнерская исходит из горизонтально структурированных, или равных отношениях.

Характер межнациональных отношений в Дагестане, а также в иных северокавказских республиках, отличается от других регионов России высоким уровнем противоречий между этносами. Это обуславливается и каналами исторической памяти, и современным опытом протекания этнических взаимодействий. В историческом прошлом народы, которые населяют Дагестан, получили крайне негативный опыт, связанный с проникновением российского государства на Северный Кавказ, что способствовало росту существенной напряженности в межэтнических взаимоотношениях. И всё же, нужно сказать, что в советскую эпоху истории Дагестана были прочно укоренены интернационалистские идеологемы, поддерживался достигнутый баланс в равновесии интересов. В постсоветский период открылись новые ресурсы для межконфессионального взаимодействия, что привело к возрождению не только забываемых в советскую эпоху социокультурных традиций, но и ценностей исламского мира, многие из которых приобрели явно выраженные черты исламского фундаментализма, порождая новые формы исламской идентичности. Появились диспропорции, актуализирующие

социально-политическую значимость исламской идентичности и формирующимися общегражданскими формами российской идентичности. Во многом именно это привело к политизации ислама, распространению мусульманского фундаментализма, принимающего порой проявления терроризма и экстремизма. В результате исламский фактор стал мощнейшим катализатором, формирующим напряженность в межнациональных взаимоотношениях.

Традиционализацию и архаизацию социально-политических отношений на Северном Кавказе также следует рассматривать в качестве существенного фактора, который негативно повлиял на структуру межнациональных отношений. Под этим термином мы подразумеваем процессы деиндустриализации и преобладание сельского хозяйства в экономической системе Дагестана, продолжающийся отъезд русскоязычного населения из республики, ренессанс исламских традиций и племенных обычаев в повседневном быту, возрастание безработицы и связанной с ней напрямую массовой миграцией трудоспособного населения в другие регионы страны на заработки или даже постоянное местожительство. С точки зрения идентификационных критериев, архаизация также выражается в повышении в повседневных практиках значения этнической идентичности против общегражданской макроидентичности локального контекста.

Рассмотренные в диссертационной работе факторы имеют потенциал конфликтогенного воздействия, увеличивая напряженность в межэтнических взаимоотношениях, усложняют ее характер, наделяют многомерностью. В результате, конфликты между этносами приобретают политический контекст, формируя принципиально иную политическую реальность: этнополитическую конкурентность, зачастую переходящую в конфликт.

Любая общность конкретные отношения между субъектами может выстраивать через взаимное проникновение и переплетение каждой из

трех представленных моделей. При этом важно понимать разницу пропорционального соотношения между ними в реальной практике. В республике Дагестан наиболее выражена конфликтная модель межнационального взаимодействия.

Основным затруднением выстраивания национальной политики государства по принципу патронажной модели является необходимость направленного конструирования в республике межнациональных отношений, исторически формировавшихся в сложноорганизованной среде, потенциально таящей в себе латентные конфликты. Ресурсы патронажной модели, регулирующей межнациональные отношения в Дагестане посредством государственных воздействий на всех возможных уровнях, дает возможность поддержать ясную приоритетность во взаимодействии разных групп этносов, которые ориентируются на целостность государства и общую для всех народов гражданскую идентичность, имеющую приоритет в отношении этнорегиональной. Тем не менее, необходимо согласиться, что патронажной модели свойственна опора на традиционалистские и консервативные социокультурные элементы, которые невозможно совмещать с модернистскими ценностями политического характера. Соответственно теоретическое моделирование и практическое применение патронажной и партнерских моделей должно обеспечивать оптимальный баланс системы управления посредством использования вертикали и горизонтали власти, сочетать стратегическую роль государства с ресурсами влияния гражданских и неформальных структур управления.

Проблематика, связанная с моделированием конструктивных межнациональных отношений в республиках Северного Кавказа, в частности, в Республике Дагестан, остается остроактуальной и нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2018 г. // Российская газета. 2018. 2 марта. № 46.
2. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 // <http://президент.рф/news/17165>.
3. Абадинский Г. Организованная преступность. СПб., 2002.
4. Абакаров Р.И., Джабраилов Ю.Д. Современная этноконтактная ситуация в Республике Дагестан // Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя: Сборник статей / Под общ. ред, А.-Н.З.Дибирова. - М., 2013.
5. Абакаров Р.И. Межэтнические отношения в Республике Дагестан (по материалам социологических исследований 2013 г.) // Вестник Дагестанского научного центра – 2013 - № 51 – С. 135-138.
6. Абдулагатов З. Ваххабизм и джадидизм в дагестанском исламском сознании: параллели и противоречия // Центральная Азия и Кавказ – 2006 - №6 (48) - С.108-120
7. Абдуллаева М.Ш. Проблемы внутриисламского диалога в Дагестане // Теория и практика общественного развития – 2012 - № 2.
8. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Маслова Т.Ф. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа. // Социологические исследования. – 2008 - № 2.
9. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы. Ростов н/Д., 2011.
10. Агаев А. Г., Магомедов Р.М. Дагестанское единство: история и современность. Махачкала. 1995.
11. Адиев А. З. Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. – Ростов-на-Дону, 2010.

12. Адиев А.З. Методология оценки эффективности государственной национальной политики // Вестник российской нации - 2013- №3-4, С 107-120.
13. Адиев А.З. Этнополитические конфликты в Дагестане: особенности и механизмы урегулирования. Дис. ... канд. полит.наук. Ставрополь, 2009.
14. Адрианов Н.С. Грузино-Юго-Осетинский конфликт: специфика политического урегулирования. Автореферат дис. ... канд.полит.наук. - Н. Новгород, 2012.
15. Алигаджиева М.А. Элитогенез в политическом поле Дагестана // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена - № 164 – 2014 – С. 167-172.
16. Алиев А.К., Юсупова Г.И. Миротворчество и народная дипломатия на Север-ном Кавказе. – Махачкала, 2002.
17. Алиев М.А. Причины и факторы религиозного экстремизма в Республике Дагестан - [Электронный ресурс] – URL: // <http://radiovatan.ru/story/803>. Дата обращения. 10.12.2015.
18. Алипулатов И. С. Национальный вопрос. Опыт. Проблемы. Перспективы // Молодой ученый. — 2014. — №19. — С. 405-407.
19. Алпатов В.М. Языковая ситуация в современной России // Отечественные записки. – 2005 - № 2.
20. Ананичева С.Р., Демьяник Н. Межэтнические конфликты на постсоветском пространстве // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета - 2014 - Том 5 - № 3- С. 53 – 56.
21. Ангархаев А.А. Проблема национальной идентичности в контексте глобализации // Экологическая этика и образование для устойчивого развития. Материалы Байкальской международной конференции ЮНЕСКО. - Улан-Удэ, 2006.

22. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
23. Архипова Е.В. Граница как фактор идентичности (на примере разделенных народов Дагестана) // Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016.
24. Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства) – Монография. – М.: Московское бюро по правам человека. 2011.
25. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. VI. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.
26. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. – М.: МОНД, 2000.
27. Афанасьева Р. Социокультурные аспекты противодействия молодежи экстремизму в молодежной среде // Власть. 2007. N 5.
28. Ашвад Аббас. Ближний Восток в стратегии США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2008. № 1. С. 74–82.
29. Балашов Ю.А. Проблемы разделенных народов и варианты их решения в международно-политическом континууме. Автореферат дис. ... доктора полит.наук. Н.Новгород, 2008.
30. Балашов З., Балашова Т., Голик Ю., Дук Ю. Нелегальная и криминальная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Уголовное право. – 2008 - № 2.
31. Белозеров В. Русские на Кавказе: эволюция расселения // Евразия: информационно-аналитический портал. 11 августа 2011 г. - [Электронный ресурс] – URL: <http://evrazia.org/article/1749>. Дата обращения. 5.11.2015.

32. Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения. Автореферат дис. ... канд.соц.наук. - М., 2008;
33. Борисов Е.А., Охлопкова Н.В. Динамика международной трудовой миграции в России // Проблемы современной экономики. – 2012 - № 4 (44);
34. Бобровников О.В. С того, кто взял ишкиль: Документы рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ИЦ РАН о кавказском адате: ишкиль в Дагестане XVII-XIX вв. // Советские архивы – 2006 - № 5.
35. Богатырева О.В. Проблемы межкультурной коммуникации народов Северного Кавказа // Культура и образование. – 2014. - № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/09/2416>. Дата обращения: 20.11.2015.
36. Боров А.Х., Муратова Е.Г. Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность – 2011 - № 4 – С. 157-166.
37. Будницкая Ю.А. Демографические и миграционные процессы, их этнокультурные особенности в субъектах Северного Кавказа. Автореферат дис. ... канд.эконом.наук. М., 2009.
38. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. - М., 2003.
39. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. - М. 2006.
40. Валяровский Ф.И. Актуальные проблемы правового регулирования межнациональных отношений в Российской Федерации / Ф.И. Валяровский, Н.Л. Диденко, Л.А. Сугрей; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. - Пятигорск, 2011.
41. Вартумян А.А. К вопросу о модернизационном потенциале на Северном Кавказе: региональная проекция // Политология — XXI век. Политический процесс в российских регионах: эволюция институтов

власти и общественно-политических структур // [Электронное издание] / Под ред. Капицына В. М., Коваленко В. И., Цыганкова П. А., Шелистова Ю. И., Ширинянца А. А. / Сост. Волошин А. И. — М.: Издательство Московского университета, 2013. — 1 электронный опт. диск (CD-ROM). — URL: <http://polit.msu.ru/pub/XXI-2/index.htm>

42. Варшава Е.А. Тарки-Караман: механизм одного земельного конфликта в Дагестане // Мониторинг общественного мнения - № 5 (123) – сентябрь - октябрь 2014 – С. 133-150.

43. Венков А.А. Процесс становления и развития модели современного российского федерализма (1980-х - начало 2000-х гг.): исторический аспект. Дис. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 2010.

44. Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.

45. Власть, бизнес, гражданское общество: модели взаимодействия. Информационно-аналитические материалы Круглого стола с международным участием. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016.

46. Выступление В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. – [Электронный ресурс] - URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243>. Дата обращения: 11.02.2016.

47. Габиева М.Р. Социально-культурное развитие Республики Дагестан. Дис. ... канд.соц.наук. Майкоп, 2013.

48. Гавров С.Н. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004.

49. Гаджиев К.С. О природе политических режимов национальных республик Северного Кавказа // Мир и политика. 2011 - № 9 (60)

50. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. – 2011 - № 10.

51. Галецкий В. Критическая апология мультикультурализма // Дружба народов. - 2006 - № 2.
52. Галкин А.А. Некоторые аспекты национального вопроса // Вестник РАН. - 2006. - № 11
53. Гаман-Голутвина О.М. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. - М., 1998.
54. Гасанов М. Р. Дагестан в учебниках по отечественной истории // Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием. – Ростов н/Д.: Фонд развития науки и образования, 2016.
55. Геворгян Г. М. Криминологические проблемы борьбы с организованными этническими преступными формированиями в России: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2000.
56. Гегель, Г.В.Ф. Философия права. - М., 1990.
57. Гельман В. Я. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории). – Полис. Политические исследования. - 2001. - № 1.
58. Герман Н.Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 11 (149). Философия. Социология. Культурология. Вып.11.
59. Глушко В.С. Регулирование этнических миграций как фактор социальной стабилизации на юге России. Автореферат дис. ... канд. социол.наук. - Краснодар, 2011.
60. Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества. Информационно-аналитические материалы научно-практической конференции с международным участием. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2018.
61. Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи. 1997-2002. М., 2004.

62. Дагестан: этнополитический портрет.. Очерки. Документы. Хроника. Этнополитические организации и объединения. М., 1993. Т.Ш.
63. Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. Ростов-н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР», 2000.
64. Дибиров А.-Н. 3. Партии, фронты, ополчения. Газета Дагестанская правда Махачкала 25 августа 2011 г.
65. Дидигова И.Б. Анализ административно-территориального устройства народов Северного Кавказа в российской историографии с учетом новых реалий и современности // Историческая и социально-образовательная мысль - № 4 – Т. 7. – 2015. – С. 22-30. С. 23.
66. Дзидзоев В.Д. Национальная политика на Северном Кавказе: вызовы и ответы XXI века – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.darial-online.ru/2005_4/dzidzoev.shtml
67. Дибиров А.Н.З, Исрапилова К.М. Символы дагестанской идентичности // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. – М.: «Аспект пресс», 2015.
68. Добаев И.П. Современный терроризм: региональное измерение / Отв. ред. Ю.Г. Волков. - Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.
69. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону, Изд-во СКНЦ ВШ, 2003.
70. Драганова Ю. К. Основные модели взаимодействия политической и бизнес-элит в России // Теория и практика общественного развития. 2011. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-modeli-vzaimodeystviya-politicheskoy-i-biznes-elit-v-rossii> (дата обращения: 12.12.2015).
71. Дробижева Л., Арутюнян Ю., Кузнецов И. Что кавказцы ищут и находят в Москве // Демоскоп weekly/ # 271-272, 1-21 января 2007.
72. Дуканов О.М. Нелегальная миграция как угроза безопасности Ставропольского края // Проблемы реализации уголовной политики

Российской Федерации на региональном уровне. Сборник научных трудов. М., Ставрополь, 2007.

73. Жабелова Л.М. Концептуальные основы национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе // Научные проблемы гуманитарных исследований - № S 11 – 2009.

74. Жаде З.А. Конструктивный потенциал этнического фактора / Жаде З.А., Хунагов Р.Д. // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 1.

75. Зайончковская Ж. А., Тюрюканова Е. В., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Миграция. Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред.: А. Г. Вишневский. . Вып. 17. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011.

76. Зайончковская Ж. А. Внешние миграции // В кн.: Социальное и демографическое развитие России. Каирская программа действий: 15 лет спустя / Рук.: Т. М. Малева, О. В. Синявская. М.: Права человека, 2010. № 12. С. 144-155.

77. Зайончковская Ж. А., Мкртчян Н. В., Тюрюканова Е. В., Полетаев Д. В. Миграция // В кн.: Население России 2008: Шестнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред.: А. Г. Вишневский. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. № 5. С. 257-295.

78. Залесны Я. Особенности системы государственной власти в Республике Дагестан – Юридическая наука - № 2 – 2015 – С. 24-32.

79. Здравомыслов А.Г., Цуциев А.А. Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм // Социологический журнал. – 2003. – №3.

80. Землякова С.Ю. Идеология этноэтатизма на Северном Кавказе. Автореферат дис. ... канд.соц.наук. Ростов-на-Дону, 2012.

81. Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации (три года спустя) //

Исследование по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2016. Вып. 253.

82. Ильясов З.З. Опыт и проблемы реализации стратегии национальной политики РФ в Республике Дагестан // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015.

83. Казенин К. И. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. — М.: Издательский дом «Регнум», 2012

84. Корецкий А.В. Конфессиональные факторы межэтнических конфликтов в Северо-кавказском регионе. Дис. .. канд.филос.наук. Краснодар, 2009.

85. Крылов А. Б. Сепаратизм. М.: Знание (Серия «У политической карты мира», № 8), 1990.

86. Кузиванова О.Ю. Политико-идеологические векторы национальной политики России // Власть - № 1 – 2015 – с. 39-43.

87. Курбанова, Д. А. Традиции и обычаи народов Дагестана в системе мер предупреждения преступности. Дис. .. канд.юр.наук. М., 2011.

88. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. В 3-х т. М., 1996. Т. 1.

89. Ланда К.Г. Потенциал Республики Дагестан в противостоянии современным угрозам и вызовам в Каспийском регионе // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015.

90. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М., 1999.

91. Левада Ю.А. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения. 2006. № 1.

92. Левада Ю.А. Элита и «массы» в процессах трансформации // Кто и куда стремится вести Россию?.. М., 2001.

93. Лозовой Д. В Ростовской области в июле произошла своя Кондопога // Версия. 2006. 12 сент.
94. Лубский А.В. Конфликтогенные факторы на юге России: методологические исследования и социальные реалии. Ростов-на-Дону, 2005
95. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997.
96. Лысенко И.С. Межэтнические и межнациональные отношения и основные типы управления ими. \\\ Автореферат дис. ... канд.полит.наук. Красноярск. 2011.
97. Ляпунов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 2000.
98. Магомеддадаев А. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. – Махачкала, 2001.
99. Магомедов А.Р. К истокам единства народов Дагестана // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015.
100. Магомедсалихов Х.Г. Традиционные формы разрешения конфликтов у аварцев в XIX - начале XX века. Дис. ... канд.ист.наук. Махачкала, 2003.
101. Майал Х. Трансформация конфликтов: комплексная задача // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. – М., 2007.
102. Майборода Э.Т. Управление региональными этнополитическими процессами в условиях реполитизации этничности // Вестник Южного научного центра РАН. 2008. №1. С.74-80.
103. Мамараев Р.М. Оценка дагестанскими избирателями новой системы выборов главы Республики Дагестан // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. – М.: «Аспект Пресс», 2015.

104. Мамараев Р.М. Факторы активизации протестного движения в Дагестане // *Фундаментальные исследования* - № 2-23 – 2015 – С. 5253-5256.
105. Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пашенко И.В., Романов И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. 5. Спец. вып. М., 2011.
106. Махмудов Т.З. Понятие этноса и других категорий этнических групп // *Аналитика культурологии. Электронное научное издание – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/1561>. Дата обращения. 5.12.2015.*
107. Медведев Н.П. Проект партнерство ради мира: геополитическое измерение и политические перспективы.- [Электронный ресурс] Режим доступа: - // http://www.rusnauka.com/30_NNM_2010/Politologia/73029.doc.htm. Дата обращения. 9.10.2014.
108. Мирзоян Г.В. Социальное партнерство в российском обществе: социально-философский анализ. Дис. ... доктора полит.наук. Ростов-на-Дону, 2010.
109. Михайлова О. Современный политический процесс: кланы и власть – [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <http://onkavkaz.com/articles/1329-sovremennyi-politicheskii-process-klany-i-vlast.html> - [Дата обращения: 11.11.2015].
110. Михеев В.А. Основы социального партнерства. М., 2001.
111. Мономах В. Нелегальная миграция: бомба замедленного действия [Электронный ресурс] – URLL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/948397/>. Дата обращения. 9.07.2015.

112. Мочалов Т. Проблемы в области миграционной политики России (анализ основных заблуждений и поиск актуальных направлений деятельности) // Власть. № 07, 2011;

113. Мсоева Ф.Б. Формирование федеративных отношений в Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы развития. Дис. ... канд.полит.наук, Краснодар, 2006.

114. Музаев Т. Этнический сепаратизм в России. М., 1999.

115. Мукомель В. Интеграция мигрантов: Российская Федерация. Научно-исследовательский отчет 2013/1. М., 2013;;

116. Омаров М.А. Этническое многообразие как фактор формирования российской идентичности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. № 6. 2012. – С. 99-108.

117. Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизм этнополитических процессов в современной России. М., 2004.

118. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2001.

119. Патрон-клиентские отношения в истории и современности. – М.: РОССПЭН, 2016.

120. Пинкевич Т.В. Некоторые особенности причинного комплекса преступности на Ставрополье и миграция / Организованная преступность, миграция, политика. М., 2002.

121. Плотников А.И. Межсекторное партнерство как социальная инновация для муниципальной власти России // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/05/404> (дата обращения: 03.03.2016).

122. Понеделков А.В., Старостин А.М., Старостин А.А. Межнациональные отношения и национальная идентичность в современной России: проблемы и перспективы развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2015. № 3 (30). С. 21–35.

123. Пляйс Я.А. Идентичность и интеграция в мире и в России: плюсы и минусы // «Идентичность и интеграция: опыт России и Германии». Сборник материалов международной научно-практической конференции в г. Пятигорск 15-17 июня 2009. Ростов-на-Дону – Пятигорск, 2009.

124. Поликарпов В.С. Закат Америки. - [Электронный ресурс] – URL: <http://historik.ru/books/item/f00/s00/z0000004/index.shtml>. Дата обращения: 7.05.2015.

125. Поляков Е.М. Политика органов государственной власти России на Северном Кавказе (1990-е – 2000-е гг.). Автореферат дис. ... канд.полит.наук. Воронеж, 2009.

126. Понеделков А. В., Старостин А. М. Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. Политические исследования. № 6. 2008. – С. 86-98.

127. Понеделков А. В., Старостин А. М. Элиты и будущее России: взгляд из регионов (Вып. первый). Ростов-на-Дону, 2007.

128. Проблемы национальной безопасности: региональный уровень. Информационно-аналитические материалы круглого стола с международным участием. – Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

129. Проблемы противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе и пути их решения в современной России – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2018.

130. Рагозина С.А. Анализ геоэлекторальной структуры Республики Дагестан (1995 – 2012) // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015.

131. Рамазанов, Курамухаммад-хаджи. Заблуждение ваххабизма в шариатских вопросах. Перевод Магомедова У.Г. 2-е издание. Махачкала, 2008.

132. Религия и конфликт. М., 2007.

133. Романов М. Почему мы теряем Северный Кавказ? – [Электронный ресурс] - <http://expert.ru/expert/2013/48/pochemu-my-teryaem-severnyij-kavkaz/> - Дата обращения: 6.11.2015.

134. Рябченко Е.В. Идеология экстремизма как средство социального управления // Общество и право – 2015 - № 1 (51) – С. 305-308.

135. Савельев А.Н. Образ врага. Расология и политическая антропология. М., 2010.

136. Саид Э. Культура и империализм. М., 2012.

137. Салгириев А.Р. Политические элиты республик Северного Кавказа как субъект управления политическими процессами. – М.-Ростов н/Д.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2014.

138. Самыгин С.И., Верещагина А.В., Белов М.Т. Угрозы национальной идентичности в информационном пространстве современного социума и риски информационной безопасности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 4. - С. 78–85

139. Северный Кавказ в историческом пространстве и времени. Доклад программной группы по развитию кавказоведческих исследований в КБГУ / Под рук. Б.С. Карамурзова. Нальчик, 2013.

140. Семедов С.А. Ислам в политике: идеология и практика. М.: Экон-Информ, 2009. 272 с.

141. Семедов С.А. Радикальный ислам в современной России // Информационный бюллетень АТЦ СНГ. №23, М., 2014, С.74-92.

142. Семедов С.А. Современный международный терроризм как главная угроза миропорядку //Геополитические угрозы и укрепление государства как ответ на глобальные вызовы: коллективная монография/Под ред. С.Г. Киселева. – М.: МАКС Пресс, 2016. (С.102-127)

143. Смирнова А.В. Гармонизация межэтнических отношений как решающий фактор обеспечения стабильного и устойчивого развития российского общества – [Электронный ресурс] – URL: - // http://www.sociosphaera.com/publication/conference/2014/224/garmonizaciya_mezhetnicheskih_otnoshenij_kak_reshayuwij_faktor_obespecheniya_stabilnogo_i_ustojchivogo_razvitiya_rossijskogo_obw/. Дата обращения. 14.01.2016.

144. Стародубровская И.В. Соколов В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. - М., 2013.

145. Старостин А.М. Модернизация и ее альтернативы в развитии современной России // Модернизация как управляемый конфликт. М.: Изд.Дом «Ключ-С», 2012.

146. Старостин А.М. Философия конфликтологии: статус направления научного поиска и базовые проблемы // Конфликтология. 2014. № 5. С. 134–138.

147. Старостин А.М. Эффективность деятельности государственной власти и управления: критерии оценки, анализ состояния, пути повышения (элитологический аспект). – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2005.

148. Степанов В.В., Тишков В.А. Россия в этническом измерении (по результатам переписи 2002 г.) // Этносоциология. 2005.

149. Степанченко В.И. Приобретение независимости Российской Федерацией. Проблема «суверенизации» // Юридическая наука. № 4. 2012. – С. 31-35.

150. Султыгов А.-Х. Северный Кавказ: модернизация или деградация? Заметки на полях Послания Президента. // Вестник Российской нации. - 11 декабря 2009.

151. Сунгуров А.Ю. Взаимодействие власти и структур гражданского общества: возможные модели // Гражданский диалог. 2008. № 3. С. 37-40.

152. Сунгуров А.Ю., Захарова О.С., Петрова Л.А., Распопов Н.П. Институты – медиаторы и их развитие в современной России. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт // Полис. Политические исследования. - 2012.- № 1. С. 165-178.

153. Супян В. Миграция и некоторые аспекты экономической безопасности // http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/trud/ekonom_bezopastnost/

154. Суций, С. Я. Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М. : Ленанд, 2013.

155. Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции.– Нальчик, 2006. – 352 с.

156. Тишков В.А. Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / В.А. Тишков, В.В. Степанов; под ред. В.В. Степанова. - М.: Ставрополь ; Пятигорск, 2013.

157. Тишков В.А. О некоторых актуальных проблемах реализации государственной национальной политики // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015.

158. Труженикова Л.А. Республика Дагестан в конце XX – начале XXI в.: эволюция высшей государственной власти - Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки - № 4 – 2008. С. 74-78.

159. Туаева Б.В. Этнокультурный опыт выстраивания межнациональных отношений на Северном Кавказе // Международный научно-исследовательский журнал - № 8-4 (39) – 2015 – С. 80-82.

160. Тхатель С.А. Социокультурные особенности развития гражданского общества на Северном Кавказе // Теория и практика общественного развития - № 9 – 2013 – С. 95-96.

161. Усова Ю. В., Койбаев Б. Г. Политическая элита Северной Осетии: трансформация в постсоветский период. Владикавказ, 2009. – 200 с.
162. УФМС по Ростовской области. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Управления Федеральной миграционной службы по Ростовской области на 2012 год и плановый период 2013, 2014, 2015 годов. Ростов-на-Дону, 2013;
163. Федеральная Миграционная Служба РФ. Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 8 месяцев 2013 года – Официальный сайт ФМС МВД РФ - [Электронный ресурс] – URL: - // <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/72075/>.
164. Федеральная Миграционная Служба МВД РФ. Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2012 год [Электронный ресурс] – URL: // <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/53595/>.
165. Федеральная Миграционная Служба МВД РФ. Проект доклада о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной Миграционной Службы на 2010 г. и плановый период 2011-2012 гг. М., 2009;
166. Филиппов В. «Укрепление вертикали власти» и деполитизация этничности в России // Свободная мысль – 2005 - № 12 – С. 35-36.
167. Халилов Т.А. Межсекторное взаимодействие как условие политической модернизации современной России: институциональный аспект. Дис. ... канд.полит.наук. Краснодар, 2012.
168. Ханбабаев К.М. Республика Дагестан в новых геополитических условиях: состояние и перспективы // Северный Кавказ: профилактика конфликтов. М., 2008. С. 17-35.
169. Ханбабаев К.М. Роль общественных объединений в сохранении межконфессионального и межнационального мира и согласия

в Дагестане – [Электронный ресурс] – URL: www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1178.pdf. Дата обращения: 17.01.2016.

170. Хлопкова В.М. Этнополитические и этнодемографические трансформации на Северном Кавказе в 1920-е годы в условиях реализации советской национальной политики // Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности. Всероссийская научно-практическая конференция. - Армавир, 2014. - С. 91-101.

171. Ховрин А.Ю. Функции социального партнерства и особенности их проявления в сфере молодежной политики // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2 - С. 201-219.

172. Ховрин А. Ю. Социальное партнерство в сфере реализации общественной (негосударственной) молодежной политики // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. - С. 179-201.

173. Черкесов Б.А., Лобода О.Б. Этнические конфликты как фактор нестабильности общества // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 11-5. – С. 721-726.

174. Черкесов В.А. Современное состояние этнополитических конфликтов на Северном Кавказе и возможности их устранения // Фундаментальные исследования. 2007. № 12 (часть 2) – С. 411-413

175. Черноус В.В. К вопросу о горской цивилизации // Россия в XIX - начале XX вв. Ростов-на-Дону, 1992.

176. Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3.

177. Чирикова А.Е. Политическая элита в российских регионах: власть и политические институты. Автореф. дис. ... докт. соц. наук. М., 2003.

178. Шамсуев М.-Э.Х. Политическое обеспечение информационной безопасности на Северном Кавказе. – М.-Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2014.

179. Шахбанова М.М., Нашева М.К. Роль образования в формировании толерантности в отечественном сознании дагестанских народов // Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием. – Ростов н/Д.: Фонд образования и науки, 2016.

180. Шинелева Л.Т. Общественные неправительственные организации и власть. М., 2002.

181. Эбзеев А.А. Западный Кавказ: проблемы политической реинтеграции // Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 39 / Отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону, 2006.

182. Эмиров Р.М. Геополитические приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе. Автореферат дис. ... канд.полит.наук. М., 2014.

183. Ярлыкапов А.А. Современный Дагестан: актуальные этнополитические и этноконфессиональные проблемы – [Электронный ресурс] – URL:: - // http://e-notabene.ru/pr/article_257.html. Дата обращения: 9.09.2015.

184. Western Multicultural Theory and Practice and its Applicability to the Post-Soviet. States // Journal of Contemporary European Studies. – 2005. - N 13(2).

185. Weiner, G. Multiculturalism: The Canadian Experience. - The Journal of Ethno-Development. Organizing Editor O. Feinstein. Michigan Ethnic Heritage Studies Center., 1992, Vol.1, No.2.

186. Willerton J. Patronage and politics in the USSR. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992.